INTERNATIONAL BESTSELLER

КИМБЕРЛИ БЕЛЛЬ

Лживый брак

Роман-интрига. Яркий, полный тайн, непредсказуемых зловещих событий и неожиданных разоблачений. Бессонная ночь вам обеспечена.

Redbook

Лживый брак
Кимберли Белль

Аннотация
Кимберли Белль. Лживый брак. Роман
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
Благодарности

Аннотация

Айрис и Уилл счастливо женаты уже семь лет. Они любят друг друга, их брак близок к совершенству. Но однажды утром, когда Уилл отправляется в командировку во Флориду, счастливый и безмятежный мир Айрис рушится. Потерпел крушение «боинг», летевший совсем в другом направлении, в Сиэтл. Выживших нет. И по сообщению авиакомпании, Уилл – один из погибших пассажиров. Айрис потрясена известием, но отказывается верить, считает случившееся недоразумением. Однако телефон мужа молчит, а на месте авиакатастрофы находят его вещи и обручальное кольцо. Почему же Уилл солгал о том, куда направляется? Что понадобилось ему в Сиэтле? О чем еще он врал ей? Айрис старается разобраться в странной и, возможно, криминальной истории. Ответы, которые она получит, перевернут всю ее жизнь.

Кимберли Белль
Лживый брак
Роман

Кристи Барретт, очаровательной ведьмочке

Kimberly Belle
The Marriage Lie
a novel

* * *

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

The Marriage Lie Copyright © 2016 by

Kimberle Swaak-Maleski
«Лживый брак» © Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

1

Я просыпаюсь оттого, что вокруг моей талии обвивается рука мужа, и каждой клеточкой тела — от головы до пят — оказываюсь прижатой к его разгоряченной сном коже. Вздохнув, удобней устраиваюсь в объятиях мужа, прижимаясь спиной его груди и чувствуя, как меня окутывает родное тепло. Во сне Уилл всегда горячий, словно печка, а у меня какая-нибудь часть тела обязательно оказывается замерзшей. Сегодня утром это ступни, и я пристраиваю их между его теплыми лодыжками.

— У тебя ноги как ледышки. — Во мраке комнаты слова звучат приглушенно, и я скорее ощущаю вибрацию, чем слышу его голос. За шторами, закрывающими окно нашей спальни, еще не утро, а тот окрашенный в сиреневые тона час, который бывает между ночью и днем, и до звонка будильника около получаса. — Они что, свешивались с кровати?

Апрель еще только начинается, а март пока не ослабил своих ледяных объятий. Последние три дня небо было затянуто свинцовыми тучами,

непрерывно лил дождь, и холодный ветер прочно удерживал столбик термометра ниже нулевой отметки. Судя по прогнозу, терпеть такую погоду нам предстоит по крайней мере еще неделю, но Уилл, единственный из жителей Атланты, не боится холода и держит окна широко открытыми. Ему всегда жарко, будто внутри у него встроенный обогреватель.

— Это потому, что тебе нравится спать на морозе. Я себе уже все конечности отморозила.

— Иди сюда. — Его пальцы скользят по моему боку, и он теснее прижимает меня к себе. — Давай я тебя согрею.

Какое-то время мы лежим в уютной тишине, рукой он обнимает меня за талию, его подбородок покоится в ложбинке у моего плеча. Кожа Уилла влажная и чуть липкая после сна, но я не обращаю на это внимания. Это один из тех сокровенных моментов, которыми я особенно дорожу, в эти минуты, как и в минуты близости, стук наших сердец и дыхание сливаются воедино.

— Ты мой самый любимый человек на планете, — шепчет он мне на ухо, я улыбаюсь. Эти слова заменяют нам привычное «я люблю тебя» и значат для меня гораздо больше. Каждый раз, когда они срываются с его губ, я слышу в них обещание.

Я люблю тебя больше всех, и всегда буду любить.

— И ты тоже мой самый любимый человек.

Подруги уверяют меня, что так будет не всегда и я перестану чувствовать такую неразрывную связь с мужем. Скоро, говорят они, привычка погасит пламя, и я начну замечать других мужчин. Я стану румянить щеки и подкрашивать губы не для мужа, а для безымянных незнакомцев, и буду представлять, как они трогают меня там, где дозволено трогать только мужу. Подруги называют это «зудом седьмого года брака», но я с трудом представляю себе, что такое может произойти, поскольку сегодня — как раз семь лет и один день после свадьбы — рука Уилла скользит по моей коже, и единственный зуд, который я испытываю, — это зуд желания, которое он во мне вызывает.

Мои сомкнутые веки начинают трепетать, возбуждение, вызванное его прикосновениями, говорит о том, что сегодня я, похоже, опоздаю на работу.

— Айрис? — шепчет он.

— М-м-м?

— Я забыл поменять фильтры в кондиционере.

Я открываю глаза.

— Что?

— Я говорю, что забыл поменять фильтры в кондиционере.

Я смеюсь.

— Так и думала. — Уилл гениальный программист, но немного рассеян, а его мозг так перегружен информацией, что он вечно забывает о всяких мелочах… но только не в сексе. На сей раз я отношу его забывчивость к необычайно большой загруженности на работе, а также к тому факту, что муж собирается на трехдневную конференцию во Флориду, так что список его дел на сегодня длиннее обычного. — Но ты сможешь заняться этим на выходных, когда вернешься.

— А если тепло наступит раньше?

— Вряд ли. Но даже если и так, фильтры вполне могут пару дней подождать.

— А в твоей машине, наверно, нужно поменять масло. Когда ты последний раз это делала?

— Не знаю.

Мы с Уиллом делим домашние обязанности по половому признаку. Машины и дом на нем, а я занимаюсь готовкой и уборкой. Такое разделение труда устраивает нас обоих. В колледже я была феминисткой, но замужество научило меня быть практичной. Готовить лазанью гораздо приятней, чем чистить канавы.

— Посмотри квитанции со станции техобслуживания, хорошо? Они в бардачке.

— Хорошо. Но что это за внезапный интерес к домашним делам? Я тебе уже наскучила?

Я чувствую, как Уилл ухмыляется мне в затылок.

— Может, это то, что в книгах для беременных называется инстинктом гнездования?

При воспоминании о том, что мы пытаемся осуществить — и, может быть, уже осуществили, — у меня в груди вспыхивает радость, и я оборачиваюсь к мужу:

— Я еще не могу быть беременна. Официально мы занимаемся этим меньше суток.

Один раз прошлым вечером перед ужином и два раза после. Возможно, для первого раза мы несколько перестарались, но в нашу защиту могу сказать, что, во-первых, это была наша годовщина, а во-вторых, у Уилла классический синдром отличника.

В его глазах светится самодовольство. Если бы расстояние между нашими телами позволило, он бы точно начал бить себя кулаками в грудь.

— Уверен, что мои ребята отличные пловцы. Ты наверняка уже беременна.

— Вряд ли, — отвечаю я, хотя от его слов у меня

начинает кружиться голова. Из нас двоих Уилл более прагматичен, ему всегда удается сохранить спокойствие на фоне моего неуемного оптимизма. Я решаю не сообщать ему, что уже произвела все нужные расчеты. В специальное приложение для телефона я ввела данные о продолжительности моего цикла и подсчитала, сколько дней прошло с начала последних регул. Но Уилл прав, вполне возможно, что я уже забеременела.

— На седьмую годовщину свадьбы принято дарить шерсть или медь. Ты подарил мне свою сперму.

Он улыбается, но как-то нервно, будто сделал что-то, чего не должен был делать.

— Не только.

— Уилл…

В прошлом году, по его настоянию, мы вложили все наши сбережения и значительную часть нашего ежемесячного дохода в ипотеку, что заставило нас здорово затянуть пояса. Но зато что за дом! Точь-в-точь как мы мечтали — в викторианском стиле, с тремя спальнями, на тихой улице в районе Инман-Парк, с широким крыльцом и оригинальной деревянной отделкой. Мы вошли в дом, и Уилл сказал, что мы должны его купить, даже если половина комнат будут стоять пусты-

ми. На ту годовщину мы обошлись без подарков.

— Знаю, знаю, но я просто не мог удержаться. Мне хотелось купить тебе нечто особенное. Что-то, что всегда будет напоминать тебе о том времени, когда нас было еще двое. — Он поворачивается, включает лампу, вытаскивает из ящика прикроватной тумбочки маленькую, красную коробочку и со смущенной улыбкой протягивает ее мне. — Поздравляю с годовщиной.

Даже я способна узнать «Картье» с первого взгляда. В этом магазине даже пылинка стоит больше, чем мы можем себе позволить. Увидев, что я не спешу открывать подарок, Уилл надавливает большим пальцем на замочек и приподнимает крышку — внутри знаменитое кольцо из трех переплетенных звеньев, одно из которых украшают ряды крошечных бриллиантов.

— Это «Тринити». Розовое символизирует любовь, желтое — верность, белое — дружбу. Мне нравится символ троицы — ты, я и будущий ребенок.

Я пытаюсь сдержать слезы, Уилл берет меня за подбородок и заглядывает в глаза.

— В чем дело? Тебе не нравится?

Я дотрагиваюсь пальцем до белых камней, сверкающих на красной коже. Правда заключа-

ется в том, что Уилл не мог бы выбрать лучшего подарка. Кольцо простое, изысканное, восхитительное. Я выбрала бы именно такое, будь у нас все деньги мира, но увы.

И все же я хочу это кольцо гораздо сильнее, чем следует, — не потому, что оно красивое или дорогое, а потому, что Уилл был так внимателен, выбирая его для меня.

— Оно чудесное, но… — Я качаю головой. — Это слишком. Мы не можем себе позволить.

— Ничего не слишком. Не для матери моего ребенка. — Он внимает кольцо из коробочки и надевает его мне на палец. Кольцо холодное и тяжелое и сидит идеально, охватывая кожу под суставом так плотно, будто сделано специально для меня. — Подари мне маленькую девочку, которая будет похожа на тебя.

Мой взгляд скользит по лицу мужа, находя каждую из дорогих моему сердцу черточек. Вот тонкий шрам, пересекающий левую бровь. Горбинка на переносице. Широкая, квадратная челюсть и сочные, созданные для поцелуев губы. Глаза у него еще сонные, волосы спутаны, и подбородок колючий от щетины. Со всеми его привычками и настроениями, со всеми сторонами его натуры, которые я успела узнать за

время нашего брака, сильнее всего я люблю его, когда он вот такой, как сейчас: милый, добрый, взъерошенный.

Я улыбаюсь ему сквозь слезы:

— А если будет мальчик?

— Значит, будем продолжать, пока я не получу мою девочку. — И он целует меня долгим поцелуем, не спеша отрывать свои губы от моих. — Тебе нравится кольцо?

— Очень. — Я поднимаю руку и обнимаю его за шею, брильянты вспыхивают у его плеча. — Оно великолепно, так же как и ты.

Уилл улыбается.

— Может, нам стоит еще раз повторить, прежде чем я уйду, просто на всякий случай?

— У тебя самолет через три часа.

Но его губы уже скользят вниз по моей шее, а рука опускается все ниже и ниже.

— Что ты думаешь?

— Я думаю, что идет дождь. Будут жуткие пробки.

Он переворачивает меня на спину, пригвождая к кровати.

— Тогда поторопимся.

2

Обучение в академии Лейк-Форест, привилегированной школе с двенадцатилетней системой обучения, расположенной в зеленом пригороде Атланты, где я работаю методистом, стоит 24 435 долларов. С учетом пятипроцентной инфляции тринадцать лет пребывания вашего чада в этих священных стенах обойдутся вам более чем в четыреста тысяч, и это еще до того, как оно поступит в колледж. У нас учатся сыновья и дочери главврачей и директоров компаний, банкиров и предпринимателей, ведущих крупных новостных каналов и профессиональных спортсменов. Отпрыски самых богатых и состоятельных родителей и самые испорченные дети, каких только можно себе представить.

Я вхожу в двустворчатые двери в начале одиннадцатого — опоздав на добрых два часа, благодаря неторопливости Уилла и гвоздю на дороге — и направляюсь по застеленному ковром коридору. В здании стоит тишина, какая бывает, только когда ученики сидят по классам, уставившись в экраны своих ноутбуков, естественно самой по-

следней модели. Сейчас середина третьего урока, так что можно не торопиться.

Завернув за угол, я не слишком удивляюсь, когда вижу двух подростков, стоящих в коридоре около двери в мой кабинет, склонив головы над своими гаджетами. Ученики знают, что мои двери всегда открыты для них, и часто этим пользуются.

Но тут из класса в коридор выбегают еще ребята, они возбужденно переговариваются, и тревога, звучащая в их голосах, заставляет мои ноги прирасти к полу.

— В чем дело? Почему вы не в классе?

Бен Уиллер поднимает голову от айфона.

— Самолет упал. Говорят, он вылетел из Хартсфилда.

Ужас сдавливает мне грудь, сердце прекращает биться.

Я приваливаюсь к шкафчику для одежды.

— Какой самолет? Где?

Он пожимает худым плечом:

— Подробности пока не известны.

Я протискиваюсь через толпу учеников, кидаюсь к столу и хватаю трясущимися руками компьютерную мышку.

— Ну давай, давай, — шепчу я, выводя компью-

тер из спящего режима. Лихорадочно пытаюсь вспомнить, что мне известно про рейс Уилла. Его самолет полчаса как должен быть в воздухе и уже подлетать к Флориде. Несомненно, совершенно точно, упал совсем другой самолет. Я имею в виду, так ведь может быть? Из аэропорта Атланты каждый день вылетают тысячи самолетов, и они просто так не падают с неба. И конечно же никто не пострадал.

— Миссис Гриффит, с вами все в порядке? — окликает меня от дверей Эва, хрупкая десятиклассница, но у меня так шумит в ушах, что я с трудом слышу ее слова.

Интернет-браузер наконец загружается, и я негнущимися пальцами набираю в поисковике адрес новостного сайта CNN. И начинаю молиться: «Господи, пожалуйста, только не Уилл».

Фотографии, которые заполняют экран через несколько секунд, шокируют. Развороченные останки самолета разбросало взрывом, на обугленном поле там и сям валяются дымящиеся обломки. Жуткая катастрофа, худшее из того, что могло произойти, в таких случаях надежды найти выживших не остается.

— Вот бедняги, — шепчет Эва прямо над моей головой.

Накатывает тошнота, в горле начинает саднить, и я прокручиваю изображение вниз, пока не нахожу сведения о рейсе. «Либерти эйрлайнс», рейс 23. Тут я с шумом выдыхаю и чувствую, как от облегчения мое тело становится ватным.

Эва осторожно касается моей руки:

— Миссис Гриффит, в чем дело? Чем я могу помочь?

— Все в порядке. — Слова даются мне с трудом, воздуха по-прежнему не хватает, как будто легкие еще не вспомнили, как дышать. Знаю, я должна испытывать сострадание к пассажирам рейса 23 и их семьям, к тем несчастным, разорванным на куски в небе над кукурузным полем где-то в Миссури, к их родным и друзьям, которые узнали о произошедшем так же, как и я, из соцсетей и этих ужасных фотографий на экранах компьютеров, но вместо этого ощущаю лишь облегчение. Оно действовало на меня как валиум, быстро, мощно и эффективно. — Уилла не было в том самолете.

— Кто такой Уилл?

Я тру руками щеки и стараюсь успокоиться, но паника не отступает.

— Мой муж. — Хотя я уже в который раз повторяю себе, что это не тот самолет, пальцы по-прежнему дрожат, а сердце бьется как сума-

сшедшее. — Он сейчас летит в Орландо.

Ее глаза широко распахиваются.

— Вы думали, он в том самолете? Господи, неудивительно, что вы так раскисли.

— Я не раскисла, просто… — Я прижимаю ладонь к груди, делаю глубокий вдох и откашливаюсь. — Вообще-то моя реакция полностью соответствует ситуации. Сильный страх спровоцировал резкий выброс адреналина, и тело отреагировало. Но теперь я в порядке. Буду в порядке.

От того, что я громко вслух объясняю физиологические реакции своего тела, облекая их в научные термины, тиски, сжимающие мою грудь, понемногу слабеют, а пульсация в голове стихает. «Слава богу, это был не самолет Уилла».

— Да ладно, я вас не осуждаю. Я видела вашего мужа. Он клевый. — Эва бросает рюкзак на пол и усаживается на стул в углу, закидывая ногу на ногу. Юбка у нее намного короче той длины, которую предписывают школьные правила. Как и многие девочки в школе, Эва подворачивает пояс юбки, пока подол не оказывается до неприличия высоко. Ее взгляд останавливается на моей правой руке, до сих пор прижатой к груди.

— Кстати, классное кольцо. Новое?

Я роняю руку на колени. Конечно, Эва не могла не заметить кольцо. И ей наверняка известно, сколько оно может стоить. Я игнорирую комплимент, сосредоточившись на первой половине фразы.

— Где ты видела моего мужа?

— На вашей странице в «Фейсбуке». — Она ухмыляется. — Если бы каждое утро просыпалась рядом с таким мужчиной, я бы тоже опаздывала на работу.

Я напускаю на себя строгий вид.

— Я, конечно, рада поболтать с тобой, но не пора ли тебе вернуться в класс?

Хорошенькие губки Эвы кривятся в недовольной гримасе. Даже нахмуренная, она все равно великолепна. Незабываемо, до боли прекрасна. Большие голубые глаза. Нежная кожа. Длинные, блестящие каштановые локоны. К тому же она умна и, если захочет, может быть невероятно смешной. Она может заполучить любого мальчишку в школе… и своего не упускает. Эва не слишком разборчива, и, если верить «Твиттеру», добиться ее расположения не трудно.

— Я прогуливаю, — говорит она тоном, каким обычно разговаривают с маленькими детьми.

Одариваю ее профессиональной улыбкой пси-

холога, дружеской и без капли осуждения.

— Почему?

Эва вздыхает и закатывает глаза.

— Потому что избегаю находиться в одном помещении с Шарлоттой Уилбэнкс и дышать с ней одним воздухом. Она ненавидит меня, и, уверяю вас, это чувство взаимно.

— Почему ты думаешь, что она тебя ненавидит? — спрашиваю я, хотя уже знаю ответ. Вражда бывших лучших подруг, Шарлотты и Эвы, давняя, и о ней всем прекрасно известно. Что именно послужило поводом к войне много лет назад, уже никто не и помнит, все похоронено под ворохом пошлых и обидных сообщений в «Твиттере», в которых выражение «дрянная девчонка» приобрело совсем иной смысл. Судя по тому, что я видела вчера в ленте, сейчас они ссорятся из-за своего одноклассника Адама Найтингейла, сына легенды кантри-музыки Тоби Найтингейла. В прошедший уик-энд, судя по фотографиям, Эва и Адам обнимались в местном фреш-баре.

— Да кто знает? Наверное, потому, что я красивее. — Она придирчиво разглядывает свой совершенный маникюр, ярко-желтый гель сверкает так, будто его только вчера нанесли.

Так же как и у многих других учеников в этой

школе, родители Эвы готовы дать дочери все, чего она ни пожелает. Кабриолет последней модели, путешествия первым классом по экзотическим местам, платиновую карту «Американ экспресс» и свое благословение. Но осыпать дочь подарками не означает уделять ей внимание, и, если бы родители пришли ко мне на прием, я посоветовала бы им подавать ей лучший пример. Мать Эвы — известная в Атланте светская львица, обладающая уникальной способностью смотреть в другую сторону каждый раз, как отец девочки, пластический хирург, которого в городе называют «Мистер грудь», лапает очередную девицу в два раза моложе его самого, а это случается часто.

В университете меня учили, что природа и воспитание в равной степени влияют на характер человека, но мой профессиональный опыт говорит о том, что воспитание всегда берет верх. Чем больше ошибок совершают родители, тем больше их совершает ребенок. Вот так все просто.

Но я также уверена, что у всех, даже у самых плохих родителей и самых невоспитанных детей, есть оправдание. В случае Эвы оно заключается в том, что она ничего не может с собой поделать. Ее такой сделали родители.

— Уверена, что если ты немного подумаешь, то сможешь найти причину получше…

— Тук-тук. — В дверях возникает директор старшей школы Тед Роулингс. Тощий и долговязый, с шапкой густых темных волос, Тед напоминает мне пуделя, он серьезен во всем, только не в выборе галстуков. У него их, должно быть, сотни, и все они совершенно чудовищны, нелепы и непременно со школьной тематикой, но каким-то непостижимым образом ему удается выглядеть в них обаятельно. Сегодня на нем ярко-желтый галстук из полиэстера с физическими формулами. — Полагаю, вы уже слышали об авиакатастрофе.

Я киваю и перевожу взгляд на фотографии на экране. Несчастные люди. Несчастные семьи.

— Наверняка в том самолете были чьи-то знакомые, — говорит Эва. — Вот увидите.

От ее слов у меня по спине бегут мурашки. Конечно, она права. Атланта — большая деревня, где точно действует теория шести рукопожатий. Вероятность того, что у кого-то из учеников или сотрудников школы могут оказаться знакомые среди жертв авиакатастрофы, очень велика. Остается только надеяться, что среди них не будет чьих-то родственников или близких друзей.

— Дети встревожены, — говорит Тед. — Это вполне понятно, так что о работе в классе сегодня можно забыть. Но я хотел бы с вашей помощью попытаться извлечь уроки из этой трагедии. Нужно создать для учеников место, где бы они чувствовали себя в безопасности и могли поговорить о произошедшем или задать вопросы. И если мисс Кэмпбелл права и кто-то в Лейк-Форест потерял близких в катастрофе, мы должны быть готовы оказать им моральную поддержку.

— Звучит превосходно.

— Отлично. Рад, что вы со мной согласны. Я объявлю общее собрание в актовом зале, и вы поможете мне его провести.

— Разумеется. Только дайте мне пару минут на то, чтобы взять себя в руки, и я присоединюсь к вам.

Тед ударяет кулаком по двери и торопливо удаляется. Услышав, что урок литературы отменен, Эва поднимает рюкзак и некоторое время копается в нем, пока я ищу в ящике стола пудреницу.

— Вот. — Она вываливает мне на стол кучу тюбиков с дорогой косметикой. Chanel, Nars, YSL, Mac. — Не обижайтесь, но вам это сейчас нужней, чем мне.

И она мягко улыбается.

— Спасибо, Эва. Но у меня все есть.

Однако Эва не спешит убирать косметику и стоит, переминаясь с ноги на ногу и крутя одной рукой лямку рюкзака. Она покусывает губы и внимательно разглядывает мыски своих оксфордских туфель, и мне приходит в голову, что за бравадой вполне может скрываться застенчивость.

— Я правда рада, что вашего мужа не было в том самолете.

На этот раз облегчение накатывает медленной волной, согревая меня, как жар разгоряченного во сне тела Уилла сегодня утром.

— Я тоже.

Когда она наконец уходит, я достаю телефон и набираю номер Уилла. Я знаю, что он сможет ответить еще только примерно через час, но мне нужно услышать его голос, пусть даже на автоответчике. От мягкого, знакомого голоса напряжение в мышцах ослабевает.

«Это голосовая почта Уилла Гриффита…»

Я дожидаюсь сигнала, откинувшись на спинку кресла.

«Привет, малыш, это я. Я знаю, что ты еще в воздухе, но самолет, вылетевший из Хартсфилда, разбился вскоре после взлета, и пятнадцать ужасных секунд я думала, что ты мог быть там, мне просто нужно было… не знаю, убедиться, что с тобой все в порядке. Я, наверно, глупая, но позвони мне сразу, как приземлишься, ладно? Дети возбуждены, так что я буду в актовом зале, но обещаю, что отвечу на звонок. Ну все, мне надо бежать, поговорим позже. Ты мой самый любимый человек, и я уже соскучилась».

Сую телефон в карман и направляюсь к двери, косметика Эвы так и остается лежать горой на моем столе.

3

Сидя рядом со мной на сцене, Тед разглаживает рукой галстук и, обращаясь к старшеклассникам, заполнившим зал, говорит:

— Как вы все знаете, самолет компании «Либерти эйрлайнс», выполнявший рейс номер 23 из международного аэропорта Хартсфилд-Джексон в Сиэтл, штат Вашингтон, разбился меньше чем через час после взлета. Все сто семьдесят девять пассажиров числятся погибшими. Мужчины, женщины и дети, такие же люди, как мы с вами. Я собрал вас здесь, чтобы мы могли поговорить об этом открыто и честно, не вынося никаких суждений. Трагедии, подобные этой, заставляют всех нас задуматься об опасностях, которыми полон наш мир. О нашей уязвимости, о том, как хрупка может быть жизнь. Здесь, в этой комнате, вы в полной безопасности и можете задавать вопросы, и плакать, и делать все, что вам необходимо, чтобы справиться с переживаниями. Давайте договоримся, что все, что происходит в этом зале, здесь и останется.

Любой другой на его месте провел бы обще-

школьную минуту молчания и велел бы детям возвращаться к работе. Но Тед знает, что для подростков катастрофа важнее повседневных уроков, а поскольку он во всем, и в хорошем, и в плохом, видит возможность чему-то научиться, дети полностью ему доверяют.

Я обвожу взглядом учеников школы Лейк-Форест — всего примерно триста детей, — половина ребят напугана фотографиями рухнувшего с небес на землю самолета, в котором, возможно, находились их знакомые или соседи, а другая пребывает в эйфории по поводу отмены занятий. Их возбужденные голоса гулко звучат в огромном помещении.

— Это что-то вроде групповой терапии? — слышится голос одной из девочек.

— Ну… — Тед вопросительно смотрит на меня, я киваю. Если в чем ученики Лейк-Форест чувствуют себя в своей тарелке, так это в терапии, и в групповой, и в любой другой. У наших детей номер психотерапевта стоит на быстром наборе. — Да. Точно, как групповая терапия.

Теперь, когда им стало понятно, чего ждать, школьники расслабляются, откинувшись на спинки бархатных кресел и скрестив руки.

— Я слышал, это террористы! — выкрикивает

кто-то из задних рядов. — И что ИГИЛ уже взяло на себя ответственность.

— Кто тебе это сказал, Сара Палин? — оборачивается со своего места в первом ряду Джонатан Вандербик, старшеклассник, с трудом доучившийся до выпускного класса.

— Кайли Дженнер перепостила в «Твиттере».

— Отлично, — фыркает Джонатан. — Кардашьяны большие специалисты по части нашей национальной безопасности.

— Ну все, все. — Тед стучит пальцем по микрофону, призывая всех к порядку. — Давайте не будем нагнетать страсти, повторяя слухи и домыслы. Я внимательно смотрел новости, передали только, что самолет разбился. Не было сказано ни почему это произошло, ни кто был на борту. Информация появится только после того, как удастся связаться с родственниками всех пассажиров и членов экипажа.

Последние слова оказываются подобны зажигательной бомбе. Пару секунд они висят в воздухе, подобно раскаленному шару.

— А теперь миссис Гриффит хочет вам кое-что сказать, и потом она же поведет нашу дискуссию. Я же тем временем буду отслеживать новости на канале CNN на моем ноутбуке, и, как только

появится новая информация, я прерву разговор и зачитаю ее вслух, так чтобы мы все были в курсе событий. Ну как, хороший план?

Все кивают. Тед передает мне микрофон.

Мне хочется сказать, что я провела следующие несколько часов, глядя на свой телефон в ожидании звонка Уилла, но через семьдесят шесть минут после катастрофы, спустя всего десять минут с начала нашей беседы и за добрых пятнадцать минут до того, как представители авиакомпании должны выступить с первым официальным заявлением, CNN сообщает, что команда школы Уэллс по лакроссу, все шестнадцать игроков вместе с тренерами, были среди 179 погибших. Очевидно, они направлялись на турнир межсезонья.

— О боже! Как это может быть? Мы же играли с ними на прошлой неделе.

— На прошлой, тупица. Сама же только что сказала. У них была куча времени, чтобы сесть сегодня утром в тот самолет.

— Сам ты тупица, придурок. Я говорю о том, что мы продули и уступили Уэллсу право играть в турнире. Сам подумай.

— Подождите, — говорю я, не давая спору разгореться. — Неверие — нормальная реакция на

сообщение о смерти друга, но гнев и сарказм — не лучший способ справиться с горем, и я уверена, что вам всем это отлично известно.

На лицах детей отражается раскаяние, и они поникают в своих креслах.

— Слушайте, я понимаю, что прятаться за негативными реакциями проще, чем открыто столкнуться с гибелью наших друзей и товарищей, — мягко говорю я. — Но это естественно, что вы чувствуете себя растерянными, расстроенными, шокированными или даже беззащитными. Все это нормальная реакция на такие страшные новости, и откровенный разговор поможет нам справиться с нашими чувствами. Хорошо? Уверена, что Кэролайн не единственная, кто сейчас вспоминает последнюю встречу с игроками из Уэллса. Кто-нибудь еще был на этой игре?

Одна за другой поднимаются руки, и ученики начинают говорить. В основном говорят о том, что были на том же поле в то же время, но ясно, что дети напуганы тем, как близко подошла смерть, особенно члены команды по лакроссу. Если бы они победили в том матче, если бы команда Лейк-Форест прошла в турнир, на борту самолета запросто могли оказаться наши ребята. До часа дня, когда мы прерываемся на обед, я поддержи-

ваю разговор и направляю его в нужное русло, что требует от меня предельной концентрации.

Наконец дети выходят из зала, и я достаю из кармана телефон. Пустой экран заставляет меня нахмуриться. Уилл приземлился больше часа назад, но до сих пор от него нет ни звонка, ни сообщения, ничего. Где он, черт возьми?

Тед накрывает ладонью мою руку.

— Все в порядке?

— Что? Ах да, все в порядке. Просто я жду звонка от Уилла. Он улетел сегодня утром в Орландо.

Глаза у Теда расширяются, лицо трогает сочувственная гримаса.

— Тогда понятно, почему у вас было такое лицо, когда я зашел сегодня в ваш офис. Вы, должно быть, были здорово напуганы?

— Да, и Эва, бедняжка, приняла на себя удар. — Я машу в воздухе телефоном. — Просто пытаюсь связаться с ним.

— Конечно, конечно. Идите.

Я спрыгиваю со сцены и иду по центральному проходу к дверям, на ходу набирая номер Уилла. По своему устройству школа Лейк-Форест напоминает студенческий городок, где на территории площадью один акр расположилось полдюжины увитых плющом зданий. По вымощенной плит-

кой дорожке я направляюсь к зданию, в котором размещаются старшие классы. Дождь прекратился, но свинцовые тучи по-прежнему нависают над землей, а пронизывающий ледяной ветер заставляет меня ежиться. Я поплотнее прижимаю свитер к груди, поднимаюсь по лестнице к дверям и оказываюсь в тепле как раз в тот момент, когда телефон Уилла перенаправляет мой звонок в голосовую почту.

Что за черт!

В ожидании звукового сигнала я пытаюсь немного себя взбодрить. Я убеждаю себя, что волноваться не о чем. Что наверняка существует простое объяснение, почему он не звонит. Что последние несколько месяцев ему приходится очень напряженно работать и он не высыпается. Возможно, он просто задремал. К тому же муж очень рассеянный человек, он типичный компьютерщик, просто не способный на чем-то сосредоточиться. Я представляю, как он набирает сообщение, а потом забывает нажать на клавишу «Отправить». Воображаю, как он общается со съехавшимися на конференцию шишками, стоя у гостиничного бассейна со звонящим телефоном в руке. А может, его телефон просто разрядился или он забыл его в самолете. Размышляя таким

образом, я чувствую себя почти счастливой.

— Привет, дорогой. — Я стараюсь, чтобы в моем голосе не звучала тревога. — Просто хотела убедиться, что все в порядке. Ты, наверное, уже в отеле, но номер не очень или возникли еще какие-то сложности. В любом случае позвони мне, когда у тебя будет минутка. Из-за катастрофы я немного нервничаю, и мне правда нужно услышать твой голос. Ну все, звони. Ты мой самый любимый человек.

В офисе я сразу направляюсь к компьютеру и открываю почту. Месяц назад Уилл пересылал мне информацию о конференции, но в моем ящике скопилось более трех тысяч сообщений, и найти в нем что-то довольно сложно. Немного повозившись, я нахожу нужное письмо:

«От кого: W. Griffith@appsec-consulting.com

Кому: irisgriggith@lakeforrestacademy.org

Тема: FW: Кибербезопасность критически важных активов: встреча руководителей разведывательных служб.

Смотри! В четверг я основной докладчик. Будем надеяться, что они не уснут,

как это делаешь ты, когда я начинаю говорить о работе. Ц.

Уилл М. Гриффит
Старший инженер-программист»

По телу прокатывается волна облегчения, и я чувствую себя в безопасности. Вот здесь написано черным по белому. Уилл в Орландо, живой и здоровый.

Я кликаю на приложение, открывается страница с расписанием конференции. Где-то в середине страницы помещается фотография Уилла, а напротив нее краткая справка касательно его опыта в области управления рисками. Я нажимаю на «Печать» и выписываю на листочек название гостиницы, потом снова захожу в Интернет, чтобы найти телефон. Когда я копирую номер, звонит телефон, и на дисплее возникает мамино лицо.

Я чувствую беспокойство в груди. Сама будучи логопедом, мама отлично знает, что такое работать в школе, и никогда не беспокоит меня в рабочее время, если только это не вопрос жизни и смерти. Как это было в тот раз, когда мотоцикл отца попал передним колесом в рытвину на дороге и, совершив в воздухе оборот на триста шестьдесят градусов, рухнул на асфальт. При-

земление было таким жестким, что отец сломал ключицу, а его шлем раскололся пополам.

Вот почему сейчас я, вместо приветствия, сразу спрашиваю:

— Что случилось?

— О, милая. Я только что смотрела новости.

— Про самолет? Я знаю. Мы весь день обсуждаем это в школе. Дети потрясены и очень нервничают.

— Но я не об этом. В смысле не совсем… Я имела в виду Уилла, дорогая.

То, как она это сказала, осторожно и будто избегая напрямую спрашивать про Уилла, заставляет каждый волосок на моем теле встать дыбом.

— А что с ним?

— Ну, для начала, где он?

— В Орландо, на конференции. А что?

Мама выдыхает так громко, что у меня чуть не лопается барабанная перепонка, а ведь она всегда держит трубку подальше от головы.

— Ну слава богу! Я была уверена, что это не может быть твой Уилл.

— О чем ты говоришь? Кто не может быть?

Ответ мне расслышать не удается из-за крика заглядывающей в дверь старшеклассницы:

— Мистер Роулингс велел сказать вам, что

опубликован список имен!

Она вопит так громко, словно я не сижу в комнате в метре от нее и не разговариваю по телефону. Я шикаю на нее и взмахом руки велю ей идти.

— Мам, давай все сначала. Кто не мой Уилл?

— По их данным, на борту того самолета был пассажир по имени Уильям Мэтью Гриффит.

Где-то внутри моего существа, в самой его первобытной глубине пульсирует мысль: «Это не мой муж». Мой Уилл летел на другом самолете, принадлежащем абсолютно другой авиакомпании. И даже если это было бы не так, мне бы уже позвонили из «Либерти эйрлайнс». Они бы не стали публиковать его имя, не известив сначала меня — его жену, его самого любимого человека на планете.

Но прежде, чем я успеваю сказать все это маме, на второй линии раздается сигнал вызова. Слова на экране заставляют мое сердце замереть.

«Либерти эйрлайнс».

4

Трясущейся рукой я сбрасываю мамин звонок и отвечаю авиакомпании.

— Алло? — В горле у меня пересохло, и поэтому голос звучит тихо и хрипло.

— Добрый день, могу я поговорить с Айрис Гриффит?

Я понимаю, зачем мне звонит эта женщина. Понимаю потому, как она произносит мое имя, по ее нейтральному тону и деловой интонации, и у меня перехватывает дыхание.

Но она ошибается. Уилл в Орландо.

— Уилл в Орландо, — слышу я свой голос.

— Простите… Этот номер принадлежит Айрис Гриффит?

Что, если я отвечу нет? Тогда эта женщина не скажет мне то, зачем она звонит? Она повесит трубку и позвонит жене другого Уильяма Мэтью Гриффита?

— Я Айрис Гриффит.

— Миссис Гриффит, меня зовут Кэрол Мэннинг, я звоню из компании «Либерти эйрлайнс». Уильям Мэтью Гриффит указал вас как контактное

лицо в случае чрезвычайной ситуации.

«Уилл в Орландо. Уилл в Орландо. Уилл в Орландо».

— Да. — Я надавила рукой на живот. — Я его жена.

Я его жена. По-прежнему его жена.

— Мэм, с глубоким прискорбием сообщаю, что ваш муж был одним из пассажиров рейса 23, вылетевшего этим утром и потерпевшего катастрофу по пути из Атланты в Сиэтл. — Ее голос звучит механически, как будто она читает по бумажке. Как будто это Сири[1] звонит мне, чтобы сообщить, что мой муж мертв.

Тело перестает меня слушаться, и я начинаю валиться вниз. Упав грудью на колени, я сгибаюсь пополам, словно сломанная ветка. От потрясения мне кажется, будто я получила удар под дых, и я со стоном выдыхаю.

— Я понимаю, что для вас это страшный удар, и заверяю, что «Либерти эйрлайнс» всегда готова оказать вам поддержку. Мы открыли телефонную и электронную горячие линии, по которым вы в любой момент можете с нами связаться. Инфор-

---

[1] Примечания: 1

Сири — вопросно-ответная система в iOS-устройствах.

мация на нашем сайте www.libertyairlines.com также постоянно обновляется.

Если она и говорит что-то еще, я уже не слышу ее. Телефон с грохотом падает на пол, а я сползаю с кресла и, сидя на полу посреди офиса, прямо на глазах у столпившихся в дверях школьников, рыдаю, зажав рот руками.

— Ох, Айрис. Я только что узнал. Мне очень, очень жаль. — В поле моего зрения появляются два ботинка большого размера.

Я смотрю на Теда сквозь упавшие на лицо волосы, на его озабоченно приподнятую бровь под пуделиными кудряшками и облегченно вздыхаю. Тед умеет решить любую проблему. Он что-нибудь придумает. Он позвонит кому-нибудь, кто скажет, что это был не тот Уилл, не тот самолет, а я — не та жена.

Я пытаюсь взять себя в руки, но у меня ничего не выходит, и только тут я замечаю, что в моем кабинете полно старшеклассников. До этого я слышу, как они толпятся в коридоре и, понизив голос, переговариваются, стараясь, чтобы их слова не долетали до моих ушей. «Муж… самолет… мертв…», я понимаю, что они слышали новости.

Нет. Сегодня утром, пока я наливала кофе в термокружки, Уилл смотрел в своем телефоне

погоду в Орландо.

— Сегодня тридцать градусов, — сказал он, покачав головой. — А до лета еще далеко. Вот почему мы никогда не будем жить во Флориде.

Эва смотрит на меня глазами полными слез.

— Уилл в Орландо, — говорю я, и на ее лице отражается жалость.

Мне неловко, что она видит меня такой, что они все видят такой, помятой, зареванной, на полу. Я закрываю лицо руками и мысленно молюсь, чтобы все ушли. Я хочу, чтобы меня просто оставили одну. Моя политика «открытых дверей» ни к черту не годится.

— Позвольте, я вам помогу. — Тед поднимает меня с пола и усаживает в кресло.

— Где мой телефон? Я хочу еще раз позвонить Уиллу.

Он наклоняется, поднимает телефон и подает его мне.

Девять пропущенных вызовов. Увидев, что все они от мамы, я чувствую раздражение. Ни одного звонка от Уилла.

— Ребята, оставьте нас одних, ладно? — просит Тед, обернувшись через плечо. — И закройте за собой дверь.

Один за другим дети начинают выходить из

кабинета, бормоча соболезнования. Проходя мимо, Эва слегка дотрагивается пальцем до моей руки, я отшатываюсь. Я не нуждаюсь в ее сочувствии. Мне вообще не нужно ничье сочувствие. Сочувствие означает, что все сказанное мне той женщиной правда. Сочувствие означает, что Уилл мертв.

Когда все выходят и мы остаемся вдвоем, Тед кладет руку на мое плечо.

— Могу я кому-то позвонить?

Позвонить! Я же собиралась позвонить в гостиницу. Мой взгляд падает на листок с информацией о конференции, я выдергиваю его из принтера и машу им перед лицом Теда.

— Вот! Вот доказательство того, что Уилл в Орландо. Завтра он выступает с докладом. Он не мог быть в самолете, направлявшемся в Сиэтл. Он летел в Орландо. — С каждым словом в моей душе расцветает надежда.

— Он зарегистрировался в гостинице? — спрашивает Тед, по его тону я понимаю, что он пытается меня подбодрить.

Дрожащими пальцами я нащупываю листок, на котором нацарапан номер гостиницы, и набираю его на своем телефоне. Должна признаться, что мне трудно выносить откровенное желание

Теда смягчить удар, читающееся на его лице, он явно считает мою затею пустой тратой времени и не разделяет моих надежд. Чтобы не смотреть на него, я упираю взгляд в стол и начинаю внимательно разглядывать покрывающие его поверхность царапины. Телефон все звонит, но трубку никто не берет.

Спустя целую вечность задорный женский голос отвечает:

— Добрый день, «Вест-Ин», Юниверсал бульвар. Чем могу помочь?

— Соедините с номером Уилла Гриффита, пожалуйста. — Слова сыплются из меня как горох, сбивчиво и торопливо, как у нанюхавшегося кокаина аукциониста.

— С удовольствием, — чирикает мне в ухо портье. Уверена, что ей все время приходится общаться с сумасшедшими тетками, разыскивающими своих ветреных любовников и неверных мужей. В «Вест-Ин», должно быть, разработана целая инструкция относительно того, как общаться с такими, как я. — Гриффит, вы сказали?

— Да, Уилл. Или, может быть, Уильям, средний инициал «М». — Я набираю в грудь побольше воздуха, пытаясь успокоиться, но все никак не могу унять дрожь.

Тед снимает пиджак и набрасывает его мне на плечи. Я понимаю, что он хочет мне добра, но этот жест такой личный, а от пиджака исходит запах Теда, приятный и чужой. Мне хочется скинуть пиджак и выбросить его в окно. Я не хочу, чтобы моего тела касалась одежда какого-то другого мужчины, кроме Уилла.

Несколько секунд девушка-портье на том конце провода постукивает пальцами по клавиатуре компьютера.

— Хм, извините, но я не могу найти бронь на имя мистера Гриффита.

— Проверьте еще раз. Прошу вас. — Я едва сдерживаю рыдания.

Снова повисает долгая пауза, заполненная щелчками клавиатуры. Страх начинает расползаться по моему телу, словно какой-то паразит, медленно, но верно пожирая мою уверенность.

— А вы уверены, что речь идет именно об этом отеле нашей сети? У нас есть еще здание в Лейк-Мэри, к северу от города. Если хотите, могу дать вам номер.

Я мотаю головой, пытаясь смахнуть слезы, мешающие мне прочесть адрес гостиницы, указанный внизу страницы.

— Передо мной флаерс конференции, здесь

написано «Юниверсал-бульвар».

В ее голосе слышится оживление.

— Ну, если он здесь на конференции, то я могу передать сообщение через одного из организаторов. Название конференции?

— «Кибербезопасность критически важных активов: встреча руководителей разведывательных служб».

Она мешкает с ответом всего пару секунд, но этого достаточно, чтобы меня начало тошнить.

— Мне очень жаль, мэм, но в гостинице не проходит конференция под таким названием.

Я роняю телефон, и меня выворачивает в корзину для бумаг.

Домой меня везет Клэр Мастерс, она работает в приемной комиссии, ее кабинет находится напротив моего. Мы с Клэр в хороших отношениях, но подругами нас не назовешь, однако мне не нужно спрашивать, что я делаю на пассажирском сиденье ее «форда-эксплорера». В прошлом году муж Клэр умер от рака, и не важно, сама она вызвалась отвезти меня домой или ее попросил Тед, все и так ясно. Если кто и способен понять, что я сейчас чувствую, то только еще одна вдова.

Вдова. Меня опять тошнит, но желудок пуст.

Я отворачиваюсь и смотрю в окно, глядя на

пролетающие мимо газоны Бакхеда. Клэр едет медленно, держа руль обеими руками и не произнося ни слова. Она молчит, глядя на дорогу перед собой, и, хотя мысль быть причисленной к тому же скорбному братству мне ненавистна, она, по крайней мере, знает, что единственное, чего я сейчас хочу, — это остаться одна.

На коленях гудит телефон. Мама звонит, должно быть, в сотый раз. Я ощущаю чувство вины. Конечно, нечестно ее избегать, но я не могу с ней сейчас разговаривать. Я ни с кем не могу разговаривать.

— Не хотите ответить? — Голос Клэр, по-девичьи высокий, вспарывает тишину, словно зазубренный нож.

— Нет. — Мне приходится собрать все силы, чтобы вытолкнуть слова из-под давящего на грудь камня.

Она переводит взгляд с меня на телефон, потом — на дорогу.

— Поверьте, ваша мама сейчас сходит с ума.

От ее понимающего тона, от того, как она ставит нас на одну ступеньку, меня передергивает.

— Не могу. — Мой голос срывается, разговаривать с мамой сейчас означает произнести эти ужасные слова вслух. Уилла больше нет. Уилл

умер. Сказать это — значит признать, что это правда.

Телефон умолкает, но спустя две секунды звонит снова.

На этот раз Клэр берет телефон у меня с колен и отвечает на звонок.

— Здравствуйте, это Клэр Мастерс. Я коллега Айрис по Лейк-Форест. Она сидит рядом со мной, но не готова сейчас разговаривать.

Пауза.

— Да, мэм. Боюсь, что вы правы.

Опять пауза, на сей раз долгая.

— О'кей. Я скажу ей.

Она нажимает на отбой и аккуратно кладет телефон на место.

— Ваши родители едут. Они будут на месте до темноты.

Я хочу поблагодарить ее, но у меня нет сил. Я смотрю в окно и пытаюсь представить моего Уилла на месте крушения, среди дымящихся обломков, разбросанного багажа, обугленных, искореженных кусков металла, но не могу. Это не укладывается у меня в голове, мой мозг отказывается воспринимать эту картину, так же как когда-то физику на уроках профессора Друккера.

Клэр выезжает на трассу Джорджия-400, нажи-

мает на газ, и мы мчимся на юг в благословенной тишине.

5

Сколько я ни убеждаю ее, что это вовсе не обязательно, Клэр идет вслед за мной по выложенной плиткой дорожке до самой двери. Я роюсь в сумке, вытаскиваю ключи и вставляю их в замок.

— Спасибо, что подвезли. Со мной все будет в порядке.

Повернув ключ в замке, я вхожу в дом, но, когда поворачиваюсь, чтобы закрыть дверь, Клэр останавливает меня, уперев ладонь в витражную панель.

— Дорогая, я останусь. До тех пор, пока не приедут ваши родители.

— Не обижайтесь, Клэр, но я хочу побыть одна.

— Не обижайтесь, Айрис, но я не уйду. — Ее высокий голос звучит на удивление твердо, но слова смягчает улыбка. — Можете не разговаривать со мной, если вам не хочется, но я остаюсь, и точка.

Я отступаю назад и позволяю ей войти.

Клэр оглядывает прихожую, оценивая медового цвета стены, блестящий деревянный пол, выкрашенный темной, почти черной краской, резные перила лестницы. Вытянув шею, она заглядывает

за угол в гостиную, которую украшает одинокий бежевый диван — наш подарок друг другу на Рождество из «Рум энд Борд» — и указывает вглубь дома:

— Я полагаю, кухня там?

Я киваю.

Она бросает сумку возле двери и идет по коридору.

— Я приготовлю нам чай.

Она скрывается в кухне, расположенной за углом.

Как только она уходит, я хватаюсь за стойку перил, на меня наваливаются воспоминания этого утра. Тяжесть тела Уилла на моем теле, согревающее тепло его рук и горячей обнаженной кожи. Его губы, целующие мою шею, опускаясь все ниже, утренняя щетина, легонько царапающая мои груди, живот. Мои пальцы, зарывающиеся в его волосы. Вода, стекающая по мускулистому торсу Уилла, когда он выходит из душа, прикосновение его пальцев к моим в тот момент, когда я подаю ему полотенце. Его гладкие, теплые губы, тянущиеся подарить мне еще один поцелуй, хотя я уже сто раз предупреждала его, что он всерьез рискует опоздать на самолет. Тот прощальный взмах рукой, блеск обручального кольца на паль-

це, в момент, когда он вытаскивал чемодан за порог, чтобы ехать в аэропорт.

Он вернется. У нас еще не заказаны номера в гостинице и ресторан, и нам еще надо обсудить, как мы будем праздновать дни рождения. В следующем месяце мы едем в «Сисайд», где решили провести День памяти павших только вдвоем, а летом — в «Хилтон Хэд» с моими родителями. Только этой ночью он целовал мой живот и говорил, что не может дождаться, когда я так растолстею, нося нашего ребенка, что он не сможет меня обнять. Уилл не может исчезнуть. Такой конец слишком нереален, он не укладывается в голове. Мне нужны доказательства.

Я бросаю вещи на пол и иду по коридору вглубь дома, где открытая кухня соседствует со столовой и гостиной. Я выуживаю из корзины с фруктами пульт от телевизора и включаю CNN. На экране возникает девушка-репортер, она стоит на фоне кукурузного поля, ветер треплет ее темные волосы, и задает вопросы седому мужчине в нелепой куртке. Судя по появившейся внизу экрана надписи, это хозяин того самого кукурузного поля, которое теперь усеяно обломками рухнувшего самолета и человеческими останками.

Из-за угла появляется Клэр, держа в руках коро-

бочку с чайными пакетиками. Сделав большие глаза, она говорит:

— Вам не стоит это смотреть.

— Тише. — Я нажимаю на кнопку регулировки громкости и не отпускаю ее до тех пор, пока голоса людей на экране не начинают причинять моим ушам такую же боль, как их слова. Журналистка засыпает мужчину вопросами, а я в это время стараюсь разглядеть на заднем плане хоть какие-то следы Уилла. Прядь каштановых волос, рукав синего джемпера. Затаив дыхание, я вглядываюсь изо всех сил, но на экране только дым и качающиеся на ветру стебли кукурузы.

Журналистка просит старика рассказать перед камерой, что он видел.

«Я работал в дальнем конце поля, когда услыхал, как он приближается, — сказал мужчина, указывая на бескрайние ряды кукурузы позади себя. — Самолет, в смысле. Я услыхал его раньше, чем увидел. С ним явно было не все в порядке».

Журналистка прерывает его рассказ:

«Почему вы подумали, что с самолетом что-то не так?»

«Ну, двигатели пронзительно выли, но я не видал ни дыма, ни огня. Пока он не

врезался в поле и не взорвался. Самый большой взрыв, какой я когда-либо видел. Я был примерно в миле отсюда, но и то почувствовал, как земля вздрогнула, а потом так дохнуло жаром, что чуть волосы мне не спалило».

Как долго самолет падал с неба? Одну минуту? Пять? Я думаю о том, что должен был чувствовать Уилл, и меня опять начинает тошнить, да так, что я едва успеваю добежать до раковины.

Клэр дотягивается до пульта и выключает звук. Я стою, крепко держась за столешницу и уставившись на поцарапанное дно раковины, в ожидании, пока мой желудок успокоится, и думаю: «И что теперь? Что, черт возьми, мне теперь делать?» Я слышу, как за моей спиной Клэр шарит по кухне, заглядывая в шкафы, как с характерным звуком открывается и закрывается дверца холодильника. Она возвращается с пачкой крекеров и бутылкой воды:

— Вот. Вода холодная, так что пейте потихоньку.

Не обращая на нее внимания, я обхожу стол и падаю на табурет, стоящий с другой стороны.

— Отрицание, гнев, торг, депрессия, приня-

тие. — Клэр смотрит на меня вопросительно. — Стадии принятия неизбежного горя по Кюблер-Росс. Я явно нахожусь на этапе отрицания, потому что случившееся кажется мне бессмыслицей. Как может человек, направляющийся в Орландо, очутиться в самолете, следующем на запад? Разве что конференцию перенесли в Сиэтл или произошло что-то в этом духе?

Клэр пожимает плечами, но по ней не скажешь, что она в чем-то сомневается. Если я, возможно, и нахожусь в стадии отрицания, то Клэр точно нет. Хотя она и не говорит этого в слух, но верит утверждению представителей «Либерти эйрлайнс», что Уилл — один из тех 179 несчастных, чьи разорванные на куски тела разбросаны по кукурузному полю где-то в Миссури.

— Этого просто не может быть. Уилл сказал бы мне об этом, но он говорил только про Орландо. Вот только сегодня утром он стоял на том самом месте, где сейчас стоите вы, и говорил о том, как он ненавидит этот город. Жару, пробки и эти чертовы тематические парки на каждом углу. — Я качаю головой, от отчаяния мой голос звучит все громче. — На него столько всего навалилось, может, он просто не знал, что конференцию перенесли в другой отель. Возможно, все это время

бродил по раскаленным улицам Орландо, пытаясь отыскать это новое место. Но почему он тогда мне не перезванивает?

Клэр молчит.

Я прикрываю глаза, сердце бьется рывками, внутри бушует настоящий ураган эмоций. Что мне делать? Кому звонить? Мое первое побуждение — позвонить Уиллу, как я это делаю всякий раз, когда сталкиваюсь с проблемой, которую не могу разрешить самостоятельно. Его методичный ум обладает способностью видеть вещи иначе, чем я, и он почти всегда находит путь к решению.

— Тебе стоило бы заняться разработкой приложения, — сказала я ему однажды после того, как он помог мне составить программу по информированию о вреде наркотиков и алкоголя на весь семестр. — Ты мог бы заработать целое состояние. А приложение назвать «Что скажет Уилл?».

Он хлопнул в ладоши и улыбнулся моей самой любимой улыбкой.

— Сейчас он говорит, что ты прелестна и что ты должна подойти и поцеловать меня.

Я прижимаю ладони к губам и говорю себе, что надо успокоиться и подумать. Должен быть кто-то, кто скажет мне, что все это просто какое-то

грандиозное недоразумение.

— Джессика! — Я спрыгиваю с табурета и бросаюсь к телефону, стоявшему на зарядке рядом с микроволновкой. — Джессика знает, где он. Она знает, куда перенесли конференцию.

— Кто это Джессика?

— Помощница Уилла. — Я набираю номер, который знаю наизусть, повернувшись к Клэр спиной, чтобы не видеть, как она вздергивает брови, как отводит взгляд, кусая губы. Она не хочет огорчать меня, так же как Тед.

— «Эппсек консалтинг», меня зовут Джессика. Слушаю вас.

— Джессика, это Айрис Гриффит. Вы не…

— Айрис? Я думала, вы уехали в отпуск.

Ее слова звучат так неожиданно, что мне нужно несколько секунд, чтобы прийти в себя. Джессика, возможно, мастерски умеет отвечать на звонки и координировать расписание нескольких безалаберных технарей, но все же у нее голова, а не компьютер.

— М-м-м, нет. Почему вы так решили?

— Потому что вы собирались на Майанскую Ривьеру делать ребеночка. Уилл показывал мне фотографии отеля, выглядит потря… — Она замолкает на полуслове и судорожно вздыхает. — О

господи, Айрис, я, должно быть, что-то напутала. Наверно, посмотрела не на ту неделю.

Я знаю, о чем думает Джессика. Она думает, что он там с другой женщиной. Но даже если она права, пускай. Что, если Уилл жив и сейчас валяется где-то на пляже в Мексике? На пару секунд в груди вновь загорается надежда, но быстро гаснет, когда я понимаю, что это невозможно. Уилл никогда бы не стал меня обманывать, но даже если и так, то Мексика — последнее место, куда бы мог отправиться мой ненавидящий жару муж. Скорее это был бы круиз на Аляску.

— Он не может быть в Мексике, — произношу я, просто чтобы унять дрожь в голосе и скрыть за любезным тоном нарастающее отчаяние. — Он один из докладчиков на конференции по информационной безопасности, помните?

— Какой конференции?

Я таращу глаза. Кто вообще взял на работу эту женщину?

— Которая проходит в Орландо.

— Подождите. Я ничего не понимаю. Он что, не в Мексике?

И тут я выхожу из себя. Набрав в грудь побольше воздуха, я кричу в телефон так, что в горле начинает саднить:

— Я не знаю, Джессика! Я, черт возьми, не знаю, где Уилл! В этом-то вся и проблема!

Воцаряется тишина, молчит Клэр за моей спиной, а Джессика на другом конце провода. От этой тишины у меня звенит в ушах. Я знаю, что мне следует извиниться, но рыдания душат меня, и я буквально захлебываюсь словами:

— Они… Они говорят, Уилл был в том самолете, который разбился этим утром, но этого не может быть. Он летел в Орландо. Скажите мне, что он в Орландо.

— О боже. Я видела новости, но мне и в голову не пришло, Айрис. Я не знала.

— Пожалуйста. Просто помогите мне найти Уилла.

— Ну конечно. — Джессика на секунду замолкает, я слышу, как она щелкает по клавиатуре. — Я совершенно уверена, что не заказывала для него билет на сегодня, но у меня есть доступ к его счетам от авиакомпаний. Еще раз, какой авиакомпании принадлежал разбившийся самолет?

— «Либерти эйрлайнс», рейс 23.

Снова повисает тишина, прерываемая постукиванием клавиатуры.

— О'кей, я вошла. Давайте посмотрим… Рейс номер 23, вы сказали?

Я ставлю локти на стол, подпираю голову рукой, изо всех сил зажмуриваюсь и начинаю молиться.

— Да.

Я задерживаю дыхание и угадываю ответ по тому, как вздыхает Джессика.

— Ох, Айрис… — начинает она, и перед глазами у меня все плывет. — Мне очень жаль, но вот оно. Рейс 23 в Сиэтл, вылет из Атланты сегодня утром в 8:55, обратный рейс… Странно. Похоже, он взял билет в один конец.

Ноги у меня подкашиваются, и я сползаю на пол.

— Проверьте «Дельту».

— Айрис, я не уверена…

— Проверьте «Дельту»!

— Хорошо, дайте мне пару секунд… Сейчас загрузится… Постойте, странно, но здесь он тоже есть. Рейс 2069 в Орландо, вылет сегодня в 9:00 утра, обратно в пятницу в 20:00. Почему он забронировал два билета на рейсы, следующие в противоположных направлениях?

От облегчения ко мне возвращаются силы, и я выпрямляюсь, сидя на полу.

— Где проходит конференция? Я звонила в гостиницу на Юниверсал-бульвар, но ее, видимо,

перенесли в другое место.

— Мне жаль, Айрис. Но мне ничего не известно о конференции.

— Тогда спросите кого-нибудь! Наверняка кто-то знает про конференцию, которую планировала ваша компания.

— Нет. Я имела в виду, что у «Эппсек» не запланировано ни одной конференции как минимум до начала ноября.

Следующий вопрос дается мне только с третьей попытки:

— А Мексика?

— В «Дельте» или «Либерти эйрлайнс» информации о таких билетах нет, но, если хотите, я могу проверить другие авиакомпании.

Теперь в ее голосе звучит жалость, а этого я не могу вынести ни секунды. Я вешаю трубку и узнаю в Гугле номер «Дельты». Мне приходится ждать ответа девять бесконечных минут, потом объяснять ситуацию поочередно нескольким сотрудникам службы клиентской поддержки, наконец меня соединяют с Кэрри, представителем по оказанию содействия семьям с неестественно бодрым голосом.

— Здравствуйте, Кэрри. Меня зовут Айрис Гриффит. У моего мужа Уилла был забронирован билет

на рейс 2069, вылетевший сегодня утром из Атланты в Орландо, но у меня нет от него известий с момента, как он приземлился. Не могли бы вы проверить, все ли в порядке, он долетел?

— Конечно, мэм. Мне нужен только номер билета.

Это означает, что нужно повесить трубку и снова звонить Джессике, но я не собираюсь снова бесконечно долго дожидаться своей очереди. Я хочу получить ответ немедленно.

— А вы не могли бы найти его по имени? Мне правда очень нужно знать, сел ли он в самолет.

— Боюсь, это невозможно. — Ее лишенный каких-либо эмоций голос звучит бодро, плохие новости она сообщает так, будто я выиграла бесплатный ужин в ресторане. — Политика конфиденциальности не позволяет нам разглашать маршрут следования пассажира по телефону.

— Но это мой муж. А его жена.

— Я понимаю, мэм, и, если бы я могла проверить ваш семейный статус по телефону, я могла бы предоставить вам информацию. Может быть, у вас есть возможность посетить ближайший офис нашей авиакомпании, захватив с собой соответствующий документ, и наш сотрудник на месте…

— У меня нет времени ехать в ваш офис! — кричу я, сама удивляясь тому, как резко и отрывисто вылетают слова, но женщина на том конце телефонной линии хранит молчание. Если бы не шум на заднем фоне, клацанье клавиатуры и чьи-то голоса, я бы решила, что она повесила трубку.

Потом я вдруг слышу пронзительные звуки, похожие на шум помех в микрофоне, и до меня не сразу доходит, что я сама их издаю. Отчаяние сломило меня.

— Дело в том, что у него был также билет на рейс 23 «Либерти эйрлайнс», понимаете? Но его не должно было быть в том самолете. Он должен был лететь на самолете вашей авиакомпании. А теперь он не отвечает на мои звонки, и в отеле ничего не знают ни о нем, ни о конференции, и его помощница тоже, она даже думала, что он в Мексике, а этого вообще не может быть. И теперь с каждой секундой, когда я не знаю, где мой муж, я все больше схожу с ума. Поэтому, пожалуйста, загляните в свой компьютер и скажите мне, летел ли он тем рейсом. Умоляю вас.

Она откашливается.

— Миссис Гриффит, я…

— Пожалуйста. — Голос у меня срывается, и мне не сразу удается продолжить. Меня душат слезы,

которые теперь льются безостановочно. — Пожалуйста, помогите найти моего мужа.

Кажется, что пауза никогда не закончится, я так сильно сжимаю в руке телефон, что у меня начинают болеть пальцы.

— Мне жаль, — когда она наконец снова начинает говорить, то почти шепчет, — но ваш муж не был зарегистрирован на рейс 2069.

Я вскрикиваю и с силой швыряю телефон через всю комнату. Он ударяется о шкаф и падает на кафельный пол экраном вниз. Даже не глядя на него, ясно, что он разбился вдребезги.

* * *

Остаток дня я провожу в постели, кутаясь в халат Уилла, который натянула не раздеваясь, и забившись под одеяло. Уилл солгал. Этот сукин сын солгал. И не просто солгал, а подкрепил свой обман сказкой о мифической конференции, которая потянула за собой новое нагромождение лживых подробностей, он даже цветной флаерс не поленился состряпать на компьютере. У меня внутри все клокочет от бешенства, так что я не могу думать ни о чем другом. Как Уилл мог так поступить? К чему были все эти сложности? Меня трясет от напряжения, главным образом потому,

что теперь я знаю, что у него не было причин лететь в Орландо.

Мои родители, как они и сказали по телефону, приезжают до наступления темноты. Лежа под несколькими слоями одежды и одеял, я слышу, как они негромко разговаривают с Клэр. Мне нетрудно представить себе испуганное выражение на лице мамы, когда Клэр рассказывает им про мое падение в школе и звонки Джессике и в офис «Дельты». Вот она вытягивает шею, стараясь заглянуть на площадку второго этажа, на ее лице читается нетерпение, она поспешно прощается с Клэр и поднимается по лестнице. Через пару секунд я слышу звук отъезжающего автомобиля и чувствую, как кто-то садится на край кровати.

— О, детка. Моя милая, милая Айрис. — Голос у нее мягкий, но согласные звучат твердо и четко — наравне с любовью к мясу с картошкой, эта особенность произношения упрямо указывает на ее голландские корни.

Как ни ужасно это звучит, но я не могу посмотреть маме в лицо. Не сейчас. Я знаю, что увижу, если выберусь из кокона: мамины глаза, красные, опухшие и полные жалости, и я знаю, что будет, как только я загляну в них.

— Мы с папой просто убиты горем. Мы любили

Уилла и будем ужасно по нему скучать, но больше всего мое сердце болит из-за тебя, моя дорогая девочка.

От слез начинает щипать глаза. Я не готова говорить об Уилле в прошедшем времени и не могу слышать, как говорит кто-то другой.

— Мама, прошу тебя. Дай мне минуту.

— У тебя есть столько времени, сколько необходимо, ливерд[2]. — Если мама начинает употреблять ласковые обращения на своем родном языке, значит, она здорово расстроена.

Кровать скрипнула, мама поднялась.

— Твой брат будет здесь часов в девять. Джеймс был на операции, когда им сообщили, так что они выехали из Саванны около часа назад. — Она помедлила, как будто ждала ответа, но, не получив его, добавила: — Ох, схати[3], я могу что-то сделать?

Да. Ты можешь притащить сюда Уилла. Чтобы я могла свернуть ему шею.

---

[2] Примечания: 2
Дорогая, милая, малышка *(гол.)*.

[3] Примечания: 3
Детка *(гол.)*.

6

Я просыпаюсь и сразу думаю: «Где Уилл? Где мой муж?»

Часы показывают семнадцать минут первого. Я напрягаюсь, стараясь расслышать звук льющейся воды в ванной, шлепки босых ног по деревянному полу, но, если не считать свиста теплого воздуха в вентиляции, все тихо.

Воспоминания о вчерашнем дне обрушиваются с беспощадностью грузовика, летящего в лобовую. Уилл. Самолет. Мертв. Боль пронзает меня с головы до ног, дыхание замирает.

Меня охватывает ужас. Я сажусь в кровати, включаю свет и глубоко дышу до тех пор, пока наконец стены не перестают давить на меня. Откинув одеяло, я нахожу углубление в матрасе на том месте, где еще вчера лежал Уилл. Без него наша широченная кровать увеличилась до размеров океанского лайнера, и я тону в ее пустоте. Я провожу ладонью по его подушке и нащупываю несколько темных волосков, зацепившихся за плотный хлопок. Я закрываю глаза. Я до сих пор чувствую его, физически чувствую тепло его ко-

жи, покалывание щетины, скользящей по моему плечу, вес наваливающегося на меня тела, мой вздох, когда он проникает внутрь. Вот он здесь, и вот уже его нет, как по мановению палочки какого-то зловещего фокусника.

И что, теперь я должна поверить в то, что он лежит, разорванный на куски, на кукурузном поле в Миссури? Да нет, это же просто безумие. Такое даже представить себе невозможно.

С трудом выбираюсь из кровати. Тело чужое, неповоротливое, а грудь будто сдавлена тисками, так что трудно дышать. На мне все еще халат Уилла. Пока я спала, он перекрутился, плотно обвив мое тело. Чтобы выпутаться из него, я ослабляю пояс, расправляю махровую ткань и снова плотно запахиваю халат. Он мне велик, но в нем так тепло и уютно, и он хранит запах Уилла — а это значит, мне тяжело будет его снять.

Внизу, на кухне бело-голубым светится телевизор. Звук выключен, но на экране идет репортаж с места катастрофы. Я довольно долго наблюдаю за корреспондентом, ведущим репортаж на фоне обугленной земли и дымящихся кусков металла, и вдруг мне в голову приходит, что он немного переигрывает. Слишком широко раскрыты глаза, слишком нахмурены брови, все как-то слишком

театрально. Видно, он ждал такую историю всю свою карьеру и теперь изо всех сил старается не упустить этот шанс.

На диване за моей спиной слышится какое-то копошение, и из бесформенной массы возникает Дэйв, мой брат-близнец, в толстовке с эмблемой «Джорджия Бульдогс» и пижамных штанах.

— И давно ты спустилась? — говорит он глубоким, меланхоличным басом, больше подходящим спортивному комментатору, нежели риелтору. Он раскуривает косяк размером с сигару, глубоко затягивается и похлопывает рукой по дивану рядом с собой.

— Я скажу маме. — Если не считать рыданий, это первый раз, когда я что-то произношу вслух за последние семь часов, и в горле сразу начинает саднить. Я плюхаюсь на диван.

— Мой муж врач, — говорит Дэйв, сделав затяжку. — Это лекарство.

— Кто бы сомневался, — фыркаю я.

Он протягивает мне косяк, но я качаю головой. У меня голова и так идет кругом. Наверно, не лучшая идея усугублять дело марихуаной, будь она хоть трижды лекарством.

Мы долго сидим в облаке сладковатого дыма, молча глядя на безмолвные картинки на экране

телевизора. Зрелище настолько кровавое, что у меня нет сил смотреть на него, поэтому я сосредотачиваюсь на лице репортера. Он жестом просит оператора следовать за ним и обходит громадный обломок фюзеляжа, потом показывает одинокий детский ботинок, и пытаюсь читать по его губам. «Вот стикер. Сырные конфеты. Коза и три тролля». Как глухие это делают?

У репортера лоб становится как у шарпея, и Дэйв качает головой:

— Этот сукин что-то слишком уж веселится.

Все, что вы когда-либо слышали про близнецов, правда; мы с Дэйвом живое тому доказательство. Мы с ним похожи, мы одинаково поступаем, у нас одни и те же жесты и привычки. У нас у обоих полные губы и костлявые пальцы, мы готовы смотреть любые спортивные состязания, но терпеть не можем заниматься спортом и отказываемся есть любое блюдо, если в нем есть хоть капля уксуса. Между нами даже есть телепатическая связь, этот таинственный дар, позволяющий близнецам без слов знать, что думает каждый из них. Хотите пример? Я знала, что мой брат гей, еще до того, как он сам это понял.

Он затушил косяк о блюдце, в котором уже было полно пепла, и поставил его на приставной

столик.

— Если хочешь знать, мама страшно переживает. Она уже скупила весь «Крогер», и у нее еще вот такой список продуктов, которыми она собирается набить твой холодильник. Если ты как можно быстрей не позволишь ей начать нянчиться с тобой, то скоро у тебя будет столько провизии, что ты сможешь открыть столовую для бездомных.

— Если я позволю, то все это станет правдой. — Я вздохнула и прижалась к нему, положив голову ему на плечо. — А я говорю себе, что это не так. Что в пятницу вечером Уилл войдет в эту самую дверь весь взмокший, мятый, сердитый, и я закричу: «Я же вам говорила!» Я говорила, что Уилла не было в том самолете. Я все жду, что кто-нибудь ущипнет меня, возьмет за плечи и встряхнет, чтобы я проснулась, но этого не происходит. Я застряла в этом кошмаре.

— Это точно. — Он берет меня за руку и большим пальцем дотрагивается до кольца. — Симпатичное «Картье».

Я снова пытаюсь сдержать слезы.

— Мы с Уиллом пытаемся забеременеть. Возможно, ты уже дядя.

Дэйв молча смотрит на меня секунд тридцать. Он не говорит ни слова, но это и не нужно. «Долго

это будет продолжаться? — вопрошают его глаза. — Сколько еще мы будем говорить об Уилле так, будто он еще здесь?»

— Столько, сколько сможем, — отвечаю я.

Что же касается наших попыток забеременеть, то тут он не кажется удивленным.

— Что вы так долго собирались? Мы с Джеймсом думали, что за это время вы нарожаете целый выводок.

— Уилл хотел подождать. Он говорил, что еще какое-то время не хочет ни с кем меня делить.

— И что изменилось?

Я задумалась.

— Не знаю, и, если честно, мне в голову не приходило спрашивать. Я была так счастлива, что он наконец согласился. Он говорит, что хочет маленькую девочку, похожую на меня, но, если все это правда, если этот кошмар происходит на самом деле, я надеюсь, что это будет маленький мальчик, похожий на него.

— Даже после несуществующей конференции?

Конечно, Дэйв уже в курсе. Мама наверняка вытащила все что можно из Клэр, а потом часами препарировала ложь Уилла с каждым, кто готов был слушать. Уверена, что у нее уже заготовлен длинный список теорий относительно того, поче-

му Уилл так поступил, для чего ему понадобились сложности с изготовлением флаерса конференции, зачем он забронировал билеты на два рейса в противоположные концы страны.

Но я и так уже знаю ответы. Чтобы я не узнала, куда он направляется, что собирается там делать и с кем намеревается встречаться. Любой подойдет.

Бессильная ярость, которая до этого сотрясала меня под одеялом, грозит вырваться на поверхность, и я с трудом справляюсь с ней. Я люблю мужа. Я скучаю по нему и хочу, чтобы он вернулся. Эмоций так много, и они так сильны, что не оставляют места для злости. Я торгуюсь с Богом, хотя даже до конца не уверена, верю ли в него: «Верни мне Уилла, и я даже не стану спрашивать, где он был. Обещаю, что даже не вспомню об этом».

— Одна ложь не отменяет семь лет брака, Дэйв. Взбесила ли она меня? Возможно. Но этого недостаточно, чтобы уничтожить мою любовь к мужу.

Он нехотя пожимает плечами:

— Конечно нет. Но можно я задам тебе один вопрос? Только не злись. — Он ждет, и я неохотно киваю. — А что насчет Сиэтла? Я не имею в виду

дождь, «Старбакс» и клетчатые рубашки.

Я всплескиваю руками.

— Черт, я не знаю. Уилл вырос в Мемфисе, потом сразу после окончания магистратуры в университете Теннесси переехал в Атланту. Вся его жизнь прошла на Восточном побережье. Он никогда даже не упоминал про Сиэтл. Насколько мне известно, он никогда там не был. — Я разворачиваюсь и смотрю в кошачьи глаза, того же темно-оливкового цвета, что и у меня. — Но ведь на самом деле ты хочешь знать, думаю ли я, что у него интрижка.

Дэйв неторопливо кивает.

— А ты думаешь?

Внутри у меня все сжимается — не потому, что я считаю, будто муж меня обманывал, а потому, что так будут думать все остальные.

— Нет. Но я также не думаю, что он был в том самолете, хотя сейчас не слишком хорошо соображаю. А что думаешь ты?

Дэйв надолго замолкает, обдумывая ответ.

— Когда дело касается зятя, у меня больше вопросов, чем ответов. Не пойми меня неправильно, мне он очень нравится, особенно то, что он так сильно тебя любит. Такую любовь невозможно сыграть, каждый раз, когда ты входишь

в комнату, его лицо озаряется таким счастьем, что я бываю вынужден отворачиваться — а я гей. Я в этом разбираюсь. Так что, отвечая на твой вопрос, нет, я не думаю, что у твоего мужа была интрижка.

Мое сердце, которое и так уже держалось на честном слове, раскалывается на две половины. Не потому, что Дэйв верит моему мужу или говорит о нем как о живом, но еще и потому, что его собственная любовь ко мне так сильна, что автоматически распространяется на другого человека. Я беру его под руку и кладу голову ему на плечо, думая, что никогда не любила брата сильнее.

— Я просто хочу сказать, что, когда Уилл вошел в твою жизнь, у него совсем никого не было. Родители умерли, ни братьев, ни сестер у него нет, он никогда не упоминает о каких-то других родственниках или друзьях. У всех есть прошлое, а тут складывается впечатление, будто до встречи с тобой он и не жил вовсе.

Дэйв не совсем прав. У Уилла много коллег и знакомых, но друзей действительно мало. Но это потому, что ему, как всем технарям, нужно много времени, чтобы открыться.

Я сажусь прямо и разворачиваюсь, чтобы ви-

деть лицо брата.

— Потому что он растерял всех школьных друзей, кроме одного, но и тот переехал в Коста-Рику. У него там школа серфинга или что-то в этом роде. Мне известно, что они до сих пор переписываются по имейлу.

— А как насчет остальных? Друзья, бывшие соседи, партнеры по спортивному клубу и собутыльники.

— Мужчины не заводят столько друзей, как женщины. — Дэйв вопросительно смотрит на меня, и я поясняю: — Гетеросексуальные мужчины, я имею в виду. Им не нужно, чтобы их окружало много людей, и, кроме того, ты же знаешь Уилла. Он предпочитает сидеть дома у компьютера, чем проводить время в шумном, многолюдном баре.

Это одна из причин, почему мы семь лет назад тайно поженились в Северной Каролине, захватив с собой только моих родителей и Дэйва с Джеймсом в качестве свидетелей. Уилл не любит толпу и ненавидит быть в центре внимания.

— Даже у интровертов есть лучшие друзья, — говорит Дэйв. — А у Уилла?

Это просто. Я уже открываю рот, чтобы ответить, но Дэйв опережает меня:

— Кроме тебя.

Я замолкаю. Теперь, когда, благодаря Дэйву, я выбываю из списка, вопрос заставляет меня задуматься. Уилл рассказывает о многих из тех, с кем он знаком, но я и правда ни разу не слышала, чтобы он называл кого-то другом.

Дэйв зевает и глубже откидывается на спинку дивана, еще немного, и он, забыв про свой вопрос, начинает клевать носом. Сидя рядом с похрапывающим братом, я смотрю на мелькающие на экране телевизора жуткие кадры и ничего не вижу.

Вместо этого я думаю о нашей первой годовщине, когда я устроила Уиллу сюрприз в виде поездки в Мемфис. У меня ушло несколько недель на подготовку импровизированного маршрута «Твоя жизнь». Из скупых рассказов Уилла о детстве я по крупицам выуживала информацию о значимых для него местах. Школа, улица, где он жил до тех пор, пока не умерла мать, «Пицца Хат», в которой он работал по вечерам и в выходные.

Но чем ближе подъезжали мы к городу, тем больше Уилл нервничал и тем молчаливей становился. На пустынном участке трассы I-40 он наконец признался. У него было несчастливое детство, и ему было неприятно возвращаться к воспоминаниям о жизни в Мемфисе. Одного

раза было вполне достаточно. Мы развернулись и провели выходные в Нашвилле, исследуя местные бары.

Так что нет, Уилл не любил говорить о своем прошлом.

А Сиэтл? Что там? Или кто там?

Я смотрю на спящего брата, его грудная клетка вздымается и опускается в темноте. Как бы мне хотелось отмахнуться от подозрений Дэйва, отгородиться от его сомнений по поводу Уилла, чтобы все вопросы улетучились как дым.

Насколько хорошо я знала своего мужа?

7

В следующий раз я спускаюсь вниз, когда на часах уже почти десять. Все мои на кухне, пьют кофе и слушают, как Джеймс вслух зачитывает с айпада новости о крушении. Отец, сидящий за столом, кашляет в кулак. Джеймс замолкает на полуслове, все поворачиваются ко мне, и вид у них при этом виноватый и одновременно участливый, как у четырех ребятишек, которых я застала за кражей печенья.

— Черный ящик нашли? — спрашиваю без лишних предисловий.

Мама роняет лопатку в сковороду, на которой жарится яичница, и разворачивается ко мне всем корпусом, выглядит она так, будто провела ночь не лучше меня. Черные круги под глазами напоминают синяки, а обычно тщательно завитые с помощью термобигуди волосы безжизненно свисают вдоль опухшего лица.

— О, детка. — Она спешит ко мне по кафельному полу и крепко обнимает. — У меня просто сердце разрывается. Я могу что-то для тебя сделать? Тебе что-нибудь нужно?

Ох, сколько мне всего нужно. Мне нужно знать, что заставило Уилла сесть в тот самолет. Почему самолет упал. Какими были последние мгновения жизни мужа, кричал ли он от ужаса или же ни о чем не догадывался — вот он решает, что выбрать, орешки или соленые кренделькы, а в следующую секунду превращается в пыль. Мне нужно знать, где он сейчас — в прямом и переносном смысле. Будет ли что хоронить?

Но больше всего мне нужно, чтобы Уилл был там, куда, по его словам, он направлялся. В Орландо.

Я высвобождаюсь из маминых объятий и смотрю на Джеймса, который до моего появления читал новости.

— Им удалось выяснить, почему самолет упал?

— Пройдут месяцы, прежде чем можно будет точно сказать, — осторожно отвечает Джеймс. Его голубые глаза внимательно и методично оглядывают меня, как будто он пытается проверить мой пульс на расстоянии. — Как ты спала?

Я качаю головой. От меня не укрылось то, как все переглянулись, когда я спросила про причину крушения, и я точно не хочу обсуждать, как мне спалось.

— Просто скажи мне, Джеймс.

Он вздыхает и смотрит поверх моего плеча на Дэйва, словно спрашивая у него разрешения. Дэйв, должно быть, кивает, потому что Джеймс переводит взгляд на меня.

— Учти, что сейчас это только предположение, но в прессе говорится о механической проблеме, вызванной ошибкой пилота.

— Ошибка пилота. — Я еле ворочаю языком, он будто намазан патокой.

Джеймс кивает.

— Ошибка пилота. То есть кто-то облажался, и теперь мой муж мертв.

Джеймс меняется в лице.

— Мне жаль, Айрис, но дело обстоит именно так.

К горлу подступает тошнота, и комната начинает кружиться — или, может, это я.

Джеймс вскакивает с табурета и, обогнув барную стойку, подхватывает меня под локоть.

— Хочешь, я дам тебе что-нибудь? Я не в силах излечить твое горе, но таблетка может смягчить его, по крайней мере, в течение нескольких следующих дней.

Я мотаю головой. Мое горе такое острое, но кажется, это единственное, что связывает меня теперь с Уиллом. Мысль о том, что я могу потерять

и эту связь, пускай даже приносящую мне такую невыносимую боль, вызывает у меня панику.

— Я бы не отказался от ксанакса, — говорит Дэйв.

Джеймс бросает на меня взгляд, говорящий «этот твой ненормальный братец», потом похлопывает меня по руке.

— Подумай об этом, ладно? Я могу выписать рецепт на все, что тебе нужно.

Я изо всех сил стараюсь улыбнуться.

— Идем. — Мама увлекает меня к столу, заставленному едой. Блюдо с яичницей, горка плавающего в масле бекона и сосисок, целая буханка поджаренного хлеба. Для мамы нет лучшего способа показать свою любовь, чем обильная еда, и сегодня утром ее любви хватило бы на то, чтобы накормить целую армию. — Что ты будешь?

Я смотрю на еду, и запахи ударяют мне в нос, от вида маслянистой яичницы и жареного свиного жира в желудке у меня все переворачивается.

— Ничего.

— Тебе надо поесть. Как насчет блинчиков? Я их сделаю по-голландски с яблоком и беконом, как ты любишь.

Дэйв выглядывает из-за кофейника.

— Мам, оставь ее в покое. Она поест, когда проголодается.

— Иди сюда, малышка. — Отец зовет меня из-за стола, похлопывая по соседнему стулу. — Я занял тебе место.

Отец в прошлом военный моряк и блестящий инженер с простой улыбкой и неплохим броском в прыжке, но его главный талант — это умение вовремя вклиниться между мной с братом и мамой.

Я опускаюсь на стул и прижимаюсь к отцу, а он крепко обнимает меня. В нашей семье не принято выставлять чувства напоказ. Мы обнимаемся только при встрече или при прощании. Целуемся редко и обычно даже не соприкасаемся кожей. Но сегодня я уже успела подержаться с братом за руку, упасть в мамины объятия и приласкаться к отцу. Вот что делает смерть. Она сближает и одновременно разделяет.

Мой взгляд падает на блокнот, исписанный в отцовской манере печатными буквами. На каждой странице — список дел, разделенных по важности и по категориям. Если бы здесь был Уилл, они с отцом вместе трудились бы над этим шедевром левополушарного мышления. Я отодвигаю папины очки для чтения и просмат-

риваю записи. Мне кажется нечестным, что дел так много, а хочется только одного — вернуться в постель и забыть о вчерашнем дне, как будто его и не было.

И тут я замечаю несколько пунктов в самом низу страницы.

— Компенсация? — ядовито спрашиваю я.

— Авиакомпания собирается выплатить семьям жертв некоторую сумму, Айрис. Понимаю, это кажется жестоким, но я просто беспокоюсь за мою девочку. И позабочусь, чтобы ты получила все, что тебе причитается.

Как будто деньгами «Либерти эйрлайнс» может исправить негодные самолеты и некомпетентных пилотов. «О, мы убили вашего мужа? Вот, идите купите себе что-нибудь».

— Я скорее умру с голода, чем прикоснусь к их кровавым деньгам.

— Вот и отлично, не прикасайся к ним. Положи деньги в банк и забудь про них. Я позабочусь о том, чтобы ты их получила.

Я хватаю ручку и дописываю еще один пункт: «узнать о благотворительных организациях помощи семьям погибших». Может, кто и воспользуется деньгами «Либерти эйрлайнс», но уж точно не я.

Я быстро просматриваю следующую страницу, потом еще одну и еще, пока не натыкаюсь на надпись вверху страницы: ПРЕССА. Под ней отец поместил длинный список звонков, где указал дату, время, имя звонившего и название СМИ. Не все названия мне знакомы, но многие бросаются в глаза. People magazine. The Today show. The Atlanta Journal-Constitution. Diane Sawyer. USA TODAY.

— Как они меня нашли? Нашего номера нет в справочнике.

Дэйв устраивается во главе стола, держа в руках сэндвич с яйцом и беконом.

— Не знаю, но телефон звонит не переставая. Где-то с час назад мы его отключили. Но когда я последний раз смотрел, у дома стояло три новых фургона.

— Серьезно?

— Абсолютно. И ты помнишь ваше с Уиллом фото с последнего Нового года? Оно заполонило весь Интернет.

Ну что ж, они могли выбрать снимок и похуже. Наш лучший отпуск, на лицах сияют глуповатые улыбки, Уилл обнимает меня. Снимок мне так понравился, что я установила его в качестве аватарки на своей странице в «Фейсбуке», оттуда они его, вероятно, и взяли.

Мама ставит передо мной тарелку, на которой высилась небольшая гора еды.

— Вот, лифье[4]. Постарайся поесть хоть немного.

Я беру вилку, отрезаю маленький кусочек сосиски и катаю его туда-сюда по тарелке, пока мама не уходит обратно на кухню.

Отец переворачивает страницу.

— «Либерти эйрлайнс» открыла Центр помощи семьям в международном терминале Хартсфилда. Твое контактное лицо дама по имени… — он надевает очки и сверяется со своими записями, — Энн Маргарет Майерс.

Дэйв фыркает, откусывая гигантский кусок.

— Какой идиот собирает родственников погибших при крушении в аэропорту?

— Очевидно, «Либерти эйрлайнс», — говорит отец. — Мы должны приехать для того, чтобы они могли, цитирую: «Принести соболезнования и предоставить консультации, обсудить планы и ответить на вопросы».

— Планы? — переспрашиваю я. — Какие планы?

— Ну, для начала они говорят о поминальной

---

[4] Примечания: 4
Малышка *(гол.).*

службе в эти выходные.

Отец старается говорить как можно мягче, но я все равно чувствую, как во мне закипает уже знакомый гнев. Намерение «Либерти эйрлайнс» устроить поминальную службу походит на оскорбление, это то же самое, как если бы сосед, задавивший вашу собаку, в качестве покаяния принес вам цветы. Я не собираюсь принимать их публичные извинения и не в силах простить им их ошибку.

— То есть я должна принять помощь от людей, по чьей вине погиб мой муж? Это же абсурд. — Я с силой отодвинула тарелку на середину стола, и пирамида из омлета съехала через край.

— Так может показаться, милая, но это касается не только «Либерти эйрлайнс». Там будут и представители Красного Креста, и ребята, которые собирают информацию о крушении. Мне интересно послушать, что они скажут и чего мы не узнаем из телевизора или газет.

— Может, ты спросишь у них, кто поднял шумиху в прессе, — говорит мама, с грохотом ставя на стол солонку и перечницу. — Это непростительная ошибка, и мне не терпится высказать этим людям все, что я о них думаю.

— Кто бы это ни был, он лишится работы, я про-

слежу за этим. — В отце просыпается командир — его голос звучит решительно, громко и четко. Он поворачивается ко мне, и выражение его лица сменяется со свирепого на обеспокоенное. — Милая, нравится тебе это или нет, но рано или поздно нам придется пообщаться с «Либерти эйрлайнс». Если хочешь, я могу взять это на себя или, наоборот, не стану вмешиваться, и ты уладишь все сама. Решать тебе. Ты не думаешь, что нам в любом случае нужно, как минимум, съездить туда и послушать, что скажет эта мисс Майерс?

Мне совсем так не кажется. Я видела такое по телевизору — рыдающие родственники проталкиваются сквозь окружившие их телекамеры, стремящиеся показать их отчаяние всему миру. И теперь отец предлагает мне стать одной из них?

И потом, у меня слишком много вопросов, и прежде всего: «Что вы сделали с моим мужем?» Если у этой мисс

Энн Маргарет Майерс есть ответ, то она может разместить мое зареванное лицо хоть на светодиодных экранах на бейсбольном стадионе «Сан Траст Филд», мне плевать.

Я встаю из-за стола и иду наверх одеваться.

В последний вечер своей жизни Уилл готовил. Не какие-то там полуфабрикаты или что-то из

отдела замороженных продуктов, а настоящую домашнюю еду. Для человека, который, когда мы познакомились, даже не умел резать помидоры, приготовить ужин, видимо, было непростым делом, и он, вероятно, потратил на это целый день. Возможно, он что-то предчувствовал, что-то говорило ему, что его час близок, но в тот вечер — в нашу седьмую годовщину — меня ждала домашняя еда, к тому же впервые приготовленная им собственноручно.

Я застала его на кухне склонившимся над моей поваренной книгой, в воздухе витал восхитительный аромат.

— Что происходит?

Он поспешно обернулся, в волосах застряла веточка тимьяна, а выражение лица одновременно было гордым и виноватым.

— Э… Ну… Я готовлю.

Что ж, это было очевидно. Он использовал все имеющиеся у нас кастрюли и сковородки, каждый сантиметр кухонного стола был завален продуктами, специями и кухонными принадлежностями. Сам Уилл с головы до ног был в муке и масле.

— Что ты делаешь? — улыбнулась я.

— Ростбиф из спинной мякоти, молодой кар-

тофель с маслом и петрушкой, а как называются эти тощие стручки в беконе, я забыл.

— Зеленая фасоль?

Он кивнул.

— А еще я приготовил десерт. — Он показал на два шоколадных фондана в белых формочках, остывающих рядом с плитой. Он даже посыпал их сахарной пудрой.

Видя, что я молчу, он сказал: — Мы все еще можем куда-нибудь пойти, если хочешь. Я просто подумал…

— Идеально, — произнесла я, и действительно так думала. Мне было все равно, что в кухне разгром, или что у нас забронирован столик в новом модном суши-ресторане в Бакленде. Уилл готовил, и делал это для меня. Я улыбнулась и потянулась его поцеловать. — Ты идеальный.

Чего нельзя было сказать о еде. Мясо оказалось пережаренным, картошка разваренной, а фасоль холодной, но ничего вкусней я не пробовала. Я съела все до последнего кусочка. После ужина мы отправились наверх, прихватив с собой десерт, и наслаждались им в постели. Вкус поцелуев смешивался со вкусом шоколада, сводя нас обоих с ума, и мы любили друг друга так, будто завтра никогда не наступит.

Но завтра наступило.

8

— Миссис Гриффит, позвольте мне прежде всего выразить вам свои глубочайшие соболезнования в связи со смертью вашего мужа.

Отец, Дэйв и я плечом к плечу сидим напротив нашего куратора в «Либерти эйрлайнс», Энн Маргарет Майерс, худенькой женщины с убранными в хвост белокурыми волосами. Судя по карточке, висящей у нее на шее, она специалист по оказанию помощи, и я с первого взгляда проникаюсь к ней ненавистью. Я ненавижу ее накрахмаленную розовую блузку и то, как она наглухо застегнута на все пуговицы до самой ямки на шее. Ненавижу ее французский маникюр и то, что она так крепко сцепила руки, что даже кожа на пальцах побелела. Ненавижу ее тонкие губы, и глаза цвета грязной лужи, и выражение сочувствия, настолько преувеличенного, что мне приходится сидеть на руках, чтобы не сорвать эту маску с ее лица.

Отец кладет руки на деревянный стол.

— Собственно, мисс Майерс, для начала мы хотели бы, чтобы вы объяснили нам, как так получилось, что имя Уилла стало известно прессе,

прежде чем его жена узнала о том, что он был в том самолете.

Энн Маргарет выпрямляется на стуле.

— Простите?

Отец пожимает плечами, и этот жест не случаен.

— Казалось бы, у авиакомпании есть лучшие способы известить родственников, чем сообщать имена пассажиров журналистам, но что я в этом понимаю? Я думаю, что вы в «Либерти эйрлайнс» смотрите на вещи по-другому. Могу сказать одно: эта ваша политика — дерьмо.

— Я… — Она открывает и закрывает рот, как выброшенная на мель рыба. Она смотрит то на отца, то на меня. — Вы узнали о мистере Гриффите из новостей?

Мы втроем киваем.

— О боже, я понятия не имела. Уверяю вас, миссис Гриффит, и вас, мистер Стаффорд, что это не политика «Либерти эйрлайнс». Кто-то совершил огромную, непростительную ошибку, и поверьте, я очень, очень сожалею.

Я знаю, что она делает. Она пытается дистанцироваться и от компании, и от совершенных ею ошибок, но на это не я куплюсь. Ни за что.

Отец, судя по его хмурому виду, тоже не настро-

ен отступать.

— Я ценю это, мисс Майерс, но уверен, вы понимаете, что ваших извинений недостаточно. Нам нужны объяснения, и мы хотим услышать их от тех, кто действительно в ответе за произошедшее.

Он откидывается назад, скрестив руки на груди, — авторитетный, властный, не терпящий возражений. В нужный момент на отца всегда можно положиться. Сегодня он командует.

Энн Маргарет явно напугана.

— Конечно, я понимаю. Как только мы закончим, я выясню, чья это вина, и организую для вашей семьи личную встречу с этим человеком. Устраивает ли вас троих такое решение?

Отец сдержанно кивает, я же не двигаюсь. По-моему, она просто пытается нас задобрить, но я слишком устала, слишком потрясена и разбита, чтобы что-то говорить, иначе я бы давно уже придушила ее.

Мы сидим в представительском зале ожидания авиакомпании «Либерти эйрлайнс» в новеньком новом терминале аэропорта Хартсфилд. Это просторное, роскошно декорированное помещение с зонами отдыха и баром, одна из стен которого, полностью стеклянная, выходит на зону посадки

и высадки пассажиров. Самолеты с ревом снуют туда-сюда по ту сторону стекла, словно гигантские снаряды, возбуждая во мне преступные намерения.

— Журналисты уже добрались до вас? — спрашивает Энн Маргарет, и я поворачиваюсь к столу.

Дэйв кивает.

— Они все утро звонили на домашний телефон, и на улице дежурит пара фургонов. Кое-кто из репортеров даже набрался наглости позвонить в дверь и попросить об интервью.

Она с отвращением качает головой.

— Мы специально просили представителей прессы уважать частную жизнь семей, но не все журналисты прислушиваются к нашим просьбам. Единственное, что я могу сделать, — это помочь вам избежать встречи с ними на выходе. Могу я предложить вам попросить кого-то из друзей семьи взять на себя общение с прессой? Тогда вам не придется встречаться с ними, пока вы не будете готовы.

Отец внес еще один пункт в свой список, занимавший уже несколько страниц.

Вокруг нас много людей, и все они плачут. Седой мужчина с небритым лицом, индианка в

сари цвета бирюзы с серебром, чернокожий подросток, у которого брильянты в запонках больше, чем камень в моем обручальном кольце. Слезы текут у них по щекам, но они этого не замечают. Кажется, что сам воздух в зале пропитан отчаянием. Вид чужого горя так же заразителен, как зевота. Внезапно я тоже начинаю всхлипывать.

Энн Маргарет протягивает мне упаковку салфеток.

— Мисс Майерс, — говорит отец, — может, вы вкратце познакомите нас с последними новостями? Есть какая-то новая информация?

— Прошу вас, зовите меня Энн Маргарет. И да, конечно. Как вы, возможно, слышали, оба черных ящика, бортовой регистратор полетных данных и речевой самописец из кабины пилотов, найдены и отправлены в Национальный совет по безопасности на транспорте для исследования. Однако должна вас предупредить. Окончательный отчет будет готов только через несколько месяцев, а то и лет.

Я морщусь. Месяц и то звучит как целая вечность, а тут годы.

— Между тем… — Она чуть пододвигает к нам папку с документами и указывает кончиком пальца на напечатанный на ней адрес сайта. —

Это теневой сайт, то есть он не предназначен для широкого доступа. На него нет ссылок, найти его можно, только набрав точный адрес. «Либерти эйрлайнс» будет размещать на нем отчеты и новую информацию, доступ к которым будет только у друзей и родственников пассажиров. Вы также сможете найти там список имен, телефоны и адреса электронной почты всех сотрудников группы помощи и содействия семьям погибших. Они доступны круглосуточно. Вы — моя семья, и помогать вам — моя первостепенная задача.

Я поднимаю голову и смотрю на нее.

— В каком смысле мы ваша семья?

Она улыбается мне:

— За семьей каждого из погибших пассажиров закрепляется специалист по оказанию помощи и содействия. Для вашей семьи — это я. Вы — моя семья. Если кому-нибудь из вас что-то понадобится, вам нужно просто сказать об этом мне, и я обо всем позабочусь.

— Превосходно. Для начала верните мне моего мужа.

Она опускает плечи, наклоняет голову и вновь надевает маску сочувствия.

— Мне жаль, что я не могу этого сделать, миссис Гриффит. Правда, жаль.

Я ненавижу эту женщину. Ненавижу так сильно, что на пару секунд даже начинаю верить во все, что случилось. Конечно, я понимаю, что в том, что кто-то небрежно провел проверку безопасности или совершил крен влево, когда надо было повернуть вправо, нет ее вины, но и в ее притворное «я на вашей стороне» тоже не верю. Если эта женщина действительно так печется о моих интересах, как утверждает, она скажет мне то, что я хочу услышать.

— Как мой муж попал в самолет?

Энн Маргарет не сразу улавливает, о чем идет речь, а потом виновато улыбается:

— Простите, но я не совсем понимаю, что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, видел ли кто-нибудь, как он заходил в самолет? Дело в том, что он вышел из дома с опозданием, и, даже если он не застрял в пробке, что маловероятно, ему еще нужно было пройти досмотр и попасть в терминал. В самолет в таком случае он должен был войти последним, даже если каким-то чудом не опоздал.

Она ерзает на стуле и поглядывает на отца, словно ждет, что он ей поможет. Не дождавшись поддержки, она переводит взгляд на меня.

— Вы спрашиваете, почему в авиакомпании

уверены, что ваш муж сел в самолет?

— Да. Именно это я и пытаюсь выяснить.

— О'кей. Давайте подумаем, хорошо? Все авиакомпании придерживаются определенных процедур. Так что ошибки, подобные той, о которой вы говорите, невозможны. Билеты пассажиров сканируются на контрольно-пропускном пункте, а потом еще раз уже на выходе на посадку. Прямо перед посадкой в самолет. Техника не врет. Она гарантирует нам отсутствие ложноположительного ответа.

Я слышу смех Уилла так ясно и отчетливо, как будто он сидит рядом со мной. Если бы это было так, он объяснил бы этой леди, что техника врет по определению, поскольку ее создают и контролируют люди. Бывают сбои. Бывают поломки. Бывают ложноположительные и ложноотрицательные ответы. Так что Энн Маргарет может сколько угодно пытаться убедить меня, что я напрасно трачу время, но я уверена, что тут не все так однозначно.

Вспышка гнева сменяется чувством удовлетворения. Если авиакомпания могла совершить столь вопиющую ошибку: не позвонив мне, прежде связаться с прессой, то кто возьмется утверждать, что имя Уилла в списке пассажиров

тоже не было ошибкой? Гигантской, переворачивающей жизнь, но все же ошибкой.

— Что, если, уже идя по телетрапу, он повернулся и пошел обратно? А служащая на пропускном пункте проверяла билеты других пассажиров и не заметила, как он вышел.

— Полагаю, такое возможно… — Энн Маргарет отводит глаза в сторону и даже не скрывает своих сомнений. Она также не задает самый очевидный вопрос — почему кому-то вообще могло понадобиться развернуться и выйти? Если бы она спросила, я сказала бы ей, что это был не тот рейс, летевший не в том направлении. — Может, вы хотите поговорить с кем-нибудь?

Это другой разговор. Я уже собираюсь кивнуть, полагая, что она имеет в виду своего босса или, еще лучше, начальника службы безопасности Хартфилда.

— Со священником или с кем-то из светских служб? У нас здесь работают психологи из Красного Креста, а также представители основных религиозных конфессий. Кого вы предпочитаете?

Внутри меня нарастает раздражение.

— Мне не нужен психолог. Я сама психолог. Единственное, что мне нужно, — это чтобы кто-

нибудь сказал мне, где мой муж.

Энн Маргарет замолкает. Она кусает нижнюю губу и поглядывает на своих коллег, находящихся за соседними столами и утешающих безутешных, словно спрашивая: «И что теперь? Этому нас не учили на тренинге для специалистов по оказанию содействия». Я озадачила ее.

— И что теперь? — спрашивает отец, ему, как всегда, нужен план. — Что мы делаем дальше?

Энн Маргарет с облегчением ухватилась за возможность вернуться к своему сценарию.

— В эти выходные в городе пройдет церемония прощания. «Либерти эйрлайнс» еще дорабатывает детали, но, когда станут известны место и время, я вам сразу же сообщу. Если хотите, я могу забрать вас от дома и сопроводить на службу. Конечно, это вам решать, но там будет много журналистов, а я знаю, как их обойти. И если вам интересно, я могу также помочь спланировать посещение места крушения.

На последних словах у меня перехватывает горло. Место крушения. Я с трудом могу видеть даже телевизионные кадры. А при мысли, что придется ходить среди обломков, стоять на земле, принявшей 179 душ, мне кажется, что меня ударили в живот.

— Спешки никакой нет, — говорит Энн Маргарет, заполняя тишину. — Сообщите, когда будете готовы.

Поскольку я снова не отвечаю, она, сверившись с бумагами, переходит к следующему пункту:

— Ах да, «Либерти эйрлайнс» в сотрудничестве с независимой компанией занимается организацией процесса возвращения личного имущества родственникам пассажиров. Форму для заполнения вы найдете на странице двадцать три. Чем больше подробностей вы сможете указать, тем лучше. Фотографии, описания, особые приметы, ну и тому подобное.

Уилл не любитель ювелирных украшений, но он носит обручальное кольцо и часы. То и другое подарила ему я, предварительно снабдив гравировкой с нашими инициалами, и хотела бы получить их обратно.

— То есть вы все же полагаете, что он был в том самолете.

Понимаю, что демонстрирую классическую стадию отрицания. Я не верю, потому что это не может быть правдой. Уилл не лежит в полях Миссури. Он в Орландо, завораживает участников конференции своим докладом о прогнозно-аналитическом программном обеспечении и

жалуется на жару в баре отеля. А может, он уже дома, помятый и уставший после поездки, размышляет, что у нас на ужин. Я представляю, как вхожу в дверь и вижу его, и внутри у меня зарождается радость.

— Миссис Гриффит, я понимаю, как это, должно быть, трудно, но…

— Правда? Вы понимаете? Потому что в том самолете был ваш муж? Или это ваших родителей или детей разорвало в клочья на кукурузном поле? Нет? Тогда вы не понимаете и не можете понять, как это трудно для меня. Для любого в этом зале.

Энн Маргарет наклоняется к столу и хмурит брови.

— Нет, я не потеряла родных на рейсе 23, но я тоже испытываю глубокую скорбь и сочувствие к вам, а также ко всем, кто пришел сегодня сюда. Я разделяю вашу боль и страдание, и я на вашей стороне. Скажите мне, что вы хотите, чтобы я сделала, и я это сделаю.

— Верните мне моего мужа! — выкрикиваю я.

За соседними столами становится тихо, головы всех сидящих поворачиваются в мою сторону. Они тоже хотят, чтобы им вернули тех, кого они любили. Если бы мы сидели рядом, то могли бы

пожать друг другу руки. Это дерьмовая ситуация, но, по крайней мере, я прохожу через нее не одна.

Дэйв в знак братской поддержки кладет руку мне на спину. Он понимает, что я на грани нервного срыва, и его главная цель сейчас — увести меня отсюда.

— Что-то еще?

— Да. Нам бы очень помогло, если бы вы сообщили имя и адрес врача и дантиста вашего мужа. Мы гарантируем, что вся собранная информация останется конфиденциальной и будет использоваться только судебными экспертами. И простите, что я спрашиваю, но нам также нужен образец ДНК.

Отец берет меня за руку.

— Еще что-нибудь? — спрашивает он, сжав зубы.

Энн Маргарет достает из папки конверт и пододвигает его к нам через стол.

— Это первоначальный взнос от «Либерти эйрлайнс» на покрытие расходов, связанных с катастрофой. Я знаю, что сейчас трудное время, и эти деньги должны, так скажем, немного облегчить груз, который ложится на плечи вашей семьи.

Я беру конверт и смотрю на вложенный в него листок бумаги. Очевидно, даже у смерти есть цена, и, если верить «Либерти эйрлайнс», она составляет 54 378 долларов.

— Будет еще, — говорит Энн Маргарет.

Угли гнева, разгоравшегося во мне с момента, как я вошла в этот зал, наконец вспыхивают неукротимым огнем. Безудержная ярость сжигает меня изнутри и гонит раскаленную лаву по моим венам. Руки сжимаются в кулаки, и я выпрямляюсь на своем стуле.

— Позвольте спросить у вас кое-что, Маргарет Энн.

— Энн… — Она обрывает сама себя, натянув сочувственную улыбку. — Конечно. Все, что угодно.

— На кого вы работаете?

Пауза. Она хмурит брови, будто спрашивая: «О чем вы говорите?»

— Миссис Гриффит, я уже вам говорила. Я работаю на вас.

— Нет. Я имею в виду, как называется компания, которая вам платит?

Она открывает рот, потом закрывает, делает вдох носом, потом еще раз.

— «Либерти эйрлайнс».

Я рву чек пополам, беру сумочку и встаю.

— Так я и думала.

Энн Маргарет сдержала по крайней мере одно из своих обещаний. Когда мы выходим из Центра помощи семьям, расторопные представители авиакомпании, одетые в униформу «Либерти эйрлайнс», быстро проводят нас через терминал и выводят на улицу через боковую дверь. Если журналисты и замечают нас на пути к машине, мы этого не видим. Люди в форме служат нам живым щитом.

Они загружают нас в отцовский «чероки», захлопывают дверцу и отступают прочь, как только отец заводит двигатель. Он переводит рычаг в положение «задний ход», но не убирает ногу с педали тормоза. Как и я, отец до сих пор пребывает в шоке, пытаясь осмыслить все, что мы узнали за последний час. Я не представляю, сколько мы так сидим под звук урчащего под нами двигателя, молча уставившись в окно на бетонную стену парковки. И только когда я чувствую, как отец кладет теплую ладонь мне на колено, а Дэйв обнимает меня, я понимаю, что все это время плачу.

9

Всю ночь мне снится, что я — это Уилл. Я лечу высоко в облаках где-то над Миссури, надежно пристегнувшись в кресле у прохода. Внезапно самолет начинает падать. Он кренится набок и летит вниз, пронзительный рев двигателей так же оглушителен, как и мой собственный крик, в нем столько же ужаса, как в криках других пассажиров. Мы срываемся в пике и несемся к земле с нарастающей скоростью. Я проснулась в момент взрыва, мой рот, как песком, был забит предсмертным ужасом Уилла. Понимал ли он, что происходит? Кричал ли, плакал ли, молился ли? Думал ли он обо мне в последние секунды своей жизни?

Мне никуда не деться от всех этих вопросов. Словно вражеская армия, они захватывают мой мозг, бомбардируя его и заставляя меня подскакивать в постели. Зачем моему мужу говорить мне, что он направляется в одно место, а самому лететь в другое? Зачем ему понадобилось выдумывать несуществующую конференцию и демонстрировать поддельный флаерс в качестве

фальшивого доказательства? Сколько еще раз он был не там, где говорил? На последнем вопросе мое сердце подпрыгивает, ответ очевиден — это то же самое, что пытаться забить квадратный колышек в круглое отверстие. Уилл не стал бы лгать. Он бы не стал.

И что дальше? Откуда тогда эта ложь?

Я поворачиваюсь на кровати, нащупывая в неверном утреннем свете пустую подушку. Прижимаю прохладную ткань к своему лицу и вдыхаю запах мужа, болезненные в своей яркости воспоминания накатывают на меня. Квадратная челюсть Уилла, освещаемая снизу экраном ноутбука. Волосы, неизменно спутанные с одной стороны, — задумавшись, он бессознательно начинал их ерошить. Улыбка, освещавшая его лицо всякий раз, как я входила в комнату, он никому так больше не улыбался. И прежде всего, ощущение, что мы единое целое, что я принадлежу ему, что мы не существуем по отдельности.

Мне нужен мой муж. Его теплое после сна тело и согревающие прикосновения, его голос, нашептывающий что-то мне на ухо, называющий меня его самым любимым человеком. Я закрываю глаза и вижу его, он с обнаженным торсом лежит рядом и манит меня пальцем. Внутри становится

пусто. Уилл умер. Его больше нет, и меня тоже.

Свежая рана снова начинает нестерпимо болеть. Я ни секунды больше не могу оставаться в постели, в нашей постели. Я откидываю одеяло, натягиваю пижаму Уилла и спускаюсь вниз по лестнице.

В гостиной я щелкаю выключателем и жду, пока глаза привыкнут к яркому свету. Когда зрение возвращается, вижу картину нашей с Уиллом жизни, застывший во времени момент перед тем, как он уехал в аэропорт. Фантастический роман в мягкой обложке с загнутыми уголками страниц, который он читал, лежит на столе, стоящем рядом с его любимым креслом, рядом с книгой высится небольшая гора целлофановых оберток от конфет, я все время ворчу, что он их не убирает. Я улыбаюсь и тут же чувствую, как подступают слезы. Но я не даю им пролиться, потому что одно слово врезается в мои воспоминания, словно мачете.

Почему?

Я отталкиваюсь от стены и направляюсь к книжным полкам.

Когда мы переезжали сюда в прошлом году, Уилл отказался от идеи домашнего офиса.

— Компьютерщику не нужен стол, — сказал

он тогда, — только ноутбук с многоядерным процессором и место, где присесть. Но если ты хочешь, валяй.

Я не хотела. Мне нравилось устраиваться рядышком с Уиллом — за кухонным столом, на диване, в тенистом уголке на задней веранде. Стол в гостиной служил для разбора писем, хранения ручек и скрепок, а еще на нем стояли наши любимые фотографии — пойманные в объектив мгновения счастья. Мне невыносимо смотреть на них, и я поворачиваюсь к столу спиной.

Но нужно заняться бумагами на дом, их Уилл хранил в гостиной. Я опускаюсь на пол, рывком открываю дверцы стенного шкафа и восхищенно замираю при виде зрелища, достойного быть помещенным в каталог «Контейнер Стор». Разноцветные ряды одинаковых папок, содержимое каждой из которых напечатано на специальных этикетках. Все разложено по порядку и собрано по годам. Я вытаскиваю папки, раскладывая их по степени важности на полу. Где обнаружится очередная ложь?

Слева в шкафу высятся три лотка для бумаг, и я быстро просматриваю их. Брошюры, пожелтевший номер «Атланта бизнес кроникл», где на первой странице напечатана статья, посвя-

щенная «Эппсек», билеты на концерт «Роллинг стоунз», который состоится в конце лета. Сверху лежит аккуратная стопка неоплаченных счетов, скрепленных вместе и снабженных стикером, на котором рукой Уилла написано: «Срочно». Сердце начинает биться чаще, качая слишком много крови за раз, и я покрываюсь потом, несмотря на царящий в комнате холод. Уилл не умер. Он вернется. И эта записка тому доказательство. Мертвецы не ходят на концерты и не составляют список дел. Мой педантичный муж никогда не бросает дело незаконченным.

Я сижу по-турецки среди бумаг, одну за другой просматривая папки. Банковские выписки. Кредитные карты. Документы на займы, контракты и налоговые декларации. Я ищу… Сама не знаю что. Что-то, что расскажет мне о муже, которого, мне казалось, я хорошо знаю, какую-то подсказку, которая поможет мне понять, почему он внезапно превратился в лжеца.

Спустя полтора часа я наконец кое-что нашла. Его новое завещание, которое я прежде не видела, составленное всего месяц назад, это открытие подействовало на меня как удар ниже пояса. Он изменил завещание, не сказав мне? Не то чтобы мы были богаты. Купленный в ипотеку дом, пара

кредитов за машины, — вот, пожалуй, и все. Все родственники Уилла умерли, а детей у нас нет. Пока. А там кто знает. За исключением этого гипотетического ребенка, наша ситуация совершенно ясна. Я пролистываю страницы, пытаясь понять причину такого поступка.

И нахожу ее на седьмой странице: в начале года Уилл купил два новых страховых полиса. Вместе с тем, что у него уже был, сумма страховки составила — мне приходится взглянуть дважды, чтобы убедиться, что мне не показалось, — два с половиной миллиона долларов. Бумаги падают мне на колени, голова кружится от нолей. Сумма умопомрачительная и совершенно несоизмеримая с его зарплатой. Я знаю, что должна радоваться такой предусмотрительности, но не могу отделаться от новых вопросов, терзающих меня. Зачем ему два новых полиса? Почему так много?

— Можно спросить? — Я поднимаю глаза и вижу Дэйва, стоящего на пороге. На нем мятые после сна футболка Джеймса с эмблемой Гарварда и пижамные штаны, он отчаянно зевает. Но сейчас нет и семи, а Дэйв никогда не был ранней пташкой.

— Я ищу подсказки.

— Я уже понял. — Он поднимает к потолку свои

длинные руки и делает пару поворотов корпусом, при этом его позвоночник издает звуки, напоминающие хлопки воздушных пузырей на упаковочной пленке. — Но я хотел спросить, удалось ли тебе найти доказательства другой жизни в Сиэтле?

— Как раз наоборот. Никаких необычных платежей или незнакомых имен. Только еще больше доказательств того, что, когда дело касается организации, мой муж проявляет невероятную дотошность. — Я беру в руки завещание и нахожу седьмую страницу. — У тебя есть страховой полис?

— Ну да.

— На какую сумму?

Он запускает пальцы в свои темные волосы и взлохмачивает их так, что они остаются стоять дыбом.

— Точно не помню. Что-то около миллиона.

— А у Джеймса?

— Думаю, примерно столько же. А что?

— Два с половиной миллиона долларов. — Я потрясаю завещанием в воздухе. — Миллиона, Дэйв. Не слишком ли много?

Он пожимает плечами.

— Получателем страховой суммы, я полагаю,

являешься ты?

— Конечно, — отвечаю я, а в мозгу уже рождается другой вопрос. Кто сказал, что эти полисы единственные, что он не купил еще, чтобы обеспечить кого-то в Сиэтле?

— Тогда и да и нет. Насколько я помню, страховая сумма должна составлять десять годовых доходов, так что да, Уилл застраховал свою жизнь на очень большую сумму. Но он любил тебя. Вероятно, просто хотел быть уверенным, что ты будешь хорошо обеспечена.

От слов Дэйва мое сердце снова начинает болеть, но я не поддаюсь. Да, муж меня любил, но он также мне лгал.

— Два полиса были куплены три месяца назад.

Он вскидывает голову, брови сходятся на переносице.

— Это либо невероятное совпадение, либо невероятная мерзость. Я еще не решил.

— Я за мерзость.

Он падает в кресло и трет руками лицо.

— Хорошо, давай подумаем. Никто не застрахует твою жизнь бесплатно, а сумма так велика, что ему пришлось бы отстегивать по сотне, а то и больше баксов в месяц.

Я указываю на стопку папок, в одной из них

собраны банковские выписки за последний год.

— Ну, он точно не брал для этого деньги с нашего общего счета. Я просмотрела все выписки до единой и не нашла ничего, кроме астрономических счетов из «Старбакс».

— У него мог быть другой счет?

— Думаю, да. Но если в папках ничего нет, как мне его найти?

— В его компьютере. Электронная почта, закладки, история файлов и все такое.

— Уилл никогда не выходил из дома без ноутбука, а также без телефона и айпада.

— Ты можешь войти в его почту?

Я мотаю головой:

— Нет. Это мы используем в качестве пароля кличку собаки, которая была у нас в детстве. А Уилл — сгенерерированный компьютером логин, который невозможно взломать, причем везде разный.

— Даже на «Фейсбуке»?

— Особенно на «Фейсбуке». Ты знаешь, как часто взламывают учетные записи в социальных сетях? Каждую чертову секунду. А дальше все полторы тысячи твоих подписчиков в «Твиттере» получают от тебя сообщения с рекламой фальшивых «Рэй-Бэн».

Уилл мог бы гордиться. Я слово в слово повторила лекцию, которую он прочел мне, когда я сообщила, что мой пароль везде: *роки321.*

Я вздыхаю, оглядывая гору бумаг и папок, в них нет ответов, это ясно. Ползая на коленях, я начинаю запихивать все обратно в шкаф.

— Знаешь, где бы я еще посмотрел, если бы хотел узнать секреты своего мужа? И это, скажу тебе, подтверждает все стереотипы, которые ты когда-либо слышала о мужчинах-геях.

Дотянувшись до очередной папки, я через плечо оборачиваюсь на брата, и мы в один голос произносим:

— В гардеробной?

* * *

В гардеробной Уилла царит безупречный порядок. Все вещи распределены по цветам и по типу. Рубашки для офиса, отутюженные, накрахмаленные и застегнутые на все пуговицы. Ряды брюк со стрелками, такими острыми, что ими можно резать хлеб. Джинсы, футболки и аккуратно развешанные рубашки поло. Я выдвигаю верхний ящик, и моему взору открываются ровные ряды трусов, туго свернутых в рулончики, как ириски «Тутси Роллс».

Это царство Уилла, и он тут повсюду. Я на мгновение замираю, смакуя это ощущение, как вино, и чувствуя, как внутри расползается пульсирующая боль. Идеальный порядок, мягкие ткани и яркие натуральные цвета, аромат пряного мыла и мяты — во всем этом ощущается присутствие Уилла. Как если бы я повернулась, а он здесь, улыбается той самой улыбкой, которая делает его моложе и старше одновременно. Впервые он подарил ее мне на парковке у «Крогера», и она мне так понравилась, что я согласилась на чашку кофе, даже несмотря на то, что он на своем автомобиле протаранил мой бампер.

— Ты мог бы просто попросить у меня номер, — поддразнила я его спустя несколько дней, когда он провожал меня до дома после нашего первого официального свидания. — И машины остались бы целы.

— А как еще я мог привлечь твое внимание? Ты же уезжала.

Я рассмеялась.

— Бедные, ни в чем не повинные машинки.

— Жертва того стоила. — Он поцеловал меня, и я поняла, что он был прав.

— Ты в порядке? — мягко интересуется Дэйв.

Я киваю, боясь, что голос меня выдаст.

— Ты уверена, что хочешь этого? — Он смотрит на меня с беспокойством. — Ты же знаешь, что не обязана помогать.

— Я знаю, но мне этого хочется. — Он продолжает смотреть на меня с сомнением, и я добавляю: — Мне это необходимо.

— Что ж, хорошо. — Он указывает в начало шкафа, туда, где высятся идеальные стопки свитеров. — Я начну с того конца, а ты давай с другого. Встретимся посередине.

За работой мы почти не разговариваем. Мы проверяем каждый карман в брюках, рубашках и джинсах. Дэйв перетряхивает каждый свитер, а я обшариваю каждый ящик. Мы заглядываем в каждый ботинок, залезаем в каждый носок. Мы ищем целый час, но не находим ничего, кроме пыли.

— Я, конечно, знал, что твой муж педант, но это просто ненормально. Мы должны были найти хотя бы мусор. Старые билеты, записки, визитки, рецепты, какую-нибудь мелочь. Есть какое-то место, куда он выкладывал все из карманов?

— Для мелочи у нас есть банка в прачечной, а остальное… — Я так старательно пожимаю плечами, что почти достаю до ушей.

Мы с братом сидим на полу в гардеробной среди

сваленной в кучу одежды и обуви. Гардеробная выглядит так, будто по ней прошелся торнадо, сметая вещи с вешалок и полок и швыряя их на пол. Я поднимаю свитер из мягчайшего кашемира, который купила Уиллу на прошлый день рождения, и подношу его к лицу, вдыхая знакомый запах. В этот момент я так явно ощущаю присутствие Уилла рядом с тобой, что у меня перехватывает дыхание, а волосы на затылке встают дыбом. «Эй, сладкая, — его голос у меня в голове звучит так четко, будто он стоит прямо рядом со мной, — чем занимаешься?»

Я прогоняю видение и роняю свитер на колени.

— И что теперь?

Дэйв задумывается.

— Машина?

— Она в аэропорту.

Он кивает.

— Мы с отцом выясним, как ее вернуть. А пока, может быть, посмотреть в соцсетях? Когда ты в последний раз заходила на его страницу в «Фейсбуке»?

Вопрос Дэйва удивил меня. У нас с Уиллом общий дом, жизнь, прошлое. Наши взаимоотношения всегда строились на доверии и честности.

Он не ограничивал мою свободу, а я никогда не пыталась контролировать его.

— Никогда, и нечего на меня так смотреть. Мы никогда не шпионим друг за другом. Ни у одного из нас никогда не было повода для ревности или подозрений.

Дэйв вздыхает, но не произносит вслух то, о чем думает каждый из нас.

До сих пор.

За углом раздается голос Джеймса:

— Ты где, Дэйв?

— В гардеробной, — откликается брат.

Сначала в дверной проем залетает смех Джеймса, а потом уже появляется он сам, облаченный в обтягивающий спортивный костюм с белым подарочным пакетом в руках. Его белокурые волосы, мокрые от пота и дождя, прилипли ко лбу, он задыхается.

— Мне в голову приходит столько разных шуток.

Дэйв смотрит на него во все глаза.

— Ты что, бегал по торговому центру?

Джеймс смотрит на пакет, как будто только сейчас вспомнил, что держит его в руках.

— Ах да. Айрис, это, наверно, тебе. Он висел на ручке входной двери. Записки нет.

Я беру пакет и вынимаю новенький iPhone 6, самую большую модель с таким количеством гигабайт, какого у меня никогда не было, в герметично запечатанной упаковке.

— С чего бы кому-то дарить тебе iPhone? — спрашивает Джеймс.

— Потому что ей меня жаль, и она знает, что свой телефон я разбила. — Я кладу коробку обратно в пакет и протягиваю брату.

— Ты хочешь, чтобы я его настроил? — интересуется Дэйв.

— Нет, я хочу, чтобы ты отнес его обратно в магазин, вернул деньги, а потом купил мне другой телефон, за который я заплачу сама.

— А не проще будет послать этому человеку чек?

Как обычно, брат прав. Мне нужен новый телефон, но я, черт возьми, не желаю, чтобы кто-то покупал его для меня.

— Хорошо, но тебе понадобится мой ноутбук. Он где-то на кухне. И заодно посмотри, сколько стоит телефон, ладно? — Мне нужно зайти на сайт школы и найти адрес Клэр, чтобы я могла послать ей чек по электронной почте.

— Конечно.

Ну, с этим разобрались. Джеймс, прислонив-

шись к косяку, с интересом обозревает разгром, который мы устроили в гардеробной. В шкафах вкривь и вкось висят вешалки, на полу горы свитеров и рубашек, из ящиков свешиваются разные предметы туалета, как на распродаже в «Таргет». А хочу ли я вообще знать?

— Мы ищем хоть какую-то зацепку, — поясняет Дэйв.

— И как?

— Ничего. Даже чека с заправки.

Тон, которым Дэйв это произносит, столь же многозначителен, как и выражение его лица. У меня внутри все холодеет от страха, пока я наблюдаю за молчаливым разговором двух мужчин. «Кто не оставляет после себя следов, даже обертки от жвачки или забытой монетки? Тот, кто не хочет, чтобы его жена узнала, что он задумал». Я так отчетливо читаю их мысли, что мне даже кажется, что они произносят это вслух.

— Он меня не обманывал, — говорю я, стараясь, чтобы в голосе прозвучала переполняющая меня уверенность. Есть вещи, которые знаешь сердцем и за которые можешь поручиться головой. Это одна из таких вещей. — Нет.

Дэйв обводит рукой горы одежды и обуви на полу.

— Солнышко, никто не станет проявлять такую осторожность без причины. Тут явно что-то не так.

— Конечно, не так. Уилл сел не в тот самолет и улетел не в том направлении. Но не из-за женщины. Тут что-то другое.

Джеймс открывает было рот, чтобы высказать свое мнение, но Дэйв бросает на него предостерегающий взгляд, словно говоря: «Заткнись». Ясно, что, как только они окажутся за закрытой дверью комнаты для гостей, тут же начнут высказывать каждый свою точку зрения и строить догадки и предположения, и, похоже, мне стоит к этому привыкнуть. Мои родные не первые, кто подумает про Уилла худшее, что в Сиэтле у него была другая женщина — подружка, жена, мать его детей.

Я задыхаюсь от бешенства. Как Уилл мог так поступить со мной? Как он мог бросить меня здесь одну, беспомощную и растерянную, совершенно неготовую вести этот бой? Я хочу защитить его, защитить нас, но я не знаю как. Он не оставил мне ничего, кроме вопросов. Как я, спрашивается, должна доказать всем вокруг, что они ошибаются.

Дэйв кладет руку мне на колено.

— Мы продолжим поиски, хорошо? Мы сядем в самолет и полетим в Сиэтл, если придется. Мы что-нибудь найдем.

Я киваю, сердце сжимается от любви к моему брату-близнецу. Он предлагает мне это не потому, что верит моему мужу, а потому, что верит в меня. Он хочет найти другое объяснение только потому, что я так уверена в его существовании.

— Ты мой второй самый любимый человек на планете, — говорю я, прежде чем расплакаться, потому что это уже не так. Теперь, когда Уилла здесь нет, первое место достается Дэйву.

10

В воскресенье выдается один из тех ясных и погожих дней, которыми славится Атланта. Небеса синеют. Солнце припекает. Свежий ветерок пахнет травой и жимолостью. В такой день мы с Уиллом любили прогуляться по парку Пьедмонт или отправиться в путешествие по тропе

Белт-Лайн. Такой день слишком ясный и солнечный для похорон.

Церемонию прощания в «Либерти эйрлайнс» было решено проводить в Ботаническом саду Атланты, и, пока я тащусь по нему в черном наряде и в темных очках, мне приходится, хотя и с неохотой, признать, что это блестящий выбор. Сад с его подвесными мостами, зеркальными прудами и яркими стеклянными скульптурами Чихули выглядит очень живописно. И что особенно важно, журналистов на территорию не пускают, а густая листва служит надежной защитой даже от самых мощных объективов фотокамер. Я представляю себе, как Энн Маргарет с энтузиазмом кивает, когда на собрании предлагается провести службу именно здесь. Кто может оставаться печальным

в окружении цветущих тюльпанов?

Мама берет меня под руку, прижимаясь виском к моему плечу.

— Как ты? Держишься?

— Я в порядке.

К счастью, это правда. Как только мы въехали на парковку, все внутри меня онемело, как будто меня накачали новокаином. По-видимому, мое тело перешло в режим выживания, и я благодарна ему за эту передышку. Это лучше, чем рыдать и биться в истерике, как я делала это весь день вчера после того, как отец вручил прибывшему из авиакомпании человеку с серьезным лицом то, что ему удалось собрать в ванной на половине Уилла, — его зубную щетку, забытый обрезок ногтя, несколько волос. Ощущение завершенности — предполагается, что именно его генетическая экспертиза должна дать родственникам жертв. Но я не хочу мириться с утратой. К черту завершенность. Я хочу услышать, что им не удалось найти ни одной, даже самой крохотной частички моего мужа на том кукурузном поле.

Одетые в униформу сотрудники парка провожают нас по кирпичным дорожкам к розарию, большой поросшей травой лужайке, задним фоном для которой служит панорама центральной

части города. Здесь рядами расставлены мягкие складные стулья, мы пробираемся в середину, и по пути я замечаю знакомые лица. Индианка в сари, на этот раз в белом. Чернокожий подросток уже без запонок, на его лице видны дорожки от слез. Их влажные лица блестят на солнце, как бекон, и я радуюсь, что на мне темные очки. Особенно когда я замечаю стоящую в стороне Энн Маргарет. Тоска, явно читающаяся на ее лице, заставляет меня вспомнить Лейк-Форест и прыщавых девчонок, отчаянно жаждущих быть принятыми в популярную тусовку. Мы «ее» семья, и мы отталкиваем ее. Я посылаю ей самый холодный взгляд, на который только способна, и отворачиваюсь.

Церемония представляет собой растянувшуюся на полтора часа мучительную пытку, сопровождаемую дурацкими песнями и бесконечной чередой речей, произносимых людьми, которых я никогда прежде не встречала и вряд ли увижу вновь. Свои соболезнования они облекают в форму нелепых банальностей, вроде: «Пусть ваша любовь будет сильнее вашего отчаяния и скорби» или «Давайте же постараемся заполнить эту пустоту любовью и надеждой». Надеждой на что, черт возьми? «Либерти эйрлайнс» отняла у

меня надежду.

«Либерти эйрлайнс». Когда я произношу эти два слова, меня трясет от злости. Я ненавижу их за небрежность механиков, за фальшивую заботу, за некомпетентность специалистов, отвечающих за разработку алгоритма действий в чрезвычайных ситуациях, и за непрофессионализм экипажа. Если бы пилот разбившегося самолета не погиб в катастрофе, я убила бы его собственными руками.

А где семья летчика? Она здесь? Я изучаю лица людей, рыдающих вокруг меня, пытаясь отыскать его жену или мужа и их детей. Осмелятся ли они прийти? Осмелятся ли посмотреть в лицо тем ста семидесяти восьми другим семьям, зная, что их любимый человек совершил ошибку, которая привела к падению самолета?

После службы мы подходим к столам с напитками, расставленными возле увитой розами арки, больше уместной на свадьбе, чем на похоронах. Цветы не распустятся еще несколько недель, их тугие бутоны только начинают набухать, но с оптимизмом стремящиеся вверх стебли с бледно-зелеными побегами будто бы насмехаются надо мной. «Живые, живые, живые» — так и кричат они, а мой Уилл нет.

— Принести тебе что-нибудь попить? — спрашивает отец, указывая на стоящего в столпе официанта с подносом.

— Колу, — отвечаю я, хотя совсем не испытываю жажды. Если в руках у меня будет стакан, я, по крайней мере, не смогу никого ударить, думаю я. Но как только отец собирается исчезнуть в толпе, мне в голову приходит другая мысль.

— Мы же можем просто уехать? Я хочу домой.

Мама и отец переглядываются.

— Может, ты хочешь поговорить с кем-то из родственников других пассажиров?

— Нет. Я правда не хочу. — Как психолог, я верю в групповую терапию, верю в то, что, общаясь с другими людьми, пережившими похожую трагедию, можно найти утешение. Но общение с этими людьми будет означать, что я смирилась с тем, что Уилл был в том самолете, и, пока результаты экспертизы ДНК не докажут мне обратное, я буду продолжать отрицать этот факт.

Передо мной возникает мой босс, Тед Роулингс. Хотя и не ожидала увидеть его здесь, я совсем не удивлена. Он считает всех в Лейк-Форест, и сотрудников, и учеников, одной большой семьей. Конечно, он не мог пропустить похороны.

Он берет мою руку и сжимает в своих ладонях.

— От имени всех в Лейк-Форест выражаю вам самые глубокие и искренние соболезнования. Я очень сожалею о вашей утрате. Если мы можем что-то для вас сделать, пожалуйста, дайте мне знать.

У меня на глаза наворачиваются слезы, но не от слов, которые он произносит, а при виде его галстука — черного, сдержанного и серьезного, совсем не похожего на те яркие галстуки, которые он носит в школе. Галстук для похорон, если такие бывают. Он наверняка купил его специально для этого случая, и эта мысль заставляет меня почувствовать невероятную, необъяснимую печаль. Мне не нужно их сочувствие. Мне не нужны добрые слова. Мне нужно только, чтобы вернулся мой муж.

— О, Айрис, — произносит знакомый голос, и я оказываюсь в объятиях трех моих лучших подруг. Глаза у них красные и опухшие. Элизабет, Лиза и Кристи окружают меня, их объятия пахнут цветами, медом и слезами.

— Его не должно было быть в том самолете, — говорю я, пока мы стоим, прижимаясь друг к другу лбами. — Он должен был быть в Орландо.

Не в силах что-либо сказать или как-то обнадежить меня, они просто молча сильнее сжимают

меня в своих объятиях. Они настолько хорошо меня знают, что им не нужно заполнять тишину банальностями. При этой мысли мое сердце наполняется любовью и одновременно снова сжимается от горя.

— Спасибо, что пришли, — шепчу я как раз перед тем, как мама решает вмешаться. Она проделывала то же самое на праздновании сороковой годовщины их с отцом совместной жизни в прошлом году, подходя к гостям, если ей казалось, что чье-то общение слишком затянулось. Она берет людей за руки и увлекает за собой, и ее улыбка такая искренняя, а движения такие плавные, и вся она — воплощенная мудрость

Следующим к нам подходит светловолосый мужчина в полосатом костюме.

— Я не мог видеть вас в Центре помощи семьям?

— Да, я была там, — отвечаю я и умолкаю. Я бы точно запомнила этого парня из-за его роста. Он очень высокий, таких обычно видишь на баскетбольной площадке.

Но я была расстроена, а он, возможно, сидел. В любом случае я уверена, что он потерял кого-то в том самолете. Выражение лица у него вежливое и приятное, но его выдают глаза. Они смотрят

затравленно, и в этом взгляде нет ничего приятного.

Он протягивает мне руку:

— Эван Шеффилд. В самолете были моя жена и маленькая дочь.

Я вздрагиваю и чувствую нечто похожее на облегчение. Этот бедняга потерял сразу двоих. Оказывается, здесь есть люди, которым еще хуже, чем мне.

— Айрис Гриффит. Мой муж Уилл… — Я сглатываю. Мне до сих пор не удается произнести эти ужасные слова.

Эван кивает, по его лицу я вижу, что он меня понимает. Конечно, понимает.

— Я хотел сказать вам, что организую общество друзей и членов семей пассажиров и экипажа. Я считаю, что, если держаться вместе, нам будет легче справиться.

— С чем именно?

— Ну, например, для начала решить, что мы должны делать и кого нам следует слушать. Не знаю, как вы, но лично я не собираюсь слепо следовать плану, который наметил мой специалист по содействию. Не уверен, что сотрудники «Либерти эйрлайнс» так уж будут стремиться защищать наши интересы.

— Согласна.

— Хорошо. — Он достает из кармана пиджака визитную карточку и протягивает ее мне. На ней красивыми синими буквами напечатана его фамилия. — Сбросьте мне по имейлу вашу контактную информацию, и я внесу вас в список. Первая встреча состоится в начале следующей недели в офисе моей фирмы «Роджерс, Шеффилд и Ши» в центре города. Адрес и информацию о парковке я пришлю в ответном письме.

Я знаю «Роджерс, Шеффилд и Ши». Все на Юге знают эту адвокатскую фирму, после того как они добились отмены приговора, вынесенного в 2001 году, в отношении Троя Коулса, жителя Саванны, осужденного на смерть за убийство, которого он не совершал. Я снова смотрю на имя на карточке, теперь я припоминаю, что так звали адвоката, который вел это дело.

— Вы тот самый Эван Шеффилд?

— Да, и я не единственный адвокат в группе, если вы об этом. У нас также есть пара медсестер, специалист по лечению сном и несколько врачей. Если обладаете каким-то талантом или специальными знаниями, вы могли бы стать волонтером, напишите мне в имейле. Это, разумеется, не обязательно. Вы просто можете прийти

и послушать.

— Моя дочь психолог, — не может удержаться мама. — Училась в колледже Агнес Скотт и университете Эмори.

— Не уверена, что могу быть чем-то полезна, — быстро говорю я. — Я сама еле держусь.

Эван делает попытку улыбнуться, но это скорее похоже на гримасу.

— Добро пожаловать в наш клуб. Все говорят мне, что мы это переживем, но, если вы спросите меня, я отвечу, что жюри еще совещается. — Он вздыхает, пытаясь взять себя в руки. — В любом случае рад был познакомиться и жду от вас имейл.

Он отходит, и я вижу, как он заговаривает с кем-то еще. Плечи его поникли от усталости, которую чувствую и я. Горе отнимает много сил, а этот человек потерял двух человек против моего одного. Где он берет энергию? Я перевожу взгляд на густую, мягкую траву, и мне приходит в голову мысль: а что, если я прилягу на нее, всего на минутку?

Дэйв встает рядом со мной и обнимает меня за талию, я обессиленно склоняюсь ему на грудь. Когда я говорила Эвану, что едва держусь, я действительно имела это в виду — нервы мои так

напряжены, что я вот-вот упаду. То же самое я думала, когда сказала маме, что хочу домой. Внезапно желание уйти становится нестерпимым. Я больше не могу выносить это сборище скорбящих.

— Уходим.

Дэйв показывает другой конец лужайки, где официанты водружают на стол гигантские подносы с едой:

— Но…

— Я не шучу, Дэйв. Я хочу, чтобы ты увез меня отсюда. Сейчас.

Дэйв оглядывается через плечо, вытягивая шею.

— Хорошо, но мама только что ушла искать дамскую комнату, и я не знаю, где Джеймс. — Он оборачивается ко мне и крепко сжимает мою руку. — Держись. Я пошел собирать войска.

— Отлично. Спасибо.

Как только он уходит, кто-то тянет меня за рукав. Не успев взять себя в руки, я оборачиваюсь с перекошенным от злости лицом.

— Ну что еще?

Если этого человека и обидела моя невоспитанность, по нему не скажешь. Он улыбается, белозубая улыбка кажется еще ослепительнее

на фоне кожи цвета кофе, в руках у него стакан с чистой минеральной водой.

— «Сан пеллегрино». Вы выглядите так, будто вам не помешает выпить что-нибудь холодное.

— О. — Мне становится неудобно, и я растягиваю рот в некоем подобии извиняющейся улыбки. — Простите, обычно я так себя не веду, но…

Я беру из рук незнакомца стакан с водой и слегка наклоняю в его сторону.

— Спасибо вам. Правда.

— Корбан Хейз, — говорит он. — Я приятель Уилла по тренажерному залу.

Я потягиваю воду, одновременно разглядывая его поверх стакана. То, что этот парень проводит время в тренажерном зале, видно невооруженным глазом. Высокий, подтянутый, черные веревки вен оплетают рельефные мышцы на шоколадных руках. Он из тех парней, которые, подтягиваясь на одной руке, выкрикивают лозунг «питайся чисто, тренируйся по-черному» всем, кто проходит мимо. Уилл занимался спортом, но не был качком. Силовые тренажеры и беговые дорожки являлись неизбежным злом, необходимым только для того, чтобы он мог есть столько буррито, сколько хотел. Насколько близкими

друзьями они были?

— Уилл как-то прошелся по мне из-за того, что я не положил снаряды на место, а я в ответ обозвал его занудой. С тех пор мы приятели.

Я невольно улыбаюсь:

— Да, в этом весь Уилл. Он любит порядок.

— Я что хочу сказать. — Выражение лица Корбана становится серьезным, он качает головой. — Я буду скучать по этому парню, который помыкал мной, доставал меня, чтобы я менял свой пароль каждые тридцать дней. Моя компания перешла на пакет безопасности от «Эппсек» в прошлом году, и это была самая чистая, самая быстрая миграция программного обеспечения на нашей памяти. Уилл позаботился об этом и не выставил мне счет за все сверхурочные, которые он потратил на то, чтобы привести все в порядок. Я знаю, что в «Эппсек» все очень сожалели, что он уходит.

Я уже киваю, уже бормочу благодарности за добрые слова, как вдруг до меня доходит смысл последней фразы.

— Что значит уходит?

— На новую работу. Как же называется эта компания? ЭПМ? ТПМ? Что-то в этом роде. Я думал, он летел на этом самолете в Сиэтл, чтобы подписать

контракт, разве нет?

Стакан выскальзывает из моих пальцев и с грохотом разбивается о кирпичи. Головы всех присутствующих поворачиваются в мою сторону, я чувствую, как что-то впивается мне в ноги.

Но вместо того чтобы отшатнуться в сторону, Корбан, наоборот, придвигается почти вплотную и стискивает мою руку выше локтя как раз в тот момент, когда я чувствую, что сейчас упаду.

— Держитесь.

Открываю рот, чтобы сказать ему, чтобы он отпустил мою руку, но оказывается, что я не могу вдохнуть.

— Вы в порядке? Вы белая как полотно.

Мои легкие превращаются в камень. Я не могу ни расширить, ни сжать их. Я почти задыхаюсь, перед глазами начинают мелькать черные точки.

— Не могу… дышать…

— Это из-за гипервентиляции. Сюда. — Он увлекает меня к стоящей в тени скамье и усаживает на нее. — Задержите дыхание. Я знаю, это звучит странно, но обещаю, вам поможет. Удерживайте сколько сможете, потом очень медленно выдыхайте через нос.

Он повторяет со мной весь цикл несколько раз,

сидя рядом и демонстрируя, как надо надувать щеки на вдохе и выдыхать через ноздри до тех пор, пока мои легкие не расправляются и голова не перестает кружиться.

— Лучше?

Немного. Я киваю.

Он наклоняется и разглядывает мои ноги.

— Если я скажу, что у вас идет кровь, вы опять начнете задыхаться? — Не дожидаясь ответа, он вынимает из кармана пиджака платок в «огурцах» и, присев на корточки, промокает ранки на моей коже. — Не думаю, что порезы глубокие, но, наверное, лучше попросить кого-нибудь обработать их, когда вы вернетесь домой.

Сквозь туман в голове я вижу суетящегося около меня Корбана, собравшуюся вокруг нас толпу, незнакомых людей, смотрящих на меня с любопытством и тревогой. Кто-то снимает с меня туфли и льет ледяную воду мне на лодыжку, но я этого почти не замечаю.

Все это время я ждала, что кто-нибудь скажет мне, что эти несколько последних дней были ошибкой, что Уилл цел и невредим и сейчас находится там, где и должен был быть, — в Орландо. Но конференция оказалась ложью, прикрытием для тягостной правды: он направлялся в Сиэтл,

чтобы разрушить наши жизни и начать новую где-то на другом конце страны. Я прикрываю рот ладонью, правда совсем меня добила. У Уилла была причина находиться в том самолете.

А это значит, что у меня больше нет причин надеяться.

Уилл нашел новую работу в Сиэтле?

Должно быть, я произношу это вслух, потому что Корбан поднимает голову и смотрит на меня.

— Вы не знали?

Я округляю глаза.

— Конечно нет. — Я выпаливаю это быстро и зло, будто стрелы выпускаю. — Иначе зачем бы мне разыгрывать весь этот спектакль?

Корбан поднимается с земли и присаживается на скамью рядом со мной, глядя на меня черными как ночь глазами.

— Я не думал, что он не сказал вам. Если вам станет от этого легче, я знаю, что он собирался. Просто ждал подходящего момента.

— И когда бы он настал? Когда я, придя домой, увидела бы, что на доме висит объявление «Продается», а грузчики таскают нашу мебель?

— Не сходите с ума. Вы знаете, что Уилл никогда не позволил бы посторонним прикасаться к

его вещам.

Я знаю, что Корбан шутит, но его слова ранят меня, словно вспышка молнии, мощная и обжигающая. Этот парень заявляет, что Уилл был его другом, но он мой муж. Я ощущаю себя ревнивой любовницей, и это чувство похоже на вмешательство, будто кто-то третий пытается вклиниться между мной и Уиллом, проникнуть в нашу постель. В груди становится жарко.

— Насколько хорошо вы были знакомы с Уиллом? — спрашиваю я, и в моем голосе звучит скорее обвинение, чем вопрос.

Брови Корбана ползут вверх, а затем сходятся у переносицы.

— Я ведь уже говорил, мы познакомились в спортзале.

— Я не спрашиваю, как вы познакомились, я спрашиваю, насколько хорошо вы были знакомы. Видимо, все же не настолько хорошо, учитывая, что он ни разу не упоминал вашего имени. Откуда мне вообще знать, что вы говорите правду?

Не похоже, чтобы мои слова хоть как-то задели Корбана. Он откидывается назад и кладет мускулистую руку на спинку скамейки.

— Ну, я знаю, что отец бросил их, когда ему было семь, а мать умерла, когда Уилл заканчивал

школу. Знаю, что пару месяцев, пока ему не исполнилось восемнадцать, он болтался без дела, а социальные работники все это время дышали ему в затылок. Знаю, что он окончил университет и магистратуру и его квалификация как специалиста была много выше той, что требовалась в «Эппсек». И еще я знаю, что он был очень добрым, невероятно талантливым и вообще славным парнем, который встретил любовь всей своей жизни на парковке у «Крогера».

Я молчу. Мне понадобились годы, чтобы вытянуть все это из Уилла. Он не любил рассказывать о своем нелегком прошлом и терпеть не мог нахваливать самого себя. Тот факт, что он делился с Корбаном, свидетельствует об их не только долгой, но и крепкой дружбе.

— Ну не так уж хорошо, — мычу я, он в ответ смеется, таким образом доказывая, насколько хорошо знал моего мужа.

И я снова начинаю плакать из-за того, с какой теплотой Корбан относится к Уиллу, и от мысли, что у мужа был друг, которого он любил и которому доверял настолько, чтобы делиться с ним самыми интимными подробностями своей биографии, но дружбу с которым он, по какой-то причине, решил скрыть от меня. Но с чего ему

было так поступать?

Корбан накрывает мою руку своей и быстро пожимает, убрав ее прежде, чем дружеский жест мог быть воспринят как нечто большее.

— Он собирался рассказать вам про новую работу, Айрис. Честно. Он надеялся, что вы придете в такой же восторг, как и он сам. Это был шанс на миллион. Но он ждал. Он не хотел говорить до следующих выходных, до ужина в «Оптимисте», поскольку не хотел, чтобы эта новость отвлекла вас от празднования вашей годовщины.

— Он сказал мне, что едет в Орландо. На конференцию. Он даже состряпал флаерс, в котором было сказано, что он основной докладчик.

— Орландо, да? — Корбан качает головой. — Этого я не знал, но не могу сказать, что удивлен. Новая работа означала серьезный карьерный рост и значительную прибавку в деньгах, но Уилл не был уверен, что это будет легкое решение для вас. Четыре тысячи шестьсот сорок километров между вами и вашим братом. Он все время твердил, что это может быть проблемой.

— Уилл не ошибался. — Я судорожно вздыхаю и вытираю щеки. — Я бы поехала, но сначала поспорила.

— И кто знает? Возможно, он позволил бы вам

выиграть.

Корбан улыбается, и мои губы рефлекторно растягиваются в ответ, как у собаки Павлова. Это происходит помимо моей воли.

— Готова? — раздается прямо за моей спиной голос Дэйва, и я оборачиваюсь к нему. Рядом с ним стоят родители и Джеймс. Я быстро киваю и поворачиваюсь к Корбану.

Он лезет в карман, подает мне визитную карточку, и я узнаю логотип одной из банковских сетей.

— Звоните мне в любое время, о'кей? Днем и ночью. Если возникнут вопросы или просто захочется поговорить. И кстати, Уилл был прав.

— Насчет чего?

— То, что было у вас двоих, стоило миллиона помятых бамперов.

11

Согласно Гуглу, за аббревиатурой ЭСП скрывается «Энтерпрайз секьюрити платформ», одна из двадцати пяти лучших компаний для работы в Сиэтле и главный конкурент «Эппсек». Список их клиентов весьма обширен, в нем сплошь громкие имена и известные бренды из финансовой, фармацевтической, авиационной и промышленной областей. Консультанты ЭСП говорят на двадцати четырех языках, работают в пятидесяти семи странах и проводят свободное время, покоряя горные склоны и вершины на лыжах и велосипедах и ныряя в морские глубины. Именно в таком месте Уилл хотел бы работать, если бы ему выпал такой шанс — успешная жизнь, полная приключений в стиле гранола. Не компания, а мечта, если не считать одной крохотной детали — того, что находится она на другом конце страны.

Я немного изучаю сайт, просматриваю профили сотрудников и заглядываю в раздел вакансий. Большинство позиций оказываются ниже уровнем или же требуются в один из офисов на Восточном побережье. Интересно, они что, уже

удалили вакансию, на которую претендовал Уилл? Начальник департамента по работе с персоналом — женщина по имени Шефали Маджумдар. Я щелкаю на ее профиль и переписываю контакты в блокнот. Вряд ли ее можно застать в офисе в воскресенье, а вопрос, который я хочу ей задать, не из тех, что можно оставить в голосовой почте. «Здравствуйте, вы, случайно, не наняли на работу моего мужа? Да? Простите, но, кажется, он не сможет приехать».

— Дорогая? — зовет мама, я отрываю взгляд от компьютера и вижу, что она стоит у дивана. — Ужин готов.

Я захожу в «Фейсбук», решив, что мне нужно просмотреть список друзей Уилла. Возможно, на странице одного из них я найду подсказку, что делать дальше.

— Я еще посижу. Я не голодна.

Милая мамочка. Она знает, как сильно я люблю ее картофельное пюре, и у меня не хватает духа сказать ей, что сейчас меня мутит от одного его запаха.

Мама присаживается на подлокотник.

— Хотя бы присядь с нами и попробуй, ладно? Хоть пару ложечек.

Как бы мне ни хотелось поспорить, я понимаю,

что ее беспокойство, возможно, оправданно. Кроме порции овсянки быстрого приготовления, которую я заглотила, даже не присаживаясь, в утро катастрофы, и горсти соленых крекеров, которые она чуть ли не насильно впихнула в меня вчера, я почти ничего не съела за последние пять дней. Психотерапевт внутри меня понимает, что отсутствие аппетита является следствием шока и депрессии и что причина, по которой все, что попадает мне на язык, на вкус как картон, имеет психологический характер, но все же меньше всего на свете я сейчас хочу есть. Как только мама отворачивается, крекеры снова идут в ход.

Но сейчас на ее лице выражение, которое мне слишком хорошо известно, — беспокойство в сочетании с решимостью, и сразу становится ясно, что эту битву она намерена выиграть. С громким вздохом я ставлю ноутбук на диван и тащусь за ней в кухню, все остальные уже там.

Мама загоняет нас всех за стол.

— Садитесь, садитесь. Я сейчас принесу тарелки. Мальчики, поможете мне?

Мальчики идут помогать, а отец прижимает меня к себе, быстро целуя в висок.

— Как ты? Держишься?

— Держусь, — вру я.

На самом деле я без конца прослушиваю голос Уилла на автоответчике, хотя это скорее убивает меня, нежели успокаивает. И я не могу перестать думать о том, что узнала от Корбана на поминальной службе, — не столько о том, что Уиллу предложили работу в Сиэтле, сколько об их дружбе. Почему Уиллу понадобилось скрывать ее от меня? Дэйв прав; Уилл хоть и не был таким общительным, как другие мужчины, но все же у него было достаточно знакомых, чтобы на вечеринке в честь его тридцатилетия, которую мы отмечали в стейк-баре, за столом не было ни одного свободного места. Конечно, часть гостей — это были мужья моих подруг, и все же. Он ведь говорил об этих людях как о своих друзьях, приглашал их на праздники.

Тогда к чему вся эта секретность вокруг Корбана? Может быть, Уилл думал, что он по какой-то причине мне не понравится? Или дружба с Корбаном значила для Уилла так мало, что он не счел нужным даже упоминать о ней? Нет, этого не может быть. Они должны были быть друзьями, иначе Уилл не рассказал бы Корбану такие подробности своей жизни, которые даже собственной жене смог рассказать далеко не сразу. Я пытаюсь связать воедино все, что мне из-

вестно, — работа, друзья, Сиэтл, — но я слишком истощена эмоционально. Кажется, что во всем этом нет никакого смысла.

Мой взгляд падает на место Уилла на дальнем конце стола. Кто-то — подозреваю, что мама, — поставил плетеную корзинку, доверху заполненную открытками с соболезнованиями, туда, где должна стоять его тарелка.

Они приходят вот уже несколько дней, витиевато оформленные карточки с еще более витиеватыми посланиями, и я не могу заставить себя прочесть хотя бы одну из них. Я выбираю кресло на противоположном конце стола и сажусь.

— Ты не возражаешь? — спрашивает отец, и, только когда никто не отвечает, я понимаю, что он обращается ко мне.

Я поднимаю глаза и вижу, что он смотрит на меня.

— Не возражаю против чего?

— Что мы останемся до следующих выходных? — Он кивает на Дэйва и Джеймса, расставляющих на столе дымящиеся тарелки, и на маму, суетящуюся на кухне. — Мы все договорились на работе и можем побыть с тобой первую неделю. Потом мы сможем находиться здесь по очереди

столько, сколько понадобится.

— Я не могу просить вас об этом.

— Не глупи, — говорит мама не допускающим возражений тоном, в котором слышатся одновременно интонации диктатора и заботливой матери-наседки. — Мы остаемся, и точка.

Она ставит передо мной тарелку с такой гигантской порцией еды, что ее хватило бы на троих, и ободряюще улыбается. Я стараюсь не морщиться, когда запах мяса, картошки и сливочного масла ударяет мне в нос. Но мама не отходит, и мне приходится подавить тошноту и подцепить вилкой небольшой кусочек.

— Кто был тот человек, с которым ты разговаривала на церемонии? Тот черный парень, похожий на вышибалу, — говорит Дэйв, когда я подношу вилку ко рту.

Я готова расцеловать его. Да, он спрашивает отчасти из любопытства, но в большей степени пытается отвлечь маму. Как только она обращает на него вопросительный взгляд, я стряхиваю кусок с вилки обратно в тарелку.

— Его зовут Корбан. Он друг Уилла по тренажерному залу. Кажется, довольно близкий друг.

Дэйв единственный, кто обращает внимание на мои последние слова.

— Ты не знала этого до сегодняшнего дня?

— Нет. Он также сообщил мне, что Уиллу предложили новую работу у одного из главных конкурентов «Эппсек». — Я делаю паузу, в груди появляется знакомая тяжесть. — В Сиэтле.

Головы всех сидящих за столом поворачиваются ко мне.

— Вы собирались переезжать? — спрашивает мама, опускаясь на стул напротив меня. — И когда?

— Никогда. Мы с Уиллом никогда об этом не говорили. Я узнала об этом предложении только сегодня, от Корбана.

— Уилл не сказал тебе, что нашел новую работу? — В голосе Дэйва появляется резкость, которую я не раз слышала в отношении других, но никогда она не была направлена в адрес Уилла.

Я в ответ тоже занимаю оборонительную позицию:

— Не знаю, было ли принято окончательное решение по этому предложению. На самом деле, когда думаю об этом, я уверена, что в этом все дело. Уилл знал, что ему будет трудно убедить меня переехать на другой конец страны, и не хотел начинать этот разговор прежде, чем будет

точно уверен в положительном ответе. Дело в том, что эта работа объясняет, как он оказался в том самолете, а также почему не сказал мне, куда на самом деле летит. Эта работа и есть то другое.

Дэйв и Джеймс переглядываются.

— Кто-нибудь объяснит мне, о чем вы тут все толкуете? — обращается к нам отец с другого конца стола, переводя взгляд то на меня, то на Дэйва с Джеймсом.

Я вкратце рассказываю родителям о поисках в гардеробной Уилла и о том, что там не оказалось ничего интересного, кроме пыли.

— Но если я права, если Уилл действительно не торопился рассказывать мне о своей новой работе, то это объясняет, почему мы ничего не нашли в его карманах. Он не хотел, чтобы я нашла визитные карточки или квитанции и начала задавать вопросы.

Мама качает головой.

— И все-таки это так не похоже на Уилла. Почему он вообще стал искать эту работу, не сказав тебе?

— Он не искал. Спорю, что они нашли его через LinkedIn или через кадровое агентство. Как бы там ни было, мне все расскажет начальник департамента по работе с персоналом в ЭСП. Завтра

утром я первым делом позвоню ей.

— Зачем? — спрашивает мама. Я отвечаю ей растерянным взглядом, и она быстро поправляется: — Я имею в виду, что ее ответ ничего не изменит. Есть более неотложные дела, которыми тебе следует заняться прямо сейчас.

— Твоя мама права, — говорит отец. — Нужно заняться похоронами и оформить кучу бумаг. Думаю, банки зашевелятся, если наведаться в них лично.

— Нет, Стивен, я имела в виду горе. Айрис нужно сосредоточиться на своих переживаниях. — Она поворачивается ко мне и, потянувшись через стол, берет меня за руку. — Была или нет эта новая работа, дорогая, но Уилл полетел на том самолете. Его больше нет. И как бы неприятно ни было, тебе нужно пройти через эту боль сейчас, не откладывая ее на потом. Тебе известно это лучше, чем кому бы то ни было.

От ее слов у меня начинает щипать в уголках глаз. Умом я понимаю, что мама права. Но также знаю, что ложь Уилла преследует меня. Я чувствую ее смрадное дыхание, ощущаю, как она держит меня масляными руками и подталкивает вперед, заставляя искать причины. Возможно, мама права. Возможно, мое настойчивое стрем-

ление узнать все о последних мгновениях жизни Уилла — это результат действия защитного механизма, под влиянием которого я стараюсь отодвинуть от себя боль. И все же я не могу двигаться вперед, пока не отвечу на самые тягостные вопросы.

Чего еще я не знаю о своем муже?

О чем еще он мне не сказал?

Как много лжи еще осталось?

Мама сжимает мою руку.

— Я просто беспокоюсь о тебе, милая. Вот и все.

— Спасибо. — Ее забота вызывает новую порцию слез, и на сей раз мне не удается с ними справится. — Я тоже немного беспокоюсь о себе.

Тем же вечером, после того как на кухне был наведен порядок, а мама с отцом ушли к себе наверх спать, я снова сажусь на диван, беру ноутбук и открываю страницу Уилла в «Фейсбуке».

Мой муж не был большим любителем социальных сетей.

— Зачем все это? — обычно говорил он. — Это просто место, где люди хвастаются и врут про свою жизнь. Я что, должен поверить, что самый большой придурок в школе сейчас встречается с супермоделью? Простите, но, по-моему, это чушь собачья.

Но все же, как и почти у всех людей на планете, у Уилла была страница в «Фейсбуке»; но заходил он туда крайне редко.

Дэйв плюхается на диван рядом со мной, водрузив голые ноги на кофейный столик и отодвинув большим пальцем ноги цветочную композицию. Теперь мне ясно, почему во многих некрологах есть строка *«вместо цветов…».* Они тут буквально повсюду, все горизонтальные поверхности, включая кухонные столы и каминные полки, заставлены торжественными композициями из весенних цветов, наполняющих воздух пьянящим ароматом.

— Может, часть отдадим куда-нибудь? Как думаешь?

Я оглядываюсь.

— Я не против. Тут поблизости есть церковь и несколько приютов.

— Отлично. Попрошу Джеймса помочь мне.

— Помочь с чем? — спрашивает Джеймс, входя в комнату с бутылкой и тремя бокалами. Бокалы он держит в одной руке, а другой наполняет их с хирургической точностью, не пролив мимо ни капли.

Дэйв рассказывает ему про цветы, и они договариваются увезти первую партию утром.

— Спасибо, — говорю я, принимая из рук Джеймса бокал. Другой рукой я показываю на экран ноутбука, где открыта страница Уилла в «Фейсбуке», сплошь заполненная постами с соболезнованиями. — Когда люди начали воспринимать «Фейсбук» как инструмент общения с мертвыми? Вот, например. «Уилл, дружище, жаль узнать о твоем уходе. RIP, друг». Они в самом деле думают, что он это прочитает? Он никогда не проверял свою страницу, когда был жив, и уж тем более…

Не в силах закончить, я утыкаюсь носом в бокал с вином.

Дэйв кладет ладонь на мое запястье.

— Перестань мучить себя и выключи ноутбук.

— Не могу. Я ищу подсказки.

Открываю список друзей Уилла. Всего семьдесят восемь имен, и больше шестидесяти из них — это наши общие друзья. Я прокручиваю дальше, нахожу нескольких коллег, бывшего мужа одной из моих подруг, соседа, живущего дальше по дороге, бариста из кофейни неподалеку.

Дэйв наклоняется к экрану, читая через мое плечо.

— Какие подсказки вы ищете, инспектор Гаджет?

— Подсказки вроде Корбана Хейза. — Дэйв хмурится, и я добавляю: — Ты знаешь. Банкиртире-бодибилдер, которого я встретила сегодня на церемонии. Тот, кто рассказал мне все это про Уилла.

— Из любопытства или из-за подозрений? — спрашивает Джеймс.

Я молчу, обдумывая ответ, но не долго. Да, мною движет любопытство, но после встречи с Корбаном я не могу отделаться от чувства, что есть еще многое, чего я не знаю. Если, кроме Корбана, есть и другие люди, я хочу с ними поговорить.

— И то и другое.

Но здесь я ничего не найду. Уилл ненавидел «Фейсбук», и здесь нет никого, кого бы я не знала или не могла вычислить. В отчаянии я с силой захлопываю крышку.

Джеймс откидывается на спинку дивана, поставив бокал с вином на свой плоский живот.

— Ты просмотрела карточки?

— Какие карточки?

Он указал рукой на композицию на столе, на вазы, выстроившиеся, словно солдаты по стойке смирно, в кухне на барной стойке.

— Ты, должно быть, получила цветы от всех, кого знаешь. Может быть, среди тех, кто их при-

слал, найдутся и люди, которых ты не знаешь.

Конечно, карточки. Те самые, что мама водрузила в корзинке на стол, те самые, которые я не в силах была заставить себя прочитать. Я вскакиваю с дивана и иду за корзиной.

Джеймс снова наполняет наши бокалы, мы потягиваем вино и просматриваем карточки с соболезнованиями, прерываясь, только чтобы продемонстрировать совсем уж неудачный рисунок или удручающий своей банальностью текст, а того и другого тут немало. Карточек всего около сотни, слащавые и религиозные послания от наших с Уиллом коллег, старых друзей и соседей, тетушек, кузенов и одноклассников, людей, которых я не видела и не слышала много лет.

Дэйв показывает карточку, переливающуюся зелеными блестками.

— Кто такие Терри и Мелинда Филлипс?

— А, это Мелинда Лей, — отвечаю я. — Наша кузина.

Он таращит на меня глаза, а потом начинает ухмыляться.

— Та, что явилась на твою свадьбу в выпускном платье?

Я улыбаюсь, вспомнив, какое сделалось лицо у брата при виде Мелинды, поднимающейся по сту-

пеням церкви в невообразимом синем наряде.

— Терри ее третий муж. Или четвертый? Я сбилась со счета. И это было не платье для выпускного.

— Именно для выпускного, и оно было ужасным, к тому же на два размера меньше. — Он начинает в подробностях описывать злополучное платье Джеймсу — кружева, оборки, трещащие швы, а я возвращаюсь к оставшемуся вороху.

Просмотрев еще несколько карточек, я натыкаюсь на кое-что интересное — неизвестное мне имя, напечатанное под ничем не примечательным посланием. Я поворачиваюсь к Джеймсу:

— Ты учился в Хэнкок?

Он смотрит на меня как-то странно.

— Здесь написано: «Глубочайшие соболезнования в связи с вашей утратой, средняя школа Хэнкок, выпуск 1999 года». Это школа, в которой ты учился?

Он качает головой:

— Я никогда не слышал про это место. Может быть, это альма-матер Уилла?

— Нет, Уилл ходил в Центральную. Я знаю, потому что вытянула это из него, когда планировала ту поездку в Мемфис на нашу первую годовщину. Помнишь?

— Которая так и не состоялась. — Дэйв знает, что мы с Уиллом не поехали тогда в Мемфис, и знает почему. И теперь по выражению на лице брата я понимаю, что мы с ним думаем об одном и том же: «Кто учился в Хэнкок?»

Потом он вдруг делает большие глаза и подскакивает с дивана.

— Сейчас вернусь.

Он бросается по коридору, потом вверх по лестнице, слышно, как он топает у нас над головой. Сидящий рядом со мной на диване Джеймс ставит бокал на тумбочку, достает из кармана телефон и начинает что-то набирать большими пальцами.

Когда спустя несколько секунд Дэйв возвращается, в руках он держит футболку, и я вспоминаю, что видела такую в гардеробной Уилла. Она совсем старая и поношенная, одна из тех, что муж надевает, когда возится в саду или что-то красит, драная, потрепанная по краям и вся в пятнах. Буквы почти выцвели, но я знаю, что на ней написано, еще до того, как брат дает мне посмотреть. «Хэнкок Уайлдкэтс». Я всегда думала, что это просто винтажная майка, вроде тех, что продают в «Олд Нэви», но теперь мне все становится ясно.

Почему Уилл сказал мне, что учился в Центральной, когда на самом деле это был Хэнкок?

— Ты когда-нибудь гуглила имя своего мужа? — спрашивает Дэйв.

— Конечно нет. А ты?

— Я — да, — хором отвечают они с Джеймсом.

— Может, это как-то связано со смертью его матери, — говорю я, все еще пытаясь искать оправдания для Уилла. — Я знаю, что ему пришлось переезжать. Возможно, и школу тоже пришлось сменить.

— Эй, ребята! — Джеймс вырос в Коннектикуте и, хотя прожил в Саванне почти десять лет, так и не привык использовать «вы» в качестве обращения. — Вы же говорили, что Уилл из Мемфиса?

Я киваю, но Дэйва больше интересует карточка, зажатая у меня в руке.

— На ней есть имя того, кто прислал цветы? Или имя флориста?

Я проверяю еще раз и качаю головой.

— FTD.com. Думаю, это номер заказа. Можно попробовать поискать в онлайн-заказах.

Джеймс делает еще одну попытку, на этот раз более настойчиво:

— Ребята, я…

— Или мы можем просто позвонить им, — говорит Дэйв. — Что, если мы скажем, что ищем адрес, чтобы послать открытку с благодарностью? Не

знаю, дадут ли нам его, но попробовать стоит.

— Еще можно попытаться найти его через школу. Они могут дать нам контакты кого-то из выпуска-99.

— Айрис. — Мое имя звучит как выстрел, и если настойчивый тон Джеймса мог и не привлечь мое внимание, то экран телефона перед моим носом точно смог. — Смотри.

Я смотрю на страницу Гугла с результатами поиска по запросу «Средняя школа Хэнкок». В самом верху, на самой первой строке указан адрес. Холод, зародившийся у меня в груди, сковывает руки и ноги, как в начале простуды. 600, 23-я улица, Сиэтл, штат Вашингтон.

Я сую телефон брату и тянусь к ноутбуку.

— Если твое предложение еще в силе, я заказываю билеты на первый же рейс завтра утром.

12

К своему удивлению, я сплю все пять часов полета. С момента взлета в Атланте и до тех пор, когда командир экипажа направляет машину вниз и идет на посадку в Сиэтле. Видимо, мое тело наконец одерживает верх над мозгом и перестает сопротивляться усталости. Напоследок мы попадаем в воздушную яму, и я широко распахиваю глаза, но не от ужаса, а потому, что понимаю: вот что сначала почувствовал Уилл. Пассажиры вокруг, и Дэйв в том числе, вцепились побелевшими пальцами в подлокотники своих кресел. Я знаю, все сейчас они думают про рейс 23, подсчитывая, какова вероятность того, чтобы в течение одной недели потерпели крушение сразу два самолета, следующие в Сиэтл, и удивляюсь собственному спокойствию. Почему я не боюсь, как другие? Это горе притупило мои чувства? Самолет трясется и скрипит, потом выравнивается, и пассажиры с облегчением откидываются на спинки кресел.

Дэйв, перегнувшись через меня, дотягивается до шторки на окне, поднимает ее, и мне в глаза бьет яркий свет.

— Это не в первый раз, — говорю я, вспомнив, как на втором курсе Джоуи Макинтош показывал мне, как пить пиво из воронки, до тех пор пока я не отключилась прямо во дворе дома. Дэйв перебросил меня через плечо и втащил наверх, где уложил в постель до того, как наши родители вернулись из кино. Я целую его в плечо. — Спасибо, что ты здесь. Не представляю, как бы я справилась со всем этим сама.

— Пожалуйста. Как будто я бы тебе позволил. — Он быстро сжимает мою руку, потом, покопавшись в кармане впереди стоящего кресла, сует мне пакетик крекеров

«Чекс Микс», которые купил в аэропорту Атланты. — Вот. Мама сказала, что, если ты еще похудеешь, она меня убьет.

Я улыбаюсь, хотя мне точно известно, что он не шутит. Мама так ему и сказала, а я действительно похудела. Шесть дней без еды, и вот результат — джинсы болтаются на бедрах, живот плоский и подтянутый, а моя задница — которая никогда не была слишком жирной, но и тощей ее определенно назвать было нельзя — уменьшилась в размерах, потеряв былую пышность. Превращение во вдову стоило мне семи с лишним фунтов.

Я открываю пакет, съедаю сначала одну штуч-

ку, а потом, когда мой желудок не восстает против соленого и хрустящего крекера, другую и смотрю в окно на Сиэтл, который вижу впервые. Его не зря называют Изумрудным городом. Раскинувшиеся на многие мили вокруг холмистые луга, леса и озера цвета авокадо, словно длинные пальцы, проникающие в поросшие мхом долины, из-за дождей, давших второе название городу, кажутся еще более зелеными. Над нами низко нависают свинцовые тучи.

Через пятнадцать минут мы уже выходим из аэропорта и на шаттле доезжаем до стойки «Хертц». Поскольку точно неизвестно, что именно мы ищем и сколько нам понадобится времени, мы с Дэйвом решаем импровизировать. Никакого предварительного заказа автомобиля и номера в гостинице, никакого плана и даже обратных билетов. У Уилла от этого случился бы взрыв мозга, но туристические сайты уверяли нас, что по причине характерных для апреля частых дождей и холодного ветра туристов в городе будет немного и проблем с наличием свободных мест в гостинице не возникнет.

Мы забираемся в арендованный автомобиль, Дэйв заводит двигатель и жмет на газ до тех пор, пока из вентилятора не начинает дуть горячий

воздух. Жители Атланты не приспособлены к такому холоду, который обжигает кожу и пробирает до костей, заставляя вас чувствовать себя так, будто вы вымокли насквозь, хотя на самом деле это не так. Я дрожу на пассажирском сиденье, пока Дэйв возится с радиоприемником. Он ловит какую-то станцию в стиле кантри, а я выстраиваю маршрут на своем айфоне.

— Нам нужно добраться до I-5, а затем двигать на север. — Дэйв не трогается с места, я оборачиваюсь и вижу, что он смотрит на меня. — Что?

— Просто… — Он вздыхает, глядя мне прямо в глаза. — Ты совершенно уверена, что хочешь этого?

— Ты спрашиваешь меня об этом сейчас?

Он поднимает руки, а потом ударяет по рулю.

— Время не самое подходящее, согласен, и все же. Я спрашиваю тебя сейчас, когда у нас еще есть шанс вернуться. Поехать домой и забыть все, что связано с Сиэтлом, пока это не омрачило память о твоем муже. А так и будет, ты знаешь. Особенно если мы узнаем что-то плохое. Ты об этом подумала?

— Конечно, я думала об этом. На самом деле я даже почти уверена, что именно так и будет. Никто не станет переписывать годы своей жизни

заново, если они были чисты как стеклышко.

Он смотрит на меня, словно говоря: «Твоя взяла».

— Ладно, тогда позволь мне спросить: что, если то, что мы найдем, окажется не просто плохим? Что если оно будет ужасным? Нет, если оно будет кошмарным? И, понимая, что Уилл уже не может ни защитить себя, ни оправдаться, ты по-прежнему хочешь знать?

Я смотрю на парковку и дальше, туда, где в небо с ревом поднимается самолет, и обдумываю вопрос, заданный братом. Дэйв прав; я еще могу повернуть все вспять. Я могу выйти из машины, вернуться в аэропорт и постараться забыть о Сиэтле. Я могу помнить о моем муже только хорошее — что никому не удавалось рассмешить меня сильней, что он считал воскресные утра созданными для того, чтобы подавать кофе в постель, что ложбинка у него за ухом будто специально создана для моего носа — и пытаться игнорировать все остальное. То, о чем он лгал. То, что он о себе скрывал. Я могу поехать домой и начать оплакивать своего мужа.

Но как можно оплакивать кого-то, о ком ты больше не можешь с уверенностью сказать, что хорошо его знаешь?

Я раздумываю, что такого мы можем узнать, заслуживающего определения «кошмарный». Что у Уилла есть другая семья — очаровательная жена и парочка прелестных малышей с таким же квадратным подбородком и серо-голубыми глазами, как у него, — которую он прячет в бунгало где-то на окраине Сиэтла. Что он преступник, которого разыскивает полиция, серийный убийца, или насильник, или террорист, на совести которого множество жизней. Все эти идеи кажутся мне нелепыми. Тот, кто хочет скрыться от жены или от закона, не заводит страницу в «Фейсбуке».

Тогда к чему вся эта ложь?

У меня нет первой подсказки. Но я знаю, что должна найти ее.

Я поворачиваюсь к Дэйву:

— Да, я все еще хочу знать.

— Ты уверена?

Я киваю, преисполненная решимости:

— Абсолютно.

Не говоря больше ни слова, он включает передачу, нажимает на газ, и мы отправляемся в путь.

После того как Дэйв выезжает на шоссе, я набираю номер начальника департамента по работе с персоналом ЭСП и включаю громкую связь.

— Доброе утром, Шефали Маджумдар у теле-

фона.

Если не считать имени, Шефали производит впечатление стопроцентной американки. У нее мягкий и приятный голос, и мне не удается уловить в нем и намека на акцент, хотя, когда я объясняю цель своего звонка, ей с трудом удается скрыть возникшую неловкость.

— То есть, — говорит она после того, как я излагаю суть дела, и в ее голосе слышу смущение, — вы хотите знать, приняла ли я на работу вашего мужа?

— Совершенно верно.

— Который также был одним из пассажиров рейса 23, разбившегося на прошлой неделе?

— К сожалению, да.

— И он никогда не говорил вам, что проходит собеседования или хотя бы что ищет новую работу?

— Именно. Я знаю об этом только потому, что он рассказал одному из друзей, что ему предложили место в ЭСП. А этот друг рассказал мне.

Шефали умолкает, мы с Дэйвом обмениваемся тревожными взглядами. Я откидываюсь на спинку пассажирского кресла и даю ей время обдумать мою просьбу, сердце глухо бьется о ребра. Я готова начать умолять ее, я уже подбираю в голове

нужные слова, но тут она нарушает молчание:

— Во всех руководствах по кадрам, которые когда-либо были написаны, говорится, что я ничего не могу сказать вам в любом случае. Что соискатели на любую должность имеют неоспоримое право на неприкосновенность конфиденциальной информации независимо от того, принимаю я их на работу или нет. Если ваш муж не счел нужным рассказать вам о том, что он ищет работу, то с этической точки зрения я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть то, что эти поиски привели его к нам.

Меня пронзает разочарование. Я открываю рот, чтобы возразить, но едва успеваю произнести хотя бы звук, как Шефали перебивает меня:

— Но я могу сказать только то, что в ЭСП более восьми месяцев нет открытых вакансий на руководящую должность, а последняя была на пост вице-президента по маркетингу. А для технических позиций, которые мы заполняли в течение последнего года, инженер по программному обеспечению имеет слишком высокую квалификацию.

Дэйв смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Я же, напротив, закрываю глаза: новость, которую я сейчас услышала, раздавила меня,

подобно локомотиву.

— То есть вы его не нанимали?

Она в ответ молчит.

— Вы говорили с ним недавно о работе?

Шефали медлит, но только лишь пару секунд.

— Миссис Гриффит, я впервые услышала его имя пятнадцать минут назад.

Остаток пути мы с Дэйвом спорим о том, что сказала Шефали.

— Зачем Уиллу лгать? — уже, должно быть, в пятый раз спрашивает Дэйв. — Зачем ему говорить Корбану о работе, на которую он даже не собирался претендовать? Которая даже не существует?

Я отвечаю то же, что и в последний раз:

— Возможно, солгал не Уилл. Возможно, это был Корбан.

— В этом нет никакого смысла. Какая ему от этого выгода?

— Я не знаю. — Слова звучат резче, чем мне бы хотелось, поскольку этот разговор тянется уже пятнадцать минут. У меня нет ответов на его бесконечные вопросы. Я не знаю, не понимаю и не могу придумать, зачем кому-то из них понадобилось лгать.

От очередного раунда меня избавляет теле-

фон Дэйва, сигнал которого возвещает, что мы прибыли к месту назначения. Дэйв притормаживает посреди улицы, показывая в окно с моей стороны.

Средняя школа Хэнкок представляет собой массивное сооружение из кирпича и бетона в Центральном районе Сиэтла, подвергшемся спорному процессу джентрификации. Тут налицо явное множественное расстройство личности — многоквартирные дома в одном квартале, громоздкие отреставрированные викторианские особняки в другом, заброшенные магазины в третьем. Мы паркуемся на улице перед главным входом и поднимаемся по цементным ступеням.

Как и любая другая школа в стране, Хэнкок должна реагировать на участившиеся случаи стрельбы и поножовщины ужесточением мер безопасности, особенно в таком районе, как этот. А это означает закрытые двери, камеру, жужжащую у нас над головами, и охранника в униформе, разглядывающего нас на мониторе. Я машу рукой, и он впускает нас.

— Чем могу помочь? — интересуется он, при этом оставаясь стоять, так чтобы мы видели, что он вооружен.

Я показываю ему карточку Лейк-Форест, на

которой красуется эмблема школы и моя цветная фотография, прямо над указанием моей должности школьного психолога-консультанта. Лейк-Форест достаточно небольшая школа, и поэтому от сотрудников не требуется носить карточки при себе на территории кампуса, и я радуюсь, что всегда ношу свою в сумке.

— Меня зовут Айрис Гриффит, я преподаватель академии Лейк-Форест в Атланте, штат Джорджия. Я проверяю сведения об одном из ваших выпускников и надеялась взглянуть на вашу библиотеку. Полагаю, что в ней я смогу найти копии всех старых школьных альбомов?

Как я и предполагала, он указывает на дверь приемной, расположенной в противоположной стороне вестибюля.

— Сначала вам нужно получить гостевой пропуск. Библиотека находится дальше по коридору и налево. Мимо не пройдете.

Я благодарю его, и через несколько минут мы с Дэйвом подходим к библиотечному справочному столу. Женщину, работающую за ним, почти не видно из-за стопок книг и газет, а покосившаяся башня из коричневых коробок и экран компьютера такие старые, что им место скорее в музее.

Женщина тоже совсем не похожа на библио-

текаря. На голове у нее облако тугих, похожих на пружинки кудрей, она вся затянута в кожу и покрыта тату, и слава богу, что в этой школе нет металлоискателей, иначе она ни за что не вошла бы внутрь, учитывая количество пирсинга. Он везде — в мочках ушей, в ноздрях и бровях, а когда она улыбается нам, два крохотных серебряных шарика выглядывают из-под верхней губы.

— Вы не студенты, — говорит она, окидывая нас взглядом. — Дайте угадаю. Журналисты? Рекрутеры из колледжа? Местные активисты?

Я быстро показываю ей мою карточку из Лейк-Форест и завожу ту же песню, но она машет рукой прежде, чем я успеваю закончить первое предложение.

— Облом, а я и правда надеялась, что вы рекрутеры. Только шестьдесят два процента наших выпускников получают приглашения в колледж, и, если мы не поднимем этот показатель еще на десять процентов до конца учебного года, я проведу лето за стрижкой газонов. Ну да ладно, могу я что-то сделать для вас, ребята?

— Нам нужна копия старого школьного альбома — за 1999 год, ну, или, может, на год-два раньше.

— Кого вы ищете?

— Моего мужа. — Я подавляю жгучую боль, отчего, я знаю, выражение моего лица становится мягче. — Его звали Уилл Гриффит.

Услышав, что я говорю в прошедшем времени, она приподнимает бровь, но воздерживается от расспросов. Она выходит из-за стойки, жестом приглашая нас следовать за ней направо, туда, где за светлым и просторным читальным залом высятся темные громады стеллажей.

— Я, кстати, Индия.

— Я — Айрис, а это мой брат Дэйв. Спасибо вам за помощь, Индия.

— Без проблем. — Она идет быстро — ее мотоциклетные сапоги глухо топают по ветхому ковру, — не переставая говорить через плечо.

— Хэнкок открыл свои двери в 1920-х годах, но первый альбом появился не раньше 1937 года. Я думаю, что столько времени им понадобилось, чтобы собрать сами-знаете-что. До этого в школе всего-то было двенадцать комнат да сотни две учеников, большинство из которых были евреи, японцы да итальянцы. — Она показывает на дальнюю стену, всю увешанную фотографиями в рамках, десятки выпускных классов, целое море коричневых и покрытых загаром лиц, среди которых только иногда мелькают белые.

Я останавливаюсь и начинаю искать среди них класс выпуска 1999 года. Фотография слишком высоко, чтобы я могла разглядеть Уилла, но расовый состав учеников на ней такой же, как и на остальных, — темного больше, чем светлого.

Индия резко сворачивает вправо и останавливается перед полкой, заставленной журналами в твердых бордовых переплетах, многие из которых склеены скотчем.

— Какой год, вы сказали, вас интересует?

— Выпускной класс 1999.

— Ах да, верно. В тот год мы получили нашу первую национальную стипендию, наша футбольная команда выиграла чемпионат штата, а лопнувшая труба затопила спортивный зал как раз посреди матча по баскетболу. — В ответ на наши удивленные взгляды она только пожимает плечом: — Я неофициальный историк нашей школы. Это как-то само собой началось с работы в библиотеке. Так…

Она ведет ногтем, покрытым черным лаком, по корешкам, пока не находит нужный, вытаскивает его и подает мне:

— Вот. Там в углу есть пара столов. Можете не торопиться. Я покараулю.

Дэйв благодарит ее, и я трясущимися руками

несу альбом к столу, стоящему в конце стеллажей. Альбом оформлен в классическом стиле девяностых годов. Жирные золотые буквы и силуэт дикой кошки на коричневом атласе, и тут несколько кусочков «Чекс Микс» перемещаются из желудка вверх по пищеводу. Я сую альбом брату.

— Не могу. Давай ты.

Мы садимся, и, пока Дэйв листает страницы альбома, я изучаю граффити, нацарапанные шариковой ручкой на крышке стола. Он останавливается на развороте с фотографиями выпускников, цветные снимки мальчиков и девочек в бордовых шапочках и мантиях, яркие золотые кисточки болтаются у смеющихся лиц.

И только Уилл, единственное белое лицо на странице, не улыбается.

— Прости, Айрис. Это он. — Дэйв разворачивает альбом так, чтобы мне было видно. — Уильям Мэтью Гриффит.

Все верно, это Уилл. Волосы у него здесь более светлые и лицо худощавое, но глаза знакомы мне до боли. Видеть его там — здесь, в школьном альбоме — жестокий удар для меня.

Я прижимаю руку к животу, пытаясь унять тошноту, и стараюсь осознать, что мне теперь

известно.

— Ну что ж, теперь ясно, что история про детство в Мемфисе была враньем.

— Мы этого не знаем. Возможно, он переехал сюда только в выпускном классе, — говорит Дэйв, изображая из себя адвоката дьявола. — Подожди, дай я просмотрю более ранние годы.

Он вскакивает со стула и направляется к стеллажам.

Но фотографии Уилла обнаруживаются и в других альбомах, и на всех трех он хмурится в камеру, чего ни разу не делал при мне, даже когда наш обратный рейс из Канкуна задерживали пять раз за двенадцать часов.

Дэйв кладет руку на спинку моего стула и наклоняется, чтобы получше рассмотреть фотографии.

— Почему он выглядит таким сердитым?

— Потому что он таким и был. Отец умер, мать была больна. Она умерла, когда он перешел в одиннадцатый класс. Помимо учебы в школе и необходимости ухаживать за матерью, он работал на двух работах, крутился по дому и оплачивал счета. — Пока я произношу все это, мне голову приходит, что и эта информация полностью или частично тоже может быть ложью. — По крайней

мере, так он всегда утверждал.

Дэйв опускается на стул и снова берет в руки альбом 1999 года, в котором Уилл закончил школу. Он тычет пальцем в пустое место под фотографией Уилла.

— Почему у всех остальных есть любимая цитата и перечень факультативных занятий, а у Уилла нет? Он что, ни в чем таком не участвовал? Даже в чемпионате по реслингу? — Дэйв открывает страницу о реслинге, но и там нет ничего про Уилла.

Мне никогда не приходило в голову спрашивать его об этом, но теперь я задумываюсь, а было ли у Уилла время на команду по реслингу? Я прижимаю теперь уже обе руки к моему несчастному животу и стараюсь подавить очередной приступ тошноты. Кто же этот человек, за которого я вышла замуж?

Дэйв откидывается на спинку стула, запустив пятерню в свою темную шевелюру.

— О'кей, давай подумаем, что мы имеем, 1999 год — не такое уж далекое прошлое. Спорю, что хотя бы один из его учителей до сих пор работает здесь. Вполне возможно, что Уилла кто-то вспомнит.

— Может быть, Индия подскажет, к кому мы

могли бы обратиться. — Я беру сумку и встаю.

Дэйв собирает альбомы.

— Иди вперед, я положу это на место и догоню.

Я нахожу Индию у стойки информации, где она складывает возвращенные книги в расшатанную тележку. Услышав мои шаги, она поднимает взгляд:

— Нашли то, что искали?

— Вроде того. Я хотела спросить, в школе остался кто-то из учителей, работавших в 1999 году?

— Ну конечно, и не один. Вы хотите проверить, не вспомнит кто-то из них вашего мужа?

Я киваю.

— Что ж… — Она опирается на тележку и на секунду задумывается, потом ее лицо светлеет. — Я совершенно уверена, что наш тренер по бейсболу окончил Хэнкок в 1999 году. Не знаю, был ли он знаком с вашим мужем, но начать лучше всего с него.

Она смотрит на часы и задумчиво постукивает пальцами по щеке.

— У вас есть примерно час до начала занятий, а это значит, что вы можете найти его в спортзале.

13

Мы с Дэйвом находим человека, по описанию похожего на тренера Миллера, в темном коридоре в конце спортивного зала для старшеклассников, где он занят тем, что тащит металлическую корзину с бейсбольными мячами. Над его головой гудит и потрескивает одинокая лампа.

— Вы тренер Миллер? — спрашиваю я, подойдя к нему так близко, что становится ощутим запах его одеколона. Такое впечатление, что мужчина искупался в нем, от сильного запаха, особенно в сочетании с другими ароматами, которыми пропитан воздух, — бенгальских огней и потных носков, — у меня начинает першить в горле.

Он смотрит на меня, глаза почти не видно из-под козырька бейсболки с эмблемой средней школы Хэнкок.

— Ага.

Индия не шутила, когда говорила, что он сложен как полузащитник. Тренер Миллер был огромен — под два метра ростом, мощный костяк и накачанные мускулы, уже начавшие обрастать жирком, под мешковатой уличной одеждой,

джинсами и рубашкой поло с длинными рукавами. Он опять скрывается в комнате и спустя пару секунд появляется вновь с еще одной корзиной, на сей раз с перчатками.

— Библиотекарша сказала нам, что вы окончили эту школу в 1999 году.

— Да, верно. — Он закрывает дверь на ключ, который затем сует в задний карман джинсов. — А вы кто?

— Меня зовут Айрис, а это мой брат Дэйв. Мы надеялись, вы сможете рассказать нам, что помните об одном из бывших одноклассников, Уилле Гриффите.

— Нет. Я такого не знаю. — Он наклоняется, чтобы взять одну из корзин.

Я вынимаю из кармана телефон и включаю его, на экране возникает наша с Уиллом фотография.

— Это он. Уильям Мэтью Гриффит. Узнаете его?

С громким вздохом он устремляет взгляд на экран, затем ставит корзину и смотрит снова.

— Вот этот? Так это же Билли Гриффит.

Сердце у меня замирает.

— Так вы его помните?

— Все, кто учился тогда в Хэнкоке, помнят Билли Гриффита. — Он поднимает голову и смотрит на меня с подозрением. — Так вы говорите, кто?

— Айрис Гриффит, его жена.

От удивления тренер коротко выдыхает, так быстро и резко, что выдыхаемый воздух колышет прядь волос, лежащую на моей левой щеке.

— Не может быть.

— Простите?

— Просто… — Он неторопливо окидывает меня взглядом с ног до головы, надолго задерживаясь на моих округлостях, так что я уже с трудом могу это выносить, а потом усмехается, и это совсем сбивает меня с толку. Если его взгляд был оценивающим, то улыбку даже отдаленно нельзя назвать дружелюбной. — Раньше ему нравился совсем другой тип.

Может, и так, но зато я хорошо знаю, что за тип этот парень. Когда-то все мальчишки хотели быть похожими на него, а девчонки мечтали пойти с ним на свидание. Он самодовольно шагал по школе с мячом под мышкой и с пустым рюкзаком, а его мысли не простирались дальше следующей игры. Тот самый тип, от превращения в которого я предостерегаю своих учеников в академии Лейк-Форест.

Я стараюсь, чтобы мой голос звучал невозмутимо.

— Разве?

— Вы носите пистолет в сумочке или в заднем кармане? Вы слышите у себя в голове голоса, которые велят вам, ну, не знаю, стрелять или резать колеса?

Его вопрос заставляет меня вспыхнуть от негодования, но я сдерживаюсь.

— Конечно нет.

— Вот видите, это не его тип. — Он наклоняется, чтобы поставить корзину на пол. — А теперь, если позволите, я хотел бы подготовиться к уроку.

Не дожидаясь ответа, он разворачивается и выходит из зала.

Я бросаю на Дэйва смущенный взгляд, и он в ответ пожимает плечами. Мы выходим вслед за тренером.

— Тренер Миллер, подождите. — Он не останавливается, даже не замедляет шаг. Ноги у него длинные, и шаг вдвое длиннее моего, так что, чтобы догнать его, мне приходится перейти на бег. — Пожалуйста, уделите мне всего десять минут своего времени. Не знаю, в курсе ли вы, но мой муж был среди пассажиров самолета, который недавно разбился, и я…

— Послушайте, леди, — говорит он, разворачиваясь ко мне так быстро, что я почти налетаю на него. — Я последний человек из тех, кого вам

стоило бы расспрашивать о Билли Гриффите. Не люблю говорить плохо про мертвых, и вам я ничего говорить не собираюсь. Остальное сообразите сами.

— Я не прошу вас приукрашивать воспоминания. Я только хочу знать правду.

Он медленно и упрямо качает головой:

— Мы не были друзьями. У нас были разные компании, и мы не ладили. Не знаю, что еще вам сказать.

— Расскажите мне, каким он был. Сколько вы с ним были знакомы, кто были его друзья и где он жил. Расскажите мне все, что можете, потому что…

Все еще качая головой, тренер Миллер делает шаг назад, потом еще один, а затем его большое тело начинает готовиться к побегу, а это значит, что я рискую его упустить. Набираю в грудь побольше воздуха и заставляю себя продолжать, заставляю сказать этому незнакомому человеку, что меня действительно интересует:

— Потому что мой муж лгал мне, ясно? Он лгал о многих вещах. В тот день, когда самолет разбился, он сказал мне, что летит в Орландо, а не в Сиэтл. Я понятия не имела, что он вообще когда-либо был в этом городе. Я всегда считала,

что он из Мемфиса.

Интересно, а какой в Мемфисе акцент? Вопрос приходит мне в голову внезапно. У Уилла не было выраженного южного выговора, особенно по сравнению со мной, и он никогда не использовал все эти жаргонные словечки, которые обожают все южане. Может, в Мемфисе так не говорят? Понятия не имею.

Тренер Миллер замирает, брови исчезают под козырьком кепки.

— Билли сказал вам, что вырос в Мемфисе?

— Да.

Тренер отклоняется назад и, прищурившись, смотрит на меня с высоты своего роста.

— Вот это на него похоже. — Он огорченно вздыхает, сует Дэйву корзину с мячами, возвращается за той, что с перчатками, и делает нам знак следовать за ним. — Урок начнется через полчаса, так что вам придется прогуляться со мной.

Он ведет нас вглубь лабиринта коридоров, расположенных за спортивным залом, разговаривая с нами через плечо.

— Как уже сказал, я помню Билли Гриффита, но не потому, что он был таким уж отличным парнем. Когда такие, как он, шли по коридору, все остальные тут же бросались искать в шкафчиках

что-то очень нужное. Понимаете, о чем я? Он замечал любого, кто осмеливался посмотреть ему в глаза, а никто не хотел, чтобы Билли Гриффит его заметил. Даже учителя.

— Почему? — подает голос Дэйв. — Что происходило, если замечал?

— Ну, мог толкнуть или губу разбить, а иногда несколько дней ничего не происходило. Это было самым пугающим в Билли, его непредсказуемость. Единственное, на что можно было рассчитывать, — это что он в конце концов на тебя нападет. Он был подлый и злой, а его родители — слишком заняты, избивая друг друга, чтобы обращать на это внимание.

Его родители. Он говорил, что его отец умер, когда ему было два года. И мать, по его же словам, растила его одна.

— О каком возрасте идет речь? — спрашиваю я, когда мы заворачиваем за угол и идем вдоль офисов со стеклянными панелями вместо стен. — Как долго вы были знакомы с Уиллом… Билли?

Тренер Миллер задумывается.

— Ну, я переехал в Рейнир-Виста летом перед вторым классом, значит, что? Лет семь?

Его ответ заставляет меня умолкнуть, потому что правда наконец становится совершенно оче-

видной. Мемфис был враньем. Не лукавством. Не преувеличением. Не невинной ложью или полуправдой. А намеренным лживым утверждением с целью обмана. Уилл никогда не жил в Мемфисе. Я даже не уверена, что он вообще когда-либо там бывал. Неудивительно, что мы провели нашу первую годовщину в Нашвилле.

Ярость сворачивается кольцами у меня в животе и выжидает там пару секунд, прежде чем вырваться на поверхность при воспоминании о молчании, которым Уилл отреагировал на ту поездку-сюрприз в Мемфис. Я думаю о том, какую панику он должен был испытать, когда я случайно чуть не раскрыла его обман, как ему пришлось выкручиваться, придумывая объяснение, и в конце концов он остановился на том оправдании, что воспоминания о Мемфисе «слишком болезненны, чтобы переживать их снова». И я приняла все за чистую монету, не задав ни единого вопроса, и, не задумываясь, развернула машину в другую сторону. А теперь, идя по грязному, вонючему коридору в альма-матер Уилла, я чувствую себя полной дурой.

Мы останавливаемся у двери в офис, и тренер Миллер толкает ее здоровенной пятерней. Он пропускает нас в крохотную, чистенькую комнат-

ку, в которой почти все место занято бумагами, графиками и коробками со спортинвентарем, аккуратно составленными вдоль стен. Он забирает у Дэйва корзину, ставит ее на пол у двери и указывает нам на пару расшатанных стульев у его стола. Я падаю на свой и пытаюсь вытолкнуть из груди огненный комок.

Тренер Миллер садится, упирается пятками в ковер и подъезжает к столу на кресле, колеса которого издают звук, напоминающий срежет ногтей по грифельной доске. Заметив выражение на моем лице, он окидывает меня внимательным взглядом.

— Вы в порядке?

Как ни странно, мой голос находит выход наружу и даже звучит лишь слегка придушенно:

— Со мной все хорошо. Продолжайте, прошу вас.

— О'кей, — говорит он, но как-то неуверенно. Он снимает кепку, запускает пальцы в жесткие кудри и отбрасывает их назад. — Как я сказал, дома им никто не занимался, поэтому он делал все, что хотел, и ему это сходило с рук и в школе, и дома. Он дрался. Он воровал. Он торговал наркотой в школе и на улице. Он прогуливал уроки так часто, что я вообще не понимаю, как ему удалось

закончить школу. Видимо, учителям хотелось скорее от него избавиться.

Откровения тренера Миллера взрываются у меня в мозгу, словно маленькие петарды, одна за другой, пока не начинает кружиться голова и становится трудно дышать.

— Уилл рассказывал мне, что его отец умер, когда он был еще маленький, — говорю я. — Он его совсем его не помнил.

— Возможно, это было стремление выдать желаемое за действительное. Мистер Гриффит был мерзкий старый пьяница. А вот мать у него действительно умерла, мы тогда учились в одиннадцатом классе, насколько я помню.

Я вспомнила, как Уилл впервые рассказал мне о ее смерти, это был единственный раз, когда я видела, как он плачет. Злокачественную меланому, по его словам, диагностировали уже после того, как она дала метастазы в мозг, печень и легкие. Ужасная, мучительная смерть.

— Рак?

Как только вопрос срывается с моих губ, я уже жалею, что не могу повернуть время вспять и сделать так, чтобы мой голос звучал уверенно, а не как у наивной, доверчивой жены. Конечно же Уилл не мог притворяться так эмоционально.

Никто бы не смог.

Но тренер Миллер издает отрывистый смешок:

— Едва ли. Она погибла при пожаре.

— О боже, — говорит Дэйв. — Бедная женщина. Бедняга Уилл.

Тренер Уиллер откидывается назад в своем кресле, которое явно не рассчитано на столь внушительный вес, как у него.

— Бедняга Билли, да? Вот что я вам скажу. Всем ребятам в нашем районе приходилось дома сталкиваться с разным дерьмом — наркотики и выпивка, аресты, папаши, не желающие платить алименты, — но мы все находили способ как-то справляться с этим. А Билли даже не пытался. Он просто был злым и подлым.

Мы с Дэйвом обмениваемся хмурыми взглядами, и я знаю, что он думает о том же, о чем и я. Как торговавший на улице наркотиками хулиган мог превратиться в любящего мужа с университетским дипломом?

Я прочищаю горло, так как внезапно нахлынувшие эмоции мешают мне говорить. Сожаление об одиноком детстве Уилла и ужасной кончине его матери. Негодование по поводу родителей, которые махали кулаками вместо того, чтобы дарить любовь собственному сыну. Возмущение

по поводу того, что по воле каких-то высших сил Уилл попал в столь недостойные руки. Бешенство из-за того, что я узнаю об этом только сейчас.

— А что с его отцом? — выдавливаю наконец я.

— Говорили, что он болен и ему требуется постоянный уход, но… — Тренер Миллер поднимает руки и с глухим стуком роняет их на стол. — Обычно все окрестные новости сообщала мне моя матушка, но она умерла пару лет назад.

Мы с Дэйвом молчим. Когда мы были молоды, мама говорила нам, что в споре всегда есть три стороны. Наша сторона, противная сторона и где-то посередине — истина. Возможно, именно это имел в виду Дэйв, когда спрашивал, действительно ли я хочу знать правду про Уилла. Теперь, когда его здесь нет, и он не может защитить себя от обвинений тренера Миллера, я не могу определить, где находится середина.

Но это не значит, что я готова проглотить эту историю целиком. Тренер Миллер с его громадными кулачищами явно обижен из-за каких-то событий, которые произошли почти двадцать лет тому назад.

Он замечает наши сомнения и встает из-за стола.

— Верите вы мне или нет, это не изменит того

факта, что Билли Гриффит был злобным, подлым ублюдком, который мог подойти к вам сзади, ударить ножом и смыться прежде, чем вы успеете заметить кровь. Поспрашивайте еще. Уверен, вам будет нелегко отыскать кого-либо, кто скажет что-то другое. А теперь мне нужно идти на урок, пока эта шпана все там не разнесла. — Он стоит и смотрит, как мы выходим. Он так торопится закрыть за нами дверь, что забывает даже про корзины с инвентарем. Почти выйдя в коридор, он спрашивает, держась огромной рукой за дверной косяк:

— Вы верите в карму? Потому что это первое, о чем я подумал, когда узнал, что случилось с Билли.

Мы с Дэйвом возвращаемся по коридорам Хэнкока, по пути стараясь осмыслить то, что нам поведал тренер Миллер. Я хотела сунуть палец в мутную воду прошлого моего мужа. А вышло так, будто меня с головой окунули в ледяную прорубь, и это совершенно оглушило и ошеломило меня.

— Ты веришь ему? — спрашиваю я, когда мы сворачиваем за угол и идем вдоль целой стены из грязных и помятых шкафчиков под гигантской растяжкой «Вперед, дикие кошки! Будьте беспощадны!».

Дэйв пожимает плечом и кривит рот в усмешке, которую я очень хорошо знаю. Против своего желания он по крайней мере частично верит в то, что мы услышали.

— Мы могли бы проверить это в местном отделении полиции. Если Уилл действительно торговал наркотиками, возможно, он попадал в неприятности. В полиции, возможно, остались записи.

— Наверное, — вздыхаю я. — И я понимаю, что Уилл не хотел говорить о смерти матери. Я прекрасно понимаю это. Но эта история, которой он меня кормил, о том, что она умерла от рака? Я плакала, Дэйв. Правда. И он сыпал медицинскими терминами. Знал все симптомы и то, как прогрессирует рак. Ты просто не сможешь так. Он, должно быть, несколько недель потратил на изучение того, что пишут про меланому в Интернете. Мне кажется, люди так врут, только когда что-то вынуждает их это делать.

Дэйв толкнул дверь, ведущую на лестницу, и отступил в сторону, пропуская меня вперед.

— Думаю, да.

— И хорошо, пусть его отец был не самым приятным человеком. И ему не хотелось об этом говорить. Но почему просто не сказать, что у них

плохие отношения? Зачем врать и говорить, что он вообще его не знал?

— Ты у нас психолог. Что может заставить человека заново придумать себе восемнадцать лет жизни?

— Или больше. Я теперь совсем не уверена, знаю ли что-то о том времени, когда мы еще не были знакомы. Я не утверждаю, что верю всему, что сказал тренер Миллер, но он описал неблагополучного ребенка, и, даже если только часть рассказанной им истории правда, нельзя оправиться от подобного — если это вообще произойдет — без серьезной терапии. Вот почему мне мало показаний одного свидетеля. Мне необходимо поговорить с их старыми соседями, разыскать других учителей и одноклассников. Тренер Миллер не может быть единственным, кто помнит Уилла.

Дэйв кивает, соглашаясь, и мы оказываемся прямо перед выходом из школы. Охранник, завидев нас со своего места у дверей, задирает подбородок.

— Нашли то, что искали?

— Да, — говорит Дэйв, а я в это время тычу большим пальцем себе за спину, в глубину здания, в направлении библиотеки.

— Пойдем еще раз посмотрим альбом. А еще лучше, давай сделаем несколько копий.

— Не нужно.

— Что? Почему?

Он взглядом призывает замолчать, наклоняется поближе и цедит сквозь сомкнутые зубы:

— В машине расскажу.

Охранник бормочет с таким видом, будто ему все равно:

— Распишитесь перед уходом.

Дэйв расписывается за нас обоих, и мы выходим на лютый холод. Пока мы были внутри, небо затянули стальные облака, отчего на улице похолодало сразу градусов на десять. Я дрожу и плотнее запахиваю воротник куртки, а Дэйв, наоборот, расстегивают свою и, самодовольно улыбаясь, достает из-за спины альбом 1999 года.

Я таращу глаза.

— Ты его украл?

Он поджимает губы.

— Мне больше нравится определение «позаимствовал».

— Индия подумает иначе. И когда она заметит пропажу, ей не придется гадать, чьих это рук дело. Наши имена есть в журнале посетителей, Дэйв.

— Не беспокойся. Когда я сказал, что позаим-

ствовал его, я подразумевал, что мы вернем альбом, как только снимем с него копию. Мы положим его на место, прежде чем Индия заметит пропажу.

— Ты не можешь знать наверняка. Что, если она все же заметит? И разыщет меня в Лейк-Форест?

Он закатывает глаза.

— Сложно, наверное, все время так переживать?

Я люблю своего брата, но в этом мы с ним не похожи. Я живу в мире, где правила существуют, чтобы их соблюдать, а он считает, что они только создают неудобства. Особенно те, которые мешают лично ему. Дэйв кладет ноги на стул и часто срезает путь через автомобильную стоянку, а еще ходит в кинотеатр со своей едой, и ему все сходит с рук. Он говорит, что весь вопрос в том, как к этому относиться, и он прав. В нем есть внутренняя смелость, которая привлекает людей, и они забывают, что он только что прошелся им по ногам, чтобы оказаться первым в очереди.

Внезапно дверь школы распахивается, и на улицу высыпает толпа подростков. Они несутся по ступенькам прямо на нас со всей скоростью и энергией, скопившейся за восемь часов сидения в классе.

Дэйв хватает меня за руку и тащит на улицу.

— Давай быстрей, пока они нас не затоптали.

Выйдя на улицу, мы садимся в арендованный автомобиль, и тут у меня звонит телефон, и на экране высвечивается незнакомый номер. Я прижимаю телефон к уху:

— Алло?

В ответ я слышу высокий и резкий женский голос:

— Айрис Гриффит?

— Да.

— Меня зовут Лесли Томас. Я звоню из Центра помощи семьям…

— Что случилось с Маргарет Энн?

— Энн Маргарет, — шепчет Дэйв. Он заводит двигатель, но не трогается с места.

На другом конце провода отвечают не раздумывая:

— Энн Маргарет в настоящий момент отсутствует, но я надеялась, что смогу задать вам несколько вопросов.

Я на секунду отвлекаюсь, пытаясь вспомнить, как все-таки правильно. Энн Маргарет или Маргарет Энн? В любом случае эта женщина застала меня врасплох.

— О, я… Простите, мне не совсем удобно разго-

варивать.

— Это займет всего пару минут. Мне стало известно, что несколько семей объединились и подают на «Либерти эйрлайнс» иск о причинении смерти в результате противоправных действий. Вы тоже с ними?

Ее вопрос и тон, которым он был задан, нервозный и почти маниакальный, заставляют меня услыхать в голове сигнал тревоги. Почему сотрудник ЦПС, организации, существующей под эгидой «Либерти эйрлайнс», задает подобные вопросы? Я хмуро смотрю на Дэйва, у которого брови вопросительно ползут вверх.

— Что? — шепчет он одними губами.

— Я… Я не знаю, — говорю я в телефон.

— Вы не знаете, участвует ли ваша семья в предъявлении иска «Либерти эйрлайнс»?

— Нет, мне ничего не известно об этом иске. Как, вы сказали, вас зовут?

— Меня зовут Лесли Томас. «Майами геральд» сегодня утром написала, что пилот разбившегося самолета только что вернулся после трехдневного мальчишника в Саут-Бич, и перед вылетом ему удалось поспать всего час. Если это окажется правдой, вы вместе с другими семьями будете обвинять «Либерти эйрлайнс» в непредумыш-

ленном убийстве?

Я чувствую, как в сердце проникает холод, меня охватывает дрожь, но не потому, что я замерзла. Пилот находился в полусонном состоянии, возможно, даже был с похмелья? Кровь отливает у меня от лица, и я снова хватаюсь за живот.

Дэйв мрачнеет.

— Что происходит?

Так, стоп, зачем кому-то из Центра помощи семьям говорить мне все это? Разве они не должны защищать интересы «Либерти эйрлайнс»?

— Еще раз, кто вы?

— Меня зовут Лесли Томас.

— И вы звоните из ЦПС?

— Все правильно.

— Тогда почему вы задаете вопросы, как журналист?

Молчание. Я слышу, как она готовится к новому броску, но уже слишком поздно. Я ее раскусила.

— Потому что вы и есть журналист, — гневно шиплю я. — А это значит, что вы лжете.

Я нажимаю на «отбой» и начинаю пересказывать разговор Дэйву, но почти сразу же раздается новый звонок с того же номера.

— Ты не знаешь, как заблокировать этот номер?

Дэйв берет у меня телефон. Он что-то нажимает на экране, как вдруг тот загорается и на нем появляется сообщение. Я наклоняюсь, чтобы его прочитать, и мрачнею.

«Поезжай домой, Айрис».

— Кто это прислал? — спрашиваю я.

Дэйв пытается выяснить номер, но тот оказывается скрытым. Тогда он быстро набирает большими пальцами ответ:

«Кто это?»

Он нажимает «отправить», и мы смотрим на экран в ожидании ответа, каждый раз касаясь кончиком пальца экрана, когда тот начинает гаснуть.

— Зачем кому-то говорить тебе, чтобы ты ехала домой? — спрашивает Дэйв.

— Понятия не имею.

— Кто еще знает, что ты здесь?

— Родители и Джеймс, все. Я не разговаривала ни с кем из подруг с самой церемонии и не говорила Теду или кому-то еще в школе, что собираюсь уехать, только то, что я беру отпуск на неделю или две.

Дэйв на минуту задумывается.

— Хорошо, если это кто-то из Атланты, почему тогда он не написал «возвращайся» домой?

Я киваю, и тут приходит новое сообщение:

«Тот, кто знает, что ты ищешь, и оно не в Сиэтле».

14

На противоположном берегу озера, в Бельвью, мы с Дэйвом начинаем с визита в «Бест-Бай» — это наш шанс выяснить скрытый номер. После второго сообщения — «Тот, кто знает, что ты ищешь, и оно не в Сиэтле» — это наша главная цель. Мы оба не можем не замечать иронию, кроющуюся в этой ситуации. Если бы Уилл был здесь, он бы в два счета узнал номер.

Парню за прилавком в «Грик-Скуад» лет двадцать или около того, Уилл всегда говорил, что из-за таких, как он, у компьютерщиков дурная слава. Сальные волосы. Прыщавое лицо. Кустистые брови и выпирающая вперед верхняя челюсть. Глаза за толстыми стеклами очков кажутся до смешного большими.

— Вы хотите, чтобы я взломал чужой телефон? — говорит этот компьютерный гений, качая головой. — Я не могу этого сделать.

— Не можешь, — говорит Дэйв с очаровательной улыбкой, — или тебе это не по зубам?

— Не важно. Мне разрешено только ремонтировать и устанавливать программы.

Мой брат достает из бумажника пять двадцатидолларовых купюр и помахивает ими над прилавком.

— Ты уверен?

Парень не уверен. Он поочередно переводит взгляд то нас, то на деньги, и внутри его идет настоящая борьба. На сотню баксов можно купить кучу гигабайт. Он крутит головой вправо и влево, смотрит то на одного коллегу, обслуживающего клиента на кассе, то на другого, сгорбившегося над макбуком на дальнем конце прилавка. Когда никто из них не смотрит в его сторону, он молниеносным движением хватает купюры и мой телефон, лежащий на прилавке, и сует их себе в карман. Затем исчезает за дверью с табличкой «Только для персонала».

Пока его нет, я направляюсь к компьютеру и захожу в Интернет.

— Как тренер Миллер назвал район, где он жил? Рейнир… что-то там.

— Вью? Нет. Не то. — Дэйв раздумывает пару секунд, потом его озаряет. — Виста! Рейнир-Виста.

— Точно. — Я разглядываю карту и записываю в блокнот, который всегда ношу в сумке, названия пары пересекающихся улиц, а потом еще и адреса ближайшего офиса «Фидэкс» и управления

полиции.

— Пока ты там, поищи заодно приличный ресторан. Я не ел с момента вылета из Атланты и умираю с голоду.

Для моего брата приличный означает такой, в котором подают мудреные блюда, сопровождая их подходящими винами, а это означает, что обед затянется на целую вечность. Я качаю головой:

— Мы можем остановиться у первой же автозакусочной, но я хочу продолжать двигаться дальше.

Он морщит нос.

— Ты серьезно предлагаешь заказать еду в окошке и поедать ее из бумажного пакета?

— Да, потому что хочу до конца дня успеть увидеть район, в котором жил Уилл, и поговорить с кем-нибудь в управлении полиции. Но мы не успеем, если ты начнешь заказывать дегустационное меню от шеф-повара из семи блюд, а именно так и будет, если дать тебе волю.

— Серьезно, Айрис. Я должен поесть. При низком уровне сахара в крови у меня начинает кружиться голова.

— Может, не стоит так драматизировать? Я уже сказала тебе, мы можем…

— Хмм, сэр? — Мы оглядываемся, перед нами

стоит тот парень из магазина, в кулаке у него зажат мой айфон. — Сообщение было послано с мессенджера.

— О'кей, — произносим мы с Дэйвом в один голос одним и тем же тоном. О'кей не в смысле «мы слышали», а в смысле «продолжай».

Парень улавливает смысл неверно. Он сует нам телефон и поворачивается, чтобы уйти.

— Подожди, — говорю я. — А что насчет номера телефона?

— Мессенджер кодирует и потом уничтожает сообщение, а также скрывает, откуда оно послано. — Он поправляет очки. — Это вроде Снэпчата для текстовых сообщений. Только вам не нужно сообщать никакой личной информации, чтобы начать общение.

— И что это значит?

— Это значит, что отследить номер невозможно. Простите. — Он направляется к пожилой леди, прижимающей к груди ноутбук.

Разочарование, острое и мгновенное, словно удар под ребра.

— Что теперь? — спрашиваю я, поворачиваясь к брату.

Дэйв вздыхает, глядя вслед компьютерщику.

— Теперь ты должна мне сотню баксов.

Я задабриваю Дэйва остатками «Чекс-Микс» и заказанным на восемь тридцать столиком в «Атмосфере», одном из лучших французских ресторанов в Сиэтле с видом на Пьюджет-Саунд, по версии «Загат». Почти не жалуясь, он ведет арендованный автомобиль обратно на другой берег озера в Рейнир-Виста.

— Ты уверена, что это то, что мы ищем? — спрашивает он, притормаживая посреди улицы. — По тому, как тренер Миллер описывал этот район, я ожидал увидеть трущобы.

Я сверяю надпись на уличном указателе с адресом в моем блокноте.

— Все верно, но ты прав. Здесь красивее, чем я себе представляла.

Рейнир-Виста — это, конечно, не Беверли-Хиллз, но и не трущобы. Справа от нас тянутся маленькие, но яркие домики с широкими верандами; а слева таунхаусы и парк, занимающий целый квартал, пустынный, но зато с прекрасной баскетбольной площадкой и длинным рядом деревьев. Заходящее солнце подсвечивает их снизу, голые ветви упираются в свинцовое небо. Я поворачиваюсь на сиденье, стараясь разглядеть обещанные виды, но, если Маунт-Рейнир и видна отсюда, она скрывается за толстым слоем

окрашенных в красный цвет облаков.

Дэйв прижимается к обочине и нажатием кнопки опускает стекло с моей стороны.

— Привет, — обращается он, перегнувшись через меня, к юной парочке на тротуаре. Совсем еще дети, только окончившие школу, лица скрыты капюшоном. Рукой парень обнимает девушку, жестом, который мне кажется скорее собственническим, нежели оберегающим. — Ребята, вы здесь живете?

Они не останавливаются, даже не поворачивают голову в нашу сторону. Девушка стреляет в меня глазами, но парень тащит ее вперед.

Дэйв медленно движется вперед, улыбаясь самой ослепительной из своих улыбок.

— Мы тут новенькие и надеялись, что вы немного поможете нам сориентироваться… — Парочка резко сворачивает направо, удаляясь от нас по тропинке, идущей вдоль пустующего парка. — Или нет.

— Гостеприимное местечко.

Дэйв издает ироничный смешок, потом оглядывается по сторонам. Он указывает на что-то за моей спиной, глядя в заднее стекло с пассажирской стороны, на громадное здание, по всей видимости многоквартирный дом.

— Видишь этот непритязательный дизайн и дешевые материалы? На сколько спорим, что это жилье построено в рамках министерского проекта жилищного строительства и городского развития, а этот район подвергся перепланировке.

— И что?

— А то, что, если я прав, министерство должно было предложить жителям либо переехать в новый район, либо гарантировать им социальное жилье здесь. У нас есть весьма реальный шанс отыскать кого-то, кто жил здесь до начала программы редевелопмента.

— О'кей, умник. С чего начнем?

— Наилучшим выбором был бы один из этих многоквартирных домов, но, судя по тому приему, который нам оказали эти ребята, я полагаю, что местные жители вряд будут благосклонны к чужакам, которые вот так пришли и начали задавать вопросы. Лучше начнем с какого-нибудь общественного центра. Если мы подружимся с кем-то из сотрудников, они, возможно, расскажут нам, кто жил здесь до того, как в городе началась программа реконструкции. Мы сможем выяснить все интересующие нас вопросы через них.

Дэйв едет дальше, медленно петляя по району.

Вид за окном практически не меняется, дома всех размеров теснятся в окружении парков и детских площадок, кое-где над крышами торчат высотки.

— Близость к общественному транспорту, множество пандусов и открытых пространств, и ты заметила все эти урбанистические арт-объекты? Здесь действительно живут люди с очень разным достатком.

— Так где общественный центр?

— Если не ошибаюсь, то в самом центре квартала.

Мы проезжаем еще немного. Дэйв отмечает наш маршрут на карте в телефоне, колеся туда-сюда по улицам, пока вдруг резко не сворачивает налево, где в конце улицы с односторонним движением располагается современное здание из стекла и штукатурки. Вывеска из плексигласа над двойными дверями гласит, что это Общественный центр микрорайона. «Бинго!»

Дэйв находит место у тротуара, и мы выходим из машины на улицу, где нас чуть не сбивает с ног сильный ветер. Застекленная доска объявлений слева от входа приглашает желающих принять участие в семинаре по финансовому планированию для взрослых, в лабораторных работах и в кампании грамотности, осуществляемой фондом

«Дорога вместе».

— Та-дам, — комментирует Дэйв, когда мы проходим мимо. — Социальные службы. Я же говорил, что это ЖСиГР.

Я закатываю глаза.

— Какой наглый риелтор.

Он усмехается и открывает дверь, пропуская меня вперед.

Помещение Общественного центра оказывается светлым и просторным, освещаемым дневным светом, льющимся через окна высотой в два этажа и от жидкокристаллических экранов. За стойкой в центре зала сидят две женщины, которые болтают с пожилым чернокожим мужчиной. Они молоды, лет двадцать пять или около того, на лицах — энергичные улыбки и желание бескорыстно помогать людям.

— Добро пожаловать в Общественный центр, — говорит одна из них, у нее гнусавый выговор, как у выходцев со Среднего Запада. — Вы знаете, куда идти, или вам помочь сориентироваться?

Я подхожу к стойке и дружелюбно улыбаюсь:

— Привет и спасибо. Я разыскиваю сведения о человеке, когда-то жившем в этом районе, и надеялась, что вы могли бы свести нас с кем-то, кто был знаком со многими людьми здесь до того,

как район был перестроен.

— Я живу здесь всю жизнь, — говорит мужчина, повернувшись к нам и улыбаясь вставной челюстью. — И я знаю здесь всех. Кого вы ищете, дорогая?

Теперь, подойдя поближе, я вижу, что это не пожилой человек, а древний старик. Согбенная фигура, седые волосы и обвисшая кожа, покрытая сеткой глубоких морщин, таких глубоких, что они напоминают лабиринт. И хотя его глаза замутнены катарактой, в них светятся ум и доброта.

— Его зовут Уилл Гриффит, хотя тогда он был известен как Билли. Он жил здесь с родителями примерно до 1999 года, может быть, годом или двумя дольше. Я не знаю, как звали его родителей, но они…

— Кэт и Льюис, — говорит старик, и он больше не улыбается.

— Кэт погибла при пожаре?

— Да, мэм. И не только она одна.

От волнения сердце начинает биться быстрее, и в груди разливается спасительное тепло.

— Нет?

Он качает головой и разглядывает меня, прищурив глаза.

— Кто вы и почему спрашиваете?

— Сын, Билли… Уилл мой муж. Вернее, был моим мужем. Он был в том самолете «Либерти эйрлайнс», летевшем из Атланты в Сиэтл, в том, который…

Кто-то ахает, и, как по команде, у меня перехватывает горло, а глаза наполняются слезами, мой мозг переполнен воспоминаниями о муже. Не о новом Уилле, который лгал о том, куда он направляется и откуда явился, о прошлом, полном злобы и насилия. Он не вписывается в картинку, этого нового человека я не знаю и никак не могу понять. Нет, мои слезы о том, старом Уилле — который шлепал меня по попе каждый раз, когда я выходила из душа, который просил меня выйти за него, встав на одно колено посреди отдела продуктов для завтрака, в том самом супермаркете «Крогер», где все началось. И этого мужа я так хотела вернуть.

— Простите, — говорю я, наклонив голову. Я никогда не была плаксой и ненавижу плакать на людях, но в последнее время я только этим и занимаюсь. — Я не хотела…

Одна из женщин вытаскивает из коробки две салфетки и через стойку протягивает их мне.

— Голубушка, вы можете плакать сколько

хотите. Господи, ваш муж только что погиб в авиакатастрофе. Думаю, все здесь присутствующие со мной согласятся, что у вас на это есть полное право.

Ее коллега энергично кивает в знак согласия.

Только старик не выказывает даже толики сочувствия. Его губы, тонкая белая линия, уголки опущены вниз, и глаза, искрившиеся весельем, когда мы только вошли, теперь такие же темные и мрачные, как небо за окнами. Это превращение заставляет меня перестать плакать.

— Вы помните моего мужа, не так ли?

Он поворачивается к женщинам спиной, ударяет жесткой ладонью по стойке.

— Дамы, хорошего вечера. — Не глядя в нашу сторону, он направляется мимо нас к выходу.

Он весь согнулся от старости и еле двигается, но идет твердо, если не сказать — решительно. Я догоняю его буквально в два шага.

— Сэр, подождите. Пожалуйста. Я прошу у вас всего пару минут.

— Нет, вы просите меня раскопать старые и неприятные скелеты. Скелеты, которые лучше оставить в прошлом.

Весь вид старика говорит о том, что он не любил Уилла тогда, и теперь, после того как я призналась

в том, что была за ним замужем, я не нравлюсь ему тоже. Он наклоняет голову и ускоряет шаг.

Дойдя до выхода, он нажимает на кнопку, жужжит мотор, и тяжелые двери начинают открываться, двигаясь как по маслу, чуть быстрее самого старика. Эта небольшая заминка заставляет нас остановиться.

— Послушайте, я понимаю, что Уилл был трудным подростком, но…

Он пожимает сутулым плечом:

— Это был неблагополучный район. Многих подростков можно было назвать трудными.

Даже после всей той лжи желание защитить мужа поднимается внутри меня наподобие цунами, и я прикусываю язык, чтобы не дать этой волне выплеснуться наружу.

— Что он сделал? — спрашивает Дэйв, возникая рядом со мной.

Старик морщится.

— Я уже сказал вам, что не стоит тревожить старые кости. Ничего хорошего не будет, если мы станем их раскапывать.

Двери открываются, впуская внутрь ледяной ветер. Начался дождь, и его яростные порывы следуют один за другим. Старик рывком застегивает молнию и выходит наружу.

Мы с Дэйвом обмениваемся взглядами, и он думает о том же, о чем и я: что этот человек — наш лучший источник информации. Я указываю на старика подбородком, и Дэйв устремляется за ним.

— По крайней мере, позвольте нам подвезти вас туда, куда вы направляетесь, — предлагает он, пока старик, шаркая, спускается по пандусу. — Не стоит вам находиться на улице в такую погоду. На тротуарах будет скользко.

Старик колеблется. Он останавливается, оглядываясь через плечо.

Этого оказывается достаточно, чтобы Дэйв начал улыбаться, приглашая старика в машину.

— В машине тепло и сухо, и она довезет вас куда угодно.

Старик пару секунд обдумывает предложение, не переставая изучающе разглядывать нас. Оценивающим взглядом он окидывает мои кожаные ботинки и кашемировый шарф, дизайнерские джинсы Дэйва и его мешковатую куртку из Патагонии.

— Куда угодно, значит?

Мы с Дэйвом дружно киваем.

Сердитый взгляд старика становится еще более корыстным.

— Я бы поел.

* * *

Старика зовут Вейн Батлер, и, следуя его указаниям, Дэйв ведет машину к халяльной закусочной на Мартин-Лютер-Кинг-Джуниор-Уэй. Он замечает неоновую вывеску и выцветший красный навес и поникает плечами, но не жалуется, даже когда мистер Батлер заказывает все карри, какое есть в меню, а затем отступает в сторону, предоставляя Дэйву платить.

Как только мы располагаемся за столиком у окна, я применяю ту же стратегию, что и с тренером Миллером: правдивость.

— Мистер Батлер, я понимаю, вы не хотите ворошить прошлое, но, что бы ни натворил Уилл подростком, это не может быть хуже того, что он сделал мне, своей жене.

— Вы уверены?

Я киваю, поскольку знаю, чего он хочет. Мистер Батлер хочет перетянуть меня в свою команду — команду, которая играет не на стороне Уилла. Я тыкаю вилкой в кусок жилистого мяса и подбираю слова, которые он хотел бы услышать:

— Мой муж… Уилл… мы были женаты семь лет. Он никогда не рассказывал мне про Сиэтл. Я не

знала, что он здесь вырос. Я понятия не имела о том, в каких условиях прошло его детство. Возможно, он стеснялся своего прошлого, или, быть может, просто пытался оставить все позади. Я не знаю. Но дело в том, что я не могу совместить образ человека, которого я знала, и образ того, о ком рассказал нам тренер Миллер, а мне необходимо это сделать, чтобы я могла оплакать своего мужа. Мне необходимо знать все стороны его личности — даже те, которые он хотел скрыть, даже самые отвратительные, — чтобы я могла двигаться дальше. — Я произношу все это и чувствую, как в груди медленно расцветает боль.

В манере старика держаться что-то меняется, морщины вокруг глаз и рта разглаживаются, и я чувствую, как напряжение отпускает меня.

— Вы говорили с Энтони Миллером?

— Да.

— Он хороший человек. Что он вам сказал?

— Он сказал, что Уилл был подлым и злым и что дома ему жилось несладко. Он упомянул про пожар и что… — Пару секунд я подбираю слова. — Мать Уилла… Кэт… погибла.

Старик жует мясо.

— Он рассказал про пожар, а?

Я киваю.

— Я потерял все, что имел, в том пожаре, и говорю не просто про одежду и мебель. Я имею в виду письма, и детские рисунки, и рецепты, которые собирала моя бабушка. Мой свадебный костюм и жемчужные серьги, которые я подарил моей жене, упокой, Господи, ее душу.

Я не спрашиваю, была ли у него страховка. Вещи, которые он перечислил, невозможно восстановить, и, кроме того, исходя из известного мне о районе Рейнир-Виста, подозреваю, ни у кого из жильцов дома страховки не было.

— Мне очень жаль, — говорю я. — Должно быть, вам было нелегко.

Он кивает, и его губы сжимаются в тонкую линию.

— Энтони рассказал вам, кто устроил пожар?

Мое сердце тикает, как часовой механизм, внутри грудной клетки. Так это был поджог? Я пытаюсь что-то сказать, но не могу.

Дэйв делает это за меня:

— Нет, а кто?

Для человека, который не хотел разговаривать, мистер Батлер явно наслаждается вниманием к своей персоне. Он откидывается на спинку стула, тыча в окно вилкой.

— Я уже говорил вам, что это был неблагопо-

лучный район. Я не знаю, откуда вы, ребята, приехали, но, судя по вашему виду, думаю, никто из вас прежде не бывал в таких местах. Ну так поверьте мне, все именно так плохо, как вы думаете. Банды, оружие, проститутки и наркокурьеры на каждом углу. Скажу только, что неблагополучных подростков у нас было хоть отбавляй. Но ваш муж выделялся, потому что был умным. Умным и подлым, и оба этих качества делали его опасным. Невозможно было предугадать, когда произойдет вспышка, пока не становилось слишком поздно.

Я бросаю взгляд на Дэйва, который слушает с ничего не выражающим лицом.

— Что вы хотите сказать?

— Я думаю, вы понимаете, о чем я. Полиции так никогда и не удалось доказать, что пожар — дело рук Билли, но их подозрений было достаточно, чтобы приставить к нему куратора. А еще в том пожаре погибла не только Кэт. Той ночью погибло еще двое детей.

Дэйв вздрагивает, а мой рот наполняется привычной горечью. Я отворачиваюсь от стола и стараюсь не дышать, подсчитывая количество шагов до помойного бака на случай, если не сумею справиться с тошнотой. Три, может, четыре, но только если я перепрыгну через соседний сто-

лик. Смятение отдаляет от меня смысл того, что говорит этот человек, — что Уилл устроил пожар, который привел к гибели не только двоих детей, но и его собственной матери. Что это он был повинен в их смерти. Я откидываюсь на спинку стула и медленно мотаю головой из стороны в сторону.

Невозможно. Старик замечает мое недоверие и пожимает острым плечом, словно говоря: «Дело ваше».

— Когда дело касалось его родителей, то тут вашему мужу приходилось несладко, это точно. Кэт и Льюис Гриффит едва могли позаботиться от самих себе, не говоря уже о ком-то другом.

— Тренер Миллер предположил, что дома, возможно, могло применяться насилие, — говорит Дэйв.

— Тогда он соврал, потому что там было много насилия. Очень много. Но даже если и так, пожарным не потребовалось много времени, чтобы определить, что это был поджог. Кто бы это ни был, он использовал горючее.

Спокойно.

— Это мог быть кто-то еще, — говорю я.

У меня болит голова, и вдруг возникает горячее желание оказаться дома, и чтобы мама суетилась

вокруг. Зачем я приехала сюда и заварила всю эту кашу? Я хочу вернуться назад в прошлое и не слышать всего того, что рассказали мне этот старик и тренер Миллер. Это слишком. Я больше не хочу ничего знать.

— Верно. Но пожар случился примерно в два часа ночи, когда Кэт и Льюис напились до беспамятства после особенно шумной и жестокой ссоры. Я никогда не забуду, как визжали и кричали эти двое. Как бы там ни было, канистру с бензином нашли в соседней пустующей квартире. А Билли, клявшийся, будто он спал в своей кровати, когда все случилось, каким-то образом не получил и царапины.

Я пристально смотрю на Дэйва, который воспринимает услышанное с каменным лицом. Он берет себя рукой за подбородок и сглатывает. Ему не хочется в это верить, но он допускает, что это может быть правдой.

И хотя психолог во мне понимает, что лишенный внимания родителей ребенок, который к тому же подвергается домашнему насилию, имеет на шестьдесят процентов больше шансов попасть в неприятности, я все еще не убеждена до конца. Мы ведь говорим о моем Уилле. Он мог проснуться от шума или, может, почувствовал

запах гари. Кто угодно мог подбросить канистру с бензином в пустую квартиру. Мой Уилл никогда бы не сделал ничего подобного.

— И все же это только косвенные улики, — говорю я.

— Я уже говорил, что он был умен. Но сейчас я скажу вам то же самое, что сказал тогда полиции. Когда пожарные вынесли бесчувственное тело его отца из горящего дома, я увидел на лице вашего мужа разочарование. — Мистер Батлер швырнул вилку на стол и вперил в меня тяжелый взгляд. — Вам ясно, что я имею в виду? Он хотел, чтобы пожар забрал их обоих.

15

Я просыпаюсь, как только Дэйв с громким скрипом раздергивает занавески.

— Проснись и пой, принцесса. Наступил новый день, и на улице дождь. Опять. До сих пор. Все еще идет. — Он поворачивается, его силуэт на фоне окна похож на тень. — Как люди здесь живут?

Я тяжело вздыхаю, перекатываюсь на другой бок, чтобы свет из окна не бил в глаза, и накрываю гудящую голову подушкой. После того как мы доставили мистера Батлера обратно в Рейнир-Виста, Дэйв повез нас прямиком в ближайший бар, где велел бармену наливать нам водку с мартини до тех пор, пока я как следует не напьюсь. Учитывая, что за целый день мне удалось закинуть в желудок всего пару кусочков «Чекс-Микс», я довольно быстро достигла нужной кондиции. Уже после первой порции коктейля комната начала вращаться. Где-то на половине второй все вокруг приобрело размытые очертания. Что было после третьей и как я попала оттуда, из захудалого коктейль-бара с плохой музыкой и липкой барной стойкой, сюда, на простыни из

египетского хлопка, я не помню.

Я приподнимаюсь на локте и оглядываю гостиничный номер. Стильный и в целом вполне современный, с окнами во всю стену и видом на озеро. В отдалении виднеются горы, зубчатые вершины которых высятся на фоне стального неба.

— Где мы?

Он странно смотрит на меня.

— Мы в Сиэтле, дорогуша, помнишь? Родина «Старбакс» и мировая столица фланели, где все ездят на «субару». Я, кстати, всегда думал, что последнее утверждение является некоторым преувеличением, но нет. А казалось бы, в городе, который помешан на «чистой» жизни, машин должно бы быть поменьше.

— Я знаю, что мы в Сиэтле. Я имею в виду, что это за отель? Надеюсь, тебе не пришлось тащить меня на себе.

— Да ладно, братья ведь для этого и существуют. — Он ухмыляется.

— Прости, что пропал столик в ресторане.

Отмахнувшись от моих извинений, он плюхается в стоящее у окна кресло.

— В баре кормежка тоже была ничего. То есть, конечно, не фуа-гра, но все же намного лучше, чем карри, в котором, кстати, была явно не бара-

нина. Но учти, что сегодня утром тебе придется покормить меня приличным завтраком, прежде чем мы пойдем.

— Пойдем куда?

— Мы обсудим программу действий за завтраком. Нам есть куда пойти и с кем поговорить, так что идем.

Я падаю обратно на кровать, натянув одеяло до самого подбородка.

— Иди ты. Я сегодня ничего делать не собираюсь.

— Мы сюда не отдыхать приехали, Айрис. У нас тут дело, помнишь? Твое дело.

— Я знаю, но, может, все-таки завтра? А сегодня давай останемся в пижамах, закажем обслуживание в номер и целый день будем смотреть кино.

— Я уже оделся.

Я вытаскиваю руку из-под одеяла, достаю из тумбочки каталог фильмов гостиничного кабельного телевидения.

— Спорим, у них есть «На пляже».

— Да ладно тебе. Я не настолько подвержен стереотипам.

— Не хочу тебя огорчать, братишка, но так и есть.

Он закатывает глаза, но не спорит.

— Сделай одолжение, вылезай из кровати и иди в душ, а? Я тут обзвонил дома престарелых в окрестностях Рейнир-Виста, и знаешь, кого я нашел? Твоего свекра. Отца Уилла. Думаю, что для начала нам стоит нанести визит ему.

Свекор. Я катаю это слово на языке, и в груди начинает пульсировать давешняя боль, вновь сокрушая мое и без того разбитое сердце. И мой вновь обретенный свекор — это еще на самое худшее. Я приподнимаюсь на локте.

— Я, возможно, немного перебрала мартини вчера вечером, но помню каждое слово из того, что рассказал нам старик. Женщина и двое детей погибли в результате пожара, который, как он утверждает, устроил Уилл. Может, Уилл действительно это сделал, а может, и нет, но, как говорят, нет дыма без огня и все такое…

— Ну что ж, пока ты тут отсыпалась после попойки, я кое-что разузнал про тот пожар. Я просмотрел газеты и прочитал в Интернете отредактированный полицейский отчет и могу сказать, что старик изложил нам эту историю довольно точно, только вот забыл кое о чем упомянуть. Полиция проследила путь канистры с бензином до магазина в Портленде. Как мог семнадцатилетний подросток, у которого не было

машины и денег, купить бензин в городе, расположенном почти в двухстах милях от дома?

— Там упоминаются другие подозреваемые?

— Только отец Уилла.

Я таращу на него глаза.

— Отец Уилла тоже был под подозрением?

— Конечно. Полицейские всегда первым делом допрашивают мужа. Ты что, не смотришь «Место преступления»? Особенно если он частенько распускает руки, как это делал отец Уилла. Он был слишком пьян, чтобы вспомнить свое алиби, но оно у него было. Сосед сказал, что он валялся в отключке, когда здание охватил огонь.

Огонь. Это слово заставило меня содрогнуться всем телом.

— А дети?

— Двое братьев, трех и пяти лет. Спали в квартире напротив. Их мать работала в ночную смену.

У меня внутри все сжимается от ужаса, который пережила бедная женщина. Я представляю, как она обнимает своих малюток перед тем, как уйти в тот вечер на работу, говоря им, что вернется домой прежде, чем они проснутся, и убеждая себя, что в своих кроватках они будут в безопасности. Эта трагедия — худший из кошмаров любой матери.

Я сворачиваюсь клубком, подоткнув подушку под живот и получше укрывшись одеялом.

— Знаешь, все, что я узнала с момента катастрофы, так запутано. Он летит не на том самолете не в том направлении. Придумывает конференцию. Встречается с этим своим другом Корбаном, о котором никогда мне не рассказывал. Вся эта ложь о том, откуда он родом и как прошло его детство. Я не понимаю ничего из этого. Кроме дома.

— Вашего дома?

Я киваю.

— Мы пересмотрели, должно быть, сотню домов. И с каждым было что-то не так. То кухня слишком старомодная, то двор слишком маленький, то улица слишком оживленная. Уиллу невозможно было угодить. Наш риелтор показал нам этот дом, скорее чтобы доказать это, нежели для чего-то еще. Что-то типа: «Смотрите, что вы получите, если раскошелитесь еще на сто тысяч». Но надо было видеть его лицо, когда мы вошли в дверь. — Я улыбаюсь, вспомнив о том, как он затих, и только его щеки покрылись румянцем, который становился все отчетливей по мере того, как мы переходили из комнаты в комнату. — К моменту, когда мы поднялись наверх, все было решено. Он должен был получить его.

Внезапно дождь выпускает в наше окно очередную автоматную очередь. Дэйв устраивается с ногами на оттоманке, скрестив руки на груди.

— Дом изумительный.

Я думаю о том, как мы в первый раз поднялись по его ступеням, вспоминаю, какое лицо было у Уилла, когда мы вошли в дверь с витражным стеклом, и как я, еще до того, как мы осмотрели весь дом, поняла, что решение уже принято.

— Мы сделали предложение в тот же день. Даже несмотря на то, что понимали, что большинство комнат пока будут стоять пустыми, а ипотеку мы сможем выплатить только чудом. Но теперь я понимаю, почему ему так важен был сам факт владения домом.

— Потому что дом символизировал, сколь многого ему удалось добиться.

— Точно. — Как только я произношу это, во мне снова возникает знакомая злость, и я выпрямляюсь на кровати. — Если бы он рассказал мне, почему так сильно хочет этот дом, я бы не спорила с ним так долго. Я бы не жаловалась, что мне пришлось отказаться от привычки ходить в «Старбакс» или что теперь нам придется не ездить в отпуск, чтобы купить дом нашей мечты. На земле нет более понимающей души, чем я. Но

он даже не собирался рассказывать мне, правда?

Дэйв вздыхает, взмахнув обеими руками.

— Не начинай снова, — ворчит он.

— Не начинать что?

— Мы уже обсуждали это, очень подробно, вчера вечером в баре. Ты даже провела голосование. Подавляющие восемьдесят семь процентов подвыпивших хипстеров согласились с тем, что Уилл никогда не собирался что-то тебе рассказывать.

В обычных обстоятельствах я бы сгорела со стыда при мысли о том, что, напившись, просила совершенно незнакомых людей оценить мой брак. Меня нельзя назвать слишком раскованной, и я не обсуждаю с посторонними свои дела. Но я упустила из виду главное — тот факт, что мой муж не только утаил важные сведения о себе от меня, своего самого любимого человека на планете, когда мы впервые встретились, но и не доверял мне, нашей любви, настолько, чтобы сказать всю правду.

— Ни про родителей, ни про пожар, ни про свое ужасное, мутное прошлое. Он кормил меня всем этим дерьмом про детство с любящей одинокой матерью в Мемфисе, и я верила. А учился ли он вообще в университете? Есть ли у него степень? Представления не имею, потому что я самый

легковерный человек в мире!

— Никакая ты не легковерная, моя дорогая. Тебя обманул человек, которого ты любила. А это большая разница.

— Я профессиональный психолог, Дэйв. Таких людей, как Уилл, я должна видеть насквозь.

— Не понимаю, в чем здесь твоя вина.

— И все же. — Я падаю обратно на постель, зарываюсь лицом в подушку, к глазам снова подступают слезы. Еще неделю назад я была на сто процентов убеждена, что знаю своего мужа. Я думала, Уилл рассказывает мне все.

Я думала, мы оба рассказываем друг другу все. А теперь я пытаюсь сложить вместе отрывочные сведения о его прошлом и снова понимаю: на самом деле я ничего не знаю о человеке, за которым была замужем.

И теперь, когда оглядываюсь назад, все кажется мне подозрительным. Например, тот раз, когда мы ездили в Сан-Франциско, в котором, как Уилл уверял, он никогда не был, и при этом находил дорогу, почти не глядя в карту. Не потому ли, что он бывал там прежде? Когда во время игры в «Карты против человечества» он признался, что не ходил на выпускной, но отказался рассказывать мне почему. А когда мы ходили в «Ла Фонда»

и Уилл заказывал *chile rellenos* и *quesadillas con camarones*, его произношение было безупречным. Когда он успел выучить испанский?

А потом мне приходит в голову, что я потеряла Уилла дважды. В первый раз это случилось, когда он сел в тот самолет, а во второй — когда он уже после смерти превратился в незнакомца. В первый раз все произошло быстро и ошеломило меня, во второй — все происходит постепенно, но от этого не менее болезненно. Обе раны свежи и глубоки.

— Завтра будет неделя, — говорю я, мой голос звучит глухо. — Я проживу целых семь дней без Уилла.

— Я знаю. — Дэйв надолго замолкает, и я слышу, как он встает из кресла и подходит ближе. — Послушай, могу я спросить тебя кое о чем?

— С каких пор тебе нужно мое разрешение?

— Я понимаю, что все эти новости про Уилла опустошают тебя.

— Так и есть. — К горлу подступают рыдания, но я успеваю подавить их, пока они не вырвались наружу.

— Но не приходило ли тебе в голову очевидное?

— Что именно? — Я стаскиваю с головы подуш-

ку и вижу нависшую надо мной фигуру брата.

На его лице играет ободряющая улыбка.

— Что, возможно, он изменился. И вероятно, именно поэтому он ничего тебе и не рассказывал. Может быть, он хотел начать все сначала, так сказать, дать «горячий старт» своей дерьмовой жизни и начать с тобой все заново.

— Хорошо, но тогда скажи мне, почему он полетел в Сиэтл?

Улыбка сползает с его лица. Мой вопрос ставит его в тупик и, что еще хуже, загоняет туда же и меня. Почему Уилл сел в тот самолет в Сиэтл? Внезапно идея отсидеться в гостиничном номере перестает казаться мне такой привлекательной. Вздохнув, я отбрасываю простыни и выбираюсь из кровати.

— Ну, слава богу, — говорит Дэйв, когда я направляюсь в ванную, — а то я уже миллион раз смотрел «На пляже».

Через двадцать минут, выйдя из душа, я получаю сообщение со скрытого номера. «Почему ты до сих пор в Сиэтле? Я серьезно, Айрис. Отправляйся домой. Тебе здесь нечего делать».

Я заворачиваюсь в полотенце, придерживая его руками под мышками, и, как могу быстро, набираю трясущимися руками ответ: «Я никуда

не поеду, пока не скажете, кто вы. И кстати, вы не правы. В Сиэтле оказалось очень познавательно».

Через две секунды экран снова загорается. «Не верь всему, что слышишь».

Пульс учащается, и внутри меня все сжимается от волнения. «А чему я должна верить?»

Я жду, глядя на экран, он начинает темнеть и потом совсем гаснет.

Льюиса Гриффита мы нашли в Провинс-Хаус, пансионате для малоимущих людей с расстройствами памяти, самом депрессивном месте на земле. Грязные полы, вонь, низкие, все в пятнах потолки. На втором этаже мы разыскиваем мрачную медсестру, и она провожает нас по темному коридору.

— Комната 238, только не надейтесь, что он вам что-то расскажет. У него же Альцгеймер.

Я благодарю ее, пытаясь решить, болезнь Альцгеймера — это лучший или худший итог шестидесяти лет тяжелой жизни. Это медленный и малоприятный способ уйти, но, по крайней мере, сам мистер Гриффит этого не осознает.

Мы находим его в комнате размером со шкаф, которая напомнила мне дешевый придорожный отель в Гватемале, где я один раз останавли-

валась, она чуть больше кровати, к которой прикован мистер Гриффит. Нам с Дэйвом не на что присесть, и мы остаемся стоять в ногах кровати, зажатые плечом к плечу между двумя хлипкими стенами.

Я смотрю на своего свекра, в голове шумит. Я стараюсь отыскать в его лице черты Уилла, но нахожу лишь некоторое сходство. Широкий лоб, квадратная челюсть, чуть расширяющаяся кверху линия скул. Может быть, мне удалось бы разглядеть что-то еще, если бы мистер Гриффит не выглядел такой развалиной, если бы его кожа была не такой восковой и бледной, как у экспонатов мадам Тюссо, а как у живых людей, и обильно покрытой коричневыми пятнами, как кожура банана.

Трясущейся рукой я нащупываю руку Дэйва, и он сжимает мои пальцы.

— Мистер Гриффит, меня зовут Айрис, я ваша невестка. Я была замужем за вашим сыном Уиллом. Или Билли. Вы помните его?

Ничего. Не похоже, что мистер Гриффит слышит меня. Он смотрит на нас ничего не выражающими глазами.

Я нахожу в телефоне фотографию и держу его так, чтобы экран оказался в поле зрения мистера

Гриффита.

— Это было снято около месяца назад.

На его лбу появляются складки. Он хмурится?

— Вы помните его?

Ничего.

— Так мы далеко не уедем, — шепчет Дэйв, прикрыв рот рукой.

Я незаметно киваю, засовывая телефон в задний карман.

— Мистер Гриффит, примерно пятнадцать лет назад в доме, где вы жили, в Рейнир-Виста, случился пожар. Три человека погибли. Это вам ни о чем не говорит?

Мистер Гриффит не удостаивает меня даже кивком, но то, как он меня смотрит на меня, заставляет меня выпрямить спину.

— Одной из жертв была ваша жена Кэт и еще двое маленьких детей. Вы и Билли не пострадали.

Его сухие, как наждачная бумага, губы шевелятся, словно он пытается что-то сказать. Или говорит. Я не знаю. В любом случае наружу не вырывается ни звука.

— Вы помните что-нибудь о той ночи? О пожаре? О ваших жене и сыне?

На его лице появляется гримаса, рот снова при-

ходит в движение. Мы с Дэйвом вцепляемся в железную спинку кровати и наклоняемся ближе, стараясь расслышать хоть что-нибудь.

— Он только что сказал «Билли»? — спрашивает Дэйв, глядя на меня широко раскрытыми глазами.

Сердце начинает биться неровно, в ушах шумит кровь. Я совершенно уверена, что он это сказал.

— Мистер Гриффит, вы помните Билли?

Очень долго ничего не происходит, слышно только его хриплое, свистящее дыхание.

А затем он высоко поднимает руку и стучит по матрасу, раз, второй, третий. Его худое тело начинает дергаться, руки и ноги словно сводит судорогой, обеими ладонями он колотит по матрасу. Мы с Дэйвом с тревогой смотрим друг на друга.

— С ним все в порядке?

Словно в ответ, мистер Гриффит делает вдох, широко открывает рот и издает долгий, жуткий звук — нечто среднее между стоном и криком.

— О боже, — шепчет Дэйв, хватаясь за воротник.

Стон затихает, но старик продолжает корчиться на кровати, и через пару секунд, которых хватает, чтобы сделать очередной хриплый вдох,

ужасный звук возобновляется.

Дэйв отступает назад к двери.

— Может, я пойду позову сестру?

— Оставайся здесь. Я пойду. — Будь я проклята, если позволю ему оставить меня тут одну.

Дэйв с выпученными глазами мотает головой:

— Ни за что.

Я хватаю его за руку и тащу к двери.

— Хорошо. Мы пойдем вдвоем.

Мистер Гриффит уже готов начать третий раунд своих леденящих кровь завываний, когда мы вылетаем в холл и врезаемся в сестру в бледно-розовой униформе.

— О, слава богу, — восклицаю я. — С мистером Гриффитом что-то не так.

— С ним все хорошо, просто он опять волнуется. — Она обходит нас и удаляется по коридору, ее кроксы скрипят по грязному линолеуму. — С ним так всегда.

Опять? Дэйв хмурится, и я тоже.

— Вы не собираетесь помочь ему? — кричу я ей вслед.

Сестра останавливается, глубоко вздыхает и тащится назад. Бросив на нас недобрый взгляд, она скрывается в палате. Как только она уходит, мы с Дэйвом обмениваемся взглядами и направляемся

прямиком к лестнице.

— Да уж, не буду врать, — говорит Дэйв, когда мы оказываемся на лестнице, — я рад уйти отсюда. У меня от всего этого мороз по коже. Депрессивное место, правда?

— Как и мой свекор. — Я говорю это и тут же поправляю сама себя: — Или, вернее, его болезнь.

Выражение лица Дэйва смягчается.

— И жизнь тоже, милая.

Я вздыхаю, спускаясь еще на один марш.

— Я знаю.

Когда дело касается моего свекра, поводов для депрессии хоть отбавляй.

— Мы можем попробовать поговорить с ним завтра. Может быть, стоит принести с собой какие-то фотографии или газетные вырезки, которые всколыхнут его память, а сейчас…

— Думаю, в управление полиции. Потом…

— Нет, я имел в виду твоего свекра. Разве ты не должна, ну я не знаю, что-то для него сделать?

— Что, например? Я только вчера узнала о его существовании, и не похоже, что у них с Уиллом были близкие отношения. Мне жаль этого человека, но здесь о нем заботятся.

— О, это, по-твоему, так называется? Сделай одолжение, пообещай мне, что я никогда не

окажусь в месте, где воняет консервированным горошком и грязными подгузниками, ладно?

По мере того как он говорит, во мне растет чувство вины, а вместе с ним раздражение из-за того, что он мог предположить, будто я не хочу позаботиться о свекре, о существовании которого даже не знала.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — говорю я, выходя в вестибюль. — Поселила его комнате для гостей?

— Не глупи. Но для него наверняка можно найти место получше.

— Миссис Гриффит? — окликает нас сестра из-за стойки регистратуры, прерывая наш спор прежде, чем он успевает перерасти в перепалку. Она выкладывает на стойку папку с зажимом и протягивает ручку.

— Если не возражаете, нужно заполнить кое-какие бумаги.

— О, конечно, — морщусь я. — А что за бумаги?

— Мы только хотим быть уверены, что у нас есть все сведения о ближайших родственниках мистера Гриффита и что вы осведомлены обо всех услугах, которые он получает.

Я беру ручку и перелистываю страницы — контактная форма, формы государственной

программы «Медикэйд» для малоимущих граждан, форма о конфиденциальности и финансовой незаинтересованности. Стандартный набор, хотя мне не до конца ясно, почему я должна заполнять что-то из этого.

— Для чего это?

— Провиденс-Хаус — это дом престарелых, а это означает, что мы обеспечиваем общий уход за пожилыми людьми с разными заболеваниями. Наши медсестры могут ухаживать за больными с деменцией, но мы на этом не специализируемся.

— Тогда почему мистер Гриффит находится здесь?

— Потому что в учреждениях, которые предназначены для людей с расстройствами памяти, также нет мест, финансируемых за счет «Медикэйд», или же лист ожидания там очень длинный.

— Понятно. — Ничего мне не понятно. Также? Мне не нравится эта женщина или то, на что она намекает. — Вы намерены вышвырнуть мистера Гриффита вон?

— Пока мистер Гриффит соответствует требованиям «Медикэйд», он может оставаться здесь столько, сколько необходимо. Я только говорю, что, если у вас есть средства на его содержание, его можно было бы перевести в комнату поболь-

ше или даже в другое заведение, которое лучше приспособлено для конкретных потребностей пациентов с болезнью Альцгеймера. Я полагаю, что вы, как его невестка, возможно, хотите, чтобы последние месяцы он провел в наиболее комфортных условиях.

Теперь все встает на свои места, и я кладу ручку поверх стопки бумаг.

— Вы просите у меня денег?

— Конечно нет. Хотя мы принимаем пожертвования.

— Дайте угадаю. Только наличными?

Ее губы расползаются в слащавую улыбку.

— Здесь это многое решает.

Когда мы подходим к машине, меня уже трясет от злости. В буквальном смысле слова. Я вся дрожу от макушки до пяток.

— Не могу поверить, что сестра просто вымогала у меня деньги.

Дэйв нажимает на кнопку открытия дверей и через крышу машины бросает на меня взгляд, который говорит: «А я могу».

Я падаю на пассажирское сиденье, кидаю сумку на пол и с силой захлопываю за собой дверь.

— А ты видел, как вела себя сестра наверху? Будто успокаивать возбужденного старика со

спутанным сознанием — это неприятная повинность. Не хочу даже думать о том, как они ведут себя, когда никто не видит. Наверное, они слишком заняты просмотром «Домохозяек» в комнате отдыха, чтобы обращать внимание на пациентов. И уж точно им недосуг помыть пол или побрызгать вокруг освежителем воздуха.

— Думаю, ты не далека от истины. — Дэйв дает задний ход и закидывает руку на спинку моего сиденья. Поворачиваясь назад, чтобы посмотреть в заднее окно, он встречается со мной взглядом. — И поэтому я рад, что ты заплатила этой сучке.

16

— Пять рабочих дней? — переспрашиваю я женщину-офицера за стойкой отдела по работе с запросами граждан, я уже почти кричу, и причиной тому не только разочарование. Вестибюль Управления полиции Сиэтла представляет собой громадное пространство из бетона и плитки, а шум, производимый входящими и выходящими из здания людьми, заставил меня пожалеть, что я не прихватила с собой беруши. — Почему на то, чтобы снять копию с дела о происшествии, которое случилось пятнадцать лет назад, должно уйти пять дней?

— Нет, через пять дней мы свяжемся с вами по поводу вашего запроса, и независимо от результата вам будет необходимо оплатить возникшие расходы. Мы также сообщим вам, если какие-то записи или фрагменты таковых не подлежат раскрытию. В этом случае они будут изъяты или соответствующим образом отредактированы.

Дэйв облокачивается на стойку.

— Так, правильно ли я понял? Мы должны пять дней ждать, чтобы узнать, можем мы получить

копию полицейского рапорта или нет?

— Верно.

— А можно как-то ускорить процесс? Скажем, за дополнительную плату или как-то еще?

Женщина приподнимает густую бровь, и рука Дэйва, который уже было тянется за бумажником, замирает на месте.

Разочарование тычком бьет меня под ребра. Через пять дней мы вернемся на Восточное побережье, и если до этого не найдем другое направление поисков, то ни на шаг не приблизимся к разгадке, почему Уилл сел в тот самолет. Пять дней кажутся вечностью.

Офицер наклоняется влево, глядя через плечо Дэйва на мужчину позади нас:

— Следующий.

Дэйв делает шаг в сторону и снова оказывается в зоне ее видимости.

— Что мы должны сделать, чтобы дело пошло?

Она вручает нам стопку форм и ручку, прицепленную к планшету.

— Заполните это. — Она снова наклоняется влево: — Следующий.

На этот раз мы отходим и направляемся к пустым креслам у окна, унося с собой бумаги, которые она нам дала. Я падаю в свое. Беспомощ-

ность давит на меня с такой силой, что я почти не могу дышать.

— Что теперь? Мне больше ничего не приходит в голову, Дэйв. Куда мы поедем искать дальше?

— Что ж, мы могли бы вернуться и попробовать снова навести справки в районе, или, может быть, стоит разыскать кого-то из его одноклассников. Возможно, мы услышим иную версию событий.

— Ты так думаешь?

Дэйв морщит нос.

— Честно? Оба варианта кажутся мне напрасной затеей.

— Вот и мне тоже. И сейчас, когда у нас есть копия журнала, я могу в любое время заняться розыском его одноклассников. Должно быть что-то еще, что мы упускаем.

Мы замолкаем, раздумывая.

Я откидываюсь в кресле и прокручиваю в голове нашу беседу с тренером Миллером, а потом со стариком из общественного центра, и что-то в них не дает мне покоя. Что-то из сказанного кем-то из них, какая-то деталь беспокоит меня, но мои мысли похожи на котенка, играющего с клубком. Как только мне кажется, что я вот-вот ухвачу нужную мне мысль, она ускользает от меня.

Я представляю юного Уилла, ждущего снаружи

горящего здания, наблюдающего, как пожарные выносят на улицу его родителей, один из них в черном пластиковом мешке. Действительно ли он был удивлен, увидев, что его отец жив, как сказал старик? Даже после всего, что я узнала о его жизни здесь, не могу представить себе, чтобы Уилл сознательно устроил пожар в надежде, что его родители погибнут. Какими бы ужасными оба ни были, они все же его родители, и, зажигая спичку, он не мог не понимать, что подвергает опасности не только их жизни. Тот Уилл, которого я знаю, никогда бы так не поступил.

И еще старик утверждал, что он был не единственным, кто подозревал Уилла. Хотя доказать ничего не удалось, полиция все же нашла основания приставить к нему кого-то, кто бы следил, чтобы он не наделал глупостей.

Я сажусь прямо, многозначительно подняв зажатую в руке ручку к потолку.

— Вот оно.

— Ты о чем? — хмуро осведомляется Дэйв.

— Старик сказал, что после пожара к Уиллу приставили куратора. Вот с кем мы должны поговорить.

— Отлично, но как это сделать? Он же не сказал, как его звали.

— Нет, но, возможно, это будет в полицейском отчете.

— В отредактированной версии, которую я читал онлайн, ничего не было, но в полной такие важные сведения наверняка присутствуют. Так, ты продолжай трудиться над этим. — Он указывает на бумаги, лежащие у меня на коленях, а сам выбирается из кресла. — А я пойду посмотрю, что мне удастся выведать у нашей приветливой дамы-офицера.

Я наблюдаю, как он идет через вестибюль к столу запросов с таким беззаботным видом, словно он на воскресной прогулке, и чувствую, как в груди у меня начинает щемить от любви к брату. Дэйв бросил все, чтобы полететь со мной в Сиэтл. Он оставил работу, мужа, привычную жизнь, чтобы колесить со мной по этому странному городу, поддерживать меня каждый раз, когда новости об Уилле сбивают меня с ног. Не знаю, смогу ли когда-нибудь отплатить ему за все, что он для меня сделал.

Словно почувствовав, что я за ним наблюдаю, он оборачивается и делает движение рукой, как будто пишет в воздухе. Я улыбаюсь, посылаю ему воздушный поцелуй и берусь за бумаги.

Я приступаю к заполнению второй страни-

цы, когда в сумке звонит телефон. Хватаю ее и начинаю рыться в поисках аппарата. После незаконченной переписки с обладателем скрытого номера мы с Дэйвом договорились, что телефон всегда должен находиться у меня под рукой в режиме максимальной громкости. Кто бы ни был этот отправитель, он, вероятно, жил в Рейнир-Виста, когда случился пожар, и, похоже, имеет совершенно иной взгляд на события, нежели старик и тренер Миллер. Маньяк это или нет, я намерена поговорить с ним. Я хочу выяснить, что ему известно. И потому я чувствую чуть ли не разочарование, увидев на дисплее имя отца.

— Привет, моя хорошая, — говорит он в своей спокойной манере, и я зажимаю другое ухо пальцем, чтобы лучше слышать его. — Как там у вас дела? Где вы?

— В полиции. Не волнуйся, нас не арестовали. Мы тут, чтобы запросить старый полицейский отчет. По телефону это долго рассказывать, но, если в двух словах, мой муж был совсем другим человеком, когда жил здесь. О, и, кажется, у меня теперь есть свекор.

— Хмм, будь я проклят. Ты с ним виделась?

Сдержанность всегда была отличительной чертой моего отца, и я не могу сдержать улыбку.

— Ну, в общем, да. И чувствует он себя не очень. У него Альцгеймер, а дом престарелых, в котором он находится, просто кошмар. Остальное расскажу потом. — Разговаривая, я смотрю в окно, за которым пешеходы неторопливо идут по своим делам, словно на улице не моросящий дождь, а солнце. — Ладно, ты позвонил поболтать или по делу?

— Я звоню, потому что твоя мама пристает ко мне, чтобы я выяснил, когда вы возвращаетесь, а еще для тебя есть несколько сообщений.

— А почему мама сама мне не позвонит и не спросит?

— Ну, ты же ее знаешь. Она не хочет быть назойливой.

— Поэтому она пристает к тебе.

— Я же говорю, ты знаешь свою маму. — Я смеюсь, а он продолжает: — У тебя есть под рукой ручка и бумага?

Я нахожу на дне сумки старый рецепт.

— Давай!

— Так, посмотрим… — В трубке раздается шуршание, и я представляю, как отец цепляет на нос очки и листает блокнот. — Клэр Мастерс из Лейк-Форест звонила узнать, как дела, а также Элизабет, Лиза и Кристи, они беспокоятся, что

ничего не слышали о тебе со дня поминальной службы. Я полагаю, у тебя есть их телефоны?

— Да. Я напишу им попозже.

— Уверен, они будут рады получить от тебя весточку. Лесли Томас просила передать, что она сожалеет и что, если ты позвонишь ей, она назовет тебе имя, которое тебя заинтересует. Что-то про официантку на холостяцкой вечеринке. Ты понимаешь, о чем она?

— К сожалению, да. Она оставила свой номер?

Отец диктует мне номер, а потом переходит к следующему сообщению:

— Звонил Эван Шеффилд, выразил сожаление, что не видел тебя на встрече друзей и родственников, и хотел убедиться, что ты получаешь уведомления. Мне он показался заслуживающим доверия. Надеюсь, ты не возражаешь, но я дал ему адрес твоей электронной почты.

— Все в порядке. Я обещала дать ему его на церемонии, а потом совсем об этом забыла.

— А еще сегодня заходил человек, назвавшийся Корбаном Хейзом. Мне показалось, он хорошо знает тебя и Уилла.

— Так и есть. Я разговаривала с ним на церемонии. Помнишь? Он друг Уилла по спортзалу.

— Он так и сказал. Еще он принес коробку с

вещами. Пара книг, которые он брал у Уилла, несколько фотографий, футболка с забега, в котором они вместе участвовали, и все такое. Он сказал, что хочет, чтобы эти вещи хранились у тебя.

— Очень мило с его стороны, — отвечаю я, и тут мне в голову приходит кое-что еще. — А ты кому-нибудь говорил, что я в Сиэтле?

Не то чтобы я думаю, будто кто-то из звонивших, за исключением Лесли Томас, шлет мне эсэмэски со скрытого номера, но спросить все же стоит. Если отец рассказывает всем, кто звонит или заходит, о том, где я нахожусь, круг подозреваемых становится шире.

— Нет, не думаю. А что?

— Вспомни, пап. Это важно.

Он замолкает, но всего лишь на пару секунд.

— Нет, я совершенно уверен, что не говорил ничего, кроме того, что ты на несколько дней уехала из города и что мы с мамой присматриваем за домом. А теперь объясни, пожалуйста, почему ты спрашиваешь?

Дэйв опускается в соседнее кресло и показывает мне поднятый кверху большой палец в знак победы. Я рассеянно киваю в ответ, потом рассказываю отцу о сообщениях со скрытого номера.

Кто бы это ни был, он знает, что я здесь, знает, что мы с Дэйвом приехали, чтобы выяснить подробности о прошлом Уилла, и даже утверждает, что ему известно, что именно я ищу, и что я ищу это не в том месте.

Голос у отца становится жестким и значительным, напоминая о его военном прошлом.

— Мне это не нравится, Айрис. Тот, кто посылает эти сообщения, может отслеживать твой мобильный. А это значит, что он знает не только то, что ты находишься в Сиэтле, но и то, что в данный момент ты сидишь в холле полицейского управления.

— Ну, по крайней мере, тут мы в безопасности, — говорю я, но шутка явно не удается.

Отец ворчит, а сидящий напротив меня Дэйв мрачно хмурит брови.

— Серьезно, пап, у нас все хорошо. В сообщениях не было угроз, просто… требование, чтобы я возвращалась домой, но мы и так завтра, скорее всего, уедем отсюда. Кажется, мы зашли в тупик.

— Хорошо. Мама будет рада это услышать.

Я слышу мамин голос, который звучит так четко, будто она сидит у папы на коленях:

— Услышать что?

— Что дети завтра возвращаются. — Она го-

ворит что-то еще, но я не могу разобрать, что именно, отец вздыхает. — Она хочет знать, ела ли ты?

— Да, — отвечаю я и почти не кривлю душой. Я ела, просто мне мало что удается удержать в желудке. Я возвращаюсь к теме разговора: — Что-то еще?

— Ага, Ник Брэкман звонил четыре раза.

Это сообщение заставляет меня задуматься. Ник — начальник Уилла, я видела его всего несколько раз на мероприятиях, организуемых в «Эппсек», и это было так давно, что, когда он подошел ко мне на поминальной церемонии, я не сразу вспомнила, кто бы это мог быть. Когда мне это наконец удалось, он уже отошел.

— Что хотел Ник?

— Он не сказал, но мне показалось, что дело срочное. Он оставил номер своего мобильного и просил, чтобы ты позвонила, как только у тебя будет возможность, не важно, днем или ночью. Он ответит в любое время. — Отец диктует номер, и я записываю на ту же квитанцию. — И еще кое-что, милая.

Что-то в его голосе заставляет мое сердце тревожно забиться, меня бросает в холод и в жар одновременно.

— Да…

Он тянет время, откашливаясь, и этот его маневр вынуждает меня сползти почти на самый край кресла.

— Ну же, папа, просто скажи мне!

— Сегодня утром звонила Энн Маргарет Майерс. — При упоминании этого имени я сжимаю подлокотник кресла так крепко, что кажется, он вот-вот сломается пополам. — Милая, на месте катастрофы было найдено обручальное кольцо Уилла.

Каким-то чудом Дэйву удалось достать два билета в первый класс на ночной рейс в Атланту, где, по словам отца, на столике в ванной меня ждет пухлый конверт с логотипом «Либерти эйрлайнс». По уверениям Энн Маргарет, на нем нет ни царапины, даже самой крошечной. Я думаю о той силе, которая сорвала кольцо с его пальца, представляю, как этот кусочек платины стремительно падает с небес, а потом упруго подскакивает на кукурузном поле, словно мячик в автомате для пинбола, и после всего этого кольцо продолжает выглядеть как новое. Она назвала это счастливой случайностью, такой же случайностью, какой была неисправность, ставшая причиной падения самолета.

Я вздыхаю и смотрю в окно. За окном ночь и взлетная полоса аэропорта Сиэтла. Вращающиеся желтые огни отражаются в лужах, размытые пятна света причиняют боль моим опухшим глазам даже сквозь черные стекла очков. Я понимаю, насколько чудно, должно быть, выгляжу в солнечных очках в десять часов вечера, словно я какой-нибудь рэппер, но это единственный способ скрыть слезы. Я плачу с тех пор, как отец сообщил мне, что нашлось кольцо Уилла, то самое, на внутренней стороне которого выгравировано мое имя.

Все эти семь дней я лелеяла надежду. Я говорила себе, что на самом деле Уилл не умер, по крайней мере до тех пор, пока у меня не будет доказательств его смерти. Пока на месте крушения не будет найдена хотя бы крохотная его частичка. Я изо всех сил цеплялась за эту надежду обеими руками, хотя шли дни и надежда утекала сквозь пальцы. А потом один звонок из «Либерти эйрлайнс» украл мою надежду и забрал моего мужа — любовь всей моей жизни, будущего отца моих детей — во второй раз. Но на этот раз я потеряла его по-настоящему, и боль от этой потери обжигает мое сердце, словно раскаленное железо.

Дэйв сжимает мои пальцы вокруг стакана с

холодной водой и вкладывает мне в другую руку крошечную голубую таблетку.

— Эта малютка поможет тебе отключиться, и ты проспишь глубоким сном без сновидений весь путь до дома.

Если есть что-то, в чем точно разбирается современный городской гомосексуальный мужчина, так это фармацевтика. Я, не задумываясь, запиваю таблетку водой.

А потом я отворачиваюсь к окну, прижимаюсь лбом к стеклу и жду, когда наступит забытье и сон без сновидений освободит меня.

17

Мы с Дэйвом уже подходим к дому, когда мама распахивает дверь и выходит на крыльцо.

— Ливердс! Добро пожаловать домой.

Мы приземлились чуть больше часа назад, но после таблетки, которую мне дал Дэйв, у меня болит голова и все еще мучает слабость. Но главное ждет меня наверху на столике в ванной. Кольцо Уилла — словно его живое присутствие в этом доме — манит меня, как кота бекон. Меня ждет миллион дел, нужно перезвонить множеству людей, но я могу думать только об этом кольце.

Я сооружаю на лице некое подобие улыбки:

— Привет, мам.

Она бросает тревожный взгляд на Дэйва, который помогает мне подняться по ступенькам. Мне не надо оборачиваться, чтобы понять, что он жестом просит ее сделать шаг назад и дать мне пройти. Явное разочарование, которое я читаю в ее взгляде, трогает меня, и в памяти всплывает недавнее Рождество, когда, немного перебрав эгг-нога, она призналась, что иногда чувствует себя по отношению ко мне и к Дэйву как отверг-

нутый любовник, такую зависть вызывают у нее наши отношения. И теперь у нее на лице то же самое выражение. Я поднимаюсь на крыльцо и попадаю в ее медвежьи объятия, ее трясет, и я знаю, что это потому, что она очень расстроена. Моя мама по натуре «решала», а моя жизнь в последние дни превратилась в трагедию, с которой она не в состоянии справиться.

— Моя милая, милая детка, — шепчет она мне в волосы.

Я высвобождаюсь из ее объятий, и она ведет меня в холл, где в пижамах нас встречают папа и Джеймс. Отец слегка приобнимает меня одной рукой, Джеймс же бросается к Дэйву и сжимает его в объятиях так, будто их разлука длилась три месяца, а не три дня. Я смотрю на это и будто чувствую удар в солнечное сплетение. Теперь так будет всегда? Я буду испытывать горечь, злость и зависть каждый раз при виде целующейся пары? Подавляю неприятное чувство и даю себе молчаливую клятву. Мое горе не заставит меня завидовать кому бы то ни было, и в последнюю очередь Дэйву и его счастью.

— Завтрак будет готов через пятнадцать минут, — говорит мама.

У меня не хватает духа сказать ей, что в са-

молете я съела черствый сэндвич с яйцом. Я подхватываю сумку с пола, куда ее бросил Дэйв, и иду наверх.

— Пойду быстро приму душ. Если к тому времени не вернусь, начинайте без меня.

Она обеспокоенно кивает в ответ.

Я тащу мое отяжелевшее тело вверх по лестнице, а потом по коридору в спальню, на ходу замечая, что мама успела тут похозяйничать. Деревянные детали блестят, окна сверкают, и даже постельное белье постирано и кровати заправлены тщательнее, чем в больничной палате. Я сбрасываю все на пол и провожу пальцем по одеялу, вдыхая пьянящий аромат моих любимых цветов, лилий сорта «Старгейзер», вазы и кувшины с которыми стоят тут повсюду. На обеих прикроватных тумбочках, на столике для еды перед телевизором, на табурете рядом с креслом у окна. Должно быть, она потратила на цветы целое состояние.

В ванной на моем туалетном столике лежит конверт, похожий на кусок криптонита. Я медленно подхожу, запускаю трясущиеся пальцы в пухлый конверт и шарю в нем, пока не нащупываю прохладный гладкий металл.

Я узнаю кольцо Уилла прежде, чем вытаски-

ваю его из конверта. Я узнаю его по чеканной поверхности, по тяжести и толщине металла, по тому, как легко оно надевается на мой большой палец и обхватывает его точно посредине между основанием и суставом. У меня перехватывает дыхание, когда я читаю выгравированную на кольце надпись, крошечные буковки, за то, чтобы выгравировать которые ювелир в Бакхеде запросил с меня баснословную цену: «Моему самому любимому человеку. Айрис».

Новый приступ щемящей тоски ударяет меня прямо в сердце, я поправляю кольцо на пальце, включаю душ и становлюсь под него прямо в одежде. Я думаю о том дне, когда надела кольцо на палец Уилла, о том, как от обуревавших меня эмоций перехватывало горло, когда мы обменивались клятвами, как он кружил меня после церемонии до тех пор, пока мне не стало казаться, что мое сердце сейчас разорвется от радости. Как мне повезло найти такого мужчину, мою вторую половинку, моего самого любимого человека на планете, среди стольких людей? Тогда я думала, что наша любовь будет длиться всю жизнь.

Вся жизнь вместилась в семь лет и один день.

Я говорю себе, что должна быть благодарна, должна хранить в памяти каждый миг, который

мы провели вместе, но, стоя под горячими струями, льющимися мне на макушку, я понимаю только, что мне мало.

Я хочу больше, черт возьми.

К тому моменту, когда я наконец стягиваю с себя мокрую одежду и выключаю воду, моя кожа становится розовой, кончики пальцев сморщенными, и я опаздываю к завтраку на добрых полчаса. Я представляю, как внизу на кухне мама держит в руках тарелку с блинами с ладонь толщиной и с тоской смотрит на потолок. Я понимаю, что нужно спуститься, но не могу. Меня окутывает апатия, плотная и липкая, как клейкая лента для мух. Я оставляю одежду лежать мокрой кучей на полу в ванной, заворачиваюсь в полотенце, опускаюсь на табурет у туалетного столика и начинаю изучать в зеркале свое лицо.

Припухшие глаза. Темные круги. Бледное как мел лицо и запавшие щеки.

Несправедливо, что, потеряв мужа, ты теряешь и свою красоту. Разве я недостаточно потеряла? Недостаточно настрадалась? В качестве утешительного приза вдовам должны полагаться по крайней мере розовые щечки и сияющая кожа.

Я протягиваю руку за баночкой с увлажняющим кремом и случайно задеваю локтем конверт из

«Либерти эйрлайнс» и тут вижу, что под ним лежит другой конверт, поменьше. Простой конверт голубого цвета, самый обычный и недорогой. Мое имя и адрес напечатаны прописными буквами на лицевой стороне конверта под словами «Лично и конфиденциально». Я переворачиваю его, поддеваю пальцем клапан и вскрываю конверт.

Внутри — листок бумаги, который мог быть вырван из любого блокнота, купленного в любом магазине. Но главное — это три коротких слова, нацарапанные знакомым мне до боли почерком, и при виде их я перестаю дышать.

«Мне очень жаль».

В груди становится горячо. Я хватаю конверт и внимательно изучаю почтовый штемпель. Письмо было отправлено два дня назад, 8 апреля. Катастрофа произошла 3 апреля. То есть прошло пять дней после катастрофы.

После катастрофы. После.

И еще, записка написана рукой мужа. Я в этом совершенно уверена. Заостренные буквы, небрежные соединения, слишком длинный хвостик у последней буквы. Даже чернильные брызги такие же, как от любимой ручки Уилла.

Раздается настойчивый стук в дверь, и я слышу

голос Дэйва:

— Айрис, ты в приличном виде?

Мне не сразу удается совладать со своим голосом.

— Входи.

Над моим собственным отражением в зеркале возникает лицо брата, он с беспокойством заглядывает мне в глаза.

— Ну что, его?

Сначала я решаю, что он спрашивает про письмо, хотя я только что нашла его и он никак не мог знать о его существовании.

— Мм?

— Кольцо. Я так понимаю, оно принадлежит Уиллу?

Ах да. Кольцо. Я шевелю большим пальцем, чувствуя, как твердый металл врезается в кожу.

— Да.

— О боже, мне так жаль, Айрис. Я надеялся… — Дэйв подходит ближе и участливо кладет руку на мое мокрое плечо. — Я знаю, что и ты тоже.

Я только киваю в ответ. Он настороженно смотрит на меня, и я протягиваю ему письмо.

— Что это?

— Записка. — Голос у меня дрожит, и я сама точно вибрирую от переполняющих меня эмо-

ций. — Я думаю, ее написал Уилл.

— Ну… — Дэйв наклоняет голову, впившись глазами в листок бумаги. — Жаль… чего?

— Не знаю. — Я протягиваю ему конверт, жду, когда он произведет в голове расчеты.

Это не занимает у него много времени. Он изучает штемпель и поднимает голову, глаза у него лезут на лоб.

— Кто это прислал?

Я пожимаю плечами:

— Судя по штемпелю, письмо отправлено из графства Фултон, то есть отправитель где-то рядом.

Дэйв что-то бормочет себе под нос, а потом не выдерживает:

— Это что, глупая шутка? — Он потрясает письмом у меня над головой, его лицо становится красным от злости. — Это сумасшедший. Ты же понимаешь, что тот, кто послал тебе записку от имени твоего покойного мужа, сумасшедший, да?

Я киваю.

— Но это определенно почерк Уилла.

— Письмо послано два дня назад! — ревет он, грозно глядя на мое отражение, будто это я бросила его в почтовый ящик. — Как Уилл мог его

написать?

— Должно быть, он сделал это до того, как погиб.

— Тогда кто его послал?

Гнев Дэйва оказывается заразительным.

— Я не знаю! — кричу я в ответ, вкладывая в слова всю свою ярость и отчаяние. От потрясения, которое я испытала, получив письмо, написанное покойным мужем, моя кожа покрывается волдырями.

В ванной воцаряется тишина.

Дэйв у меня за спиной делает глубокий вдох и затем выдыхает, долго и медленно, до тех пор, пока его плечи не расслабляются, а выражение лица не становится не таким гневным.

— Извини, извини, но я зол, ясно? Я включил заботливого старшего брата, потому что тот, кто послал тебе это, преследовал одну цель — вынести тебе мозг.

Я издаю смешок, хотя мне совсем не смешно.

— Не рассказывай ему, но это сработало.

Еще один тяжелый вздох.

— Ладно. Давай размышлять. «Мне очень жаль» — довольно стандартная фраза, которую он мог сказать кому угодно, но чтобы писать ее на бумаге и передавать… Это должен быть кто-то, кого он

знал достаточно хорошо. Может, кто-то, с кем он вместе работал?

— Вполне возможно. Если Уилл был не дома, он был в офисе. Либо там, либо в спор… — Внезапная мысль не дает мне закончить фразу, и я разворачиваюсь на табурете, чтобы посмотреть Дэйву в глаза. — Корбан.

— Кто?

— Друг по спортивному залу. Тот, кто на поминальной церемонии сообщил мне новости о работе, которой на самом деле не было. Я не знаю, лгал ли он или сам был введен в заблуждение, но кое-что мне показалось странным, прежде всего то, что он знал про Уилла так много, а я никогда о нем не слышала. Уилл никогда про него не упоминал. Ни разу.

— Да, — кивает Дэйв. — Это действительно подозрительно. Так как нам выяснить, он это или нет?

Я задумываюсь, но ответ находится довольно быстро.

— Я ему позвоню, приглашу выпить кофе, получше его узнаю.

— Ты, наверно, не слышала, что я сказал. Я сказал «мы». Как мы выясним.

Я мотаю головой:

— Он не станет откровенничать, если хотя бы на секунду заподозрит, что мы что-то знаем, а так и будет, если я явлюсь с провожатым. Я психолог, Дэйв. Я знаю, как заставить человека раскрыться и показать мне свою подноготную. Но сначала мне нужно завоевать его доверие, но я не смогу этого сделать, если ты будешь маячить за моей спиной и сверлить его глазами.

— Мне это не нравится. — Его голос снова звучит зло, и в нем явно слышится: «Еще чего». — Если это тот, кто нам нужен…

— Если это тот, кто нам нужен, то твое присутствие точно заставит его затаиться. Поверь в меня. Я не дура. Я позабочусь о том, чтобы это было общественное место, где вокруг будет куча народу. Ничего не случится. Со мной все будет в порядке. И не обижайся, но, что бы ты ни сказал, я не передумаю.

Брат задумывается, делает три коротких вдоха и выдоха носом.

— Хорошо, но только если ты пообещаешь мне, что, если это тот, кто нам нужен, позволишь мне надрать ему задницу.

Я не говорю ему, что у него ничего не выйдет, потому что Корбан — настоящий громила. И не напоминаю про тот случай в десятом классе,

когда учитель физкультуры сказал Дэйву, что тот дерется как девчонка. Вместо этого киваю и беру его за руку, и мне кажется, что я никогда не любила брата больше, чем в этот момент.

18

Когда я вхожу в «Октан», модное кафе в Вестсайде Атланты, Корбан уже сидит на барном стуле у окна. В заведении полно фанатов нью-эйдж и длинноволосых хипстеров вперемежку со студентами городских колледжей, уткнувшихся в экраны своих навороченных макбуков. Корбан смотрит на меня поверх телефона, приветствуя меня быстрой, но от этого не менее ослепительной улыбкой.

— Привет, Айрис!

Я в ответ машу ему рукой, потом показываю на прилавок:

— Вам что-нибудь заказать?

Он поднимает керамическую кружку, над которой поднимается облачко пара.

— У меня все есть, спасибо.

Я подхожу к прилавку, озвучиваю свой заказ девушке с дредами, а сама украдкой наблюдаю за ним краем глаза. Я забыла, какой он темный и… блестящий. Гладко выбритый череп сияет, руки в тех местах, где их не прикрывают рукава, гладкие и блестящие.

Я также не могу не заметить, что он очень привлекателен — с такой внешностью ему место на обложке глянцевых журналов или где-нибудь на красной дорожке. В тот день, когда проходила поминальная церемония, я чувствовала себя совершенно разбитой, и потому мне было не до его внешности, но теперь я вполне способна оценить его по достоинству, и не только я одна. Судя по горящим взглядам поверх кофейных чашек и накручиваемым на пальчики локонам, все присутствующие в кафе особы женского пола заметили его и стараются привлечь его внимание. Их полные невинности глаза сужаются, когда они замечают, что я двигаюсь в его направлении.

Я ставлю чашку на барную стойку и позволяю ему обнять меня, мягкий хлопок поверх твердых как сталь мускулов. От него исходит резкий запах стирального порошка и лосьона после бритья, от которого у меня начинает першить в горле.

— Приятно видеть вас снова. Как вы?

Дружелюбный. Сочувствующий. Искренний. Если он тот, кто прислал письмо, если он способен мучить вдову, отправляя ей строки, собственноручно написанные ее мертвым мужем, тогда он заслуживает по меньшей мере Оскара за свой актерский талант. Это не означает, что я позво-

лю ему усыпить мою бдительность. Вокруг нас немало хороших актеров, не всем из них нашлось место в Голливуде.

Я опускаюсь на табурет и пристраиваю сумку на крючок под барной стойкой.

— Как и можно ожидать при подобных обстоятельствах, полагаю. Спасибо, что согласились встретиться со мной и что принесли коробку с вещами Уилла. Мне особенно приятно было получить диск с фотографиями.

Большинство из них я видела прежде на телефоне Уилла или в «Фейсбуке», но было и несколько новых снимков, на которых они с Корбаном запечатлены в тренажерном зале среди других посетителей, лица блестят от пота, они обнимают друг друга за плечи. По их непринужденным улыбкам и раскованным позам видно, что их дружба не ограничивалась только общением во время тренировок, и при взгляде на эти фотографии боль снова начинала пульсировать у меня в груди. Почему Уилл скрывал от меня эту часть своей жизни?

— Уилл был хорошим другом. Лучшим, — говорит Корбан, в его голосе и на лице — скорбь, ну что ж, это очко в его пользу. — Я чертовски по нему скучаю.

— Я тоже. — Я сглатываю внезапно образовавшийся в горле комок, ругая себя за то, что ему все-таки удалось выбить меня из колеи. Я не собираюсь позволять ему так играть со мной, по крайней мере пока не удостоверюсь, что это не он отправил мне то письмо. Я обхватываю ладонью чашку с чаем, просунув палец в ушко ручки, и беру себя в руки.

— В газетах пишут, что на месте катастрофы начали извлекать тела погибших и отправлять семьям личные вещи.

Я киваю, свободная рука непроизвольно тянется к кольцу Уилла, висящему на цепочке у самого сердца, чувства начинают мне изменять, а глаза — проклятье! — наполняются слезами.

— Боже, Айрис. Я даже вообразить себе не могу, как вам сейчас, должно быть, тяжело. — Он дотрагивается рукой до моего локтя и слегка сжимает его. — Мне очень жаль.

«Мне очень жаль». Те же самые слова были в письме Уилла.

Хотя слова самые обычные, слезы на моих глазах высыхают, как от порыва ледяного ветра. Я опускаю взгляд в чашку с чаем. Это было намеренно? Или случайно? Мысль о том, что этот человек послал мне письмо, а потом дразнит меня, говоря

те же самые слова в лицо, проникает мне под кожу, словно назойливое насекомое. Я делаю глоток чая, но горячая жидкость только усиливает пламя, бушующее у меня внутри. Может ли Корбан на самом деле быть таким жестоким? Кто вообще может?

— Вы в порядке?

Забота, звучащая в его голосе, напоминает мне, что пора взять себя в руки и направить разговор в нужное русло. Я стираю с лица печаль и ставлю чашку обратно на блюдце.

— Все хорошо. Но я просила вас о встрече, потому что мне нужно кое-что вам сказать. — Я жду, пока он кивнет. — Я звонила в ЭСП, компанию, которая, по вашим словам, предложила работу Уиллу. Разговаривала с руководителем отдела по работе с персоналом. Она не знает Уилла и, что самое главное, сказала мне, что последняя руководящая позиция была закрыта больше восьми месяцев назад.

— Я не… — Взгляд Корбана не дает мне продолжать, а его темные брови — и ресницы, единственная растительность на его голове — ползут вверх. — Вы хотите сказать, что Уилл не получал работу в Сиэтле?

— Верно.

— Но… Я не понимаю. Зачем ему рассказывать мне про новую работу на Западном побережье, если это неправда? Зачем придумывать истории про будущих крутых коллег и про все эти клевые вещи, которые они делают на мероприятиях по тимбилдингу? Он говорил, что ездил с ними прыгать с парашютом и что на здании компании есть даже зип-лайн. Я хочу сказать, что все это такие мелкие подробности. С чего бы он стал все это выдумывать?

— Он не выдумывал. Я совершенно уверена, что он взял все это с сайта ЭСП.

— Но новая работа, переезд на Западное побережье, его беспокойство по поводу того, что вы не захотите оставлять свою семью… Это все выдумка?

— Ну, видимо, да.

Морщины на лбу Корбана становятся глубже, а в глазах загорается нечто похожее на разочарование. Его друг, которого ему чертовски не хватает, лгал ему. Его обида кажется такой искренней, что я решаю сменить тему:

— Уилл когда-нибудь рассказывал вам, откуда он родом?

Корбан пытается взять себя в руки, подтянув поближе затянутую в джинсовую ткань ногу в

красной кроссовке «Конверс» и постукивая ею по полу.

— О, конечно. У меня в Мемфисе живут две кузины, так что мы с Уиллом всегда обменивались впечатлениями. Оказывается, у нас было несколько общих мест.

— Уилл из Сиэтла.

— Ну да. — Корбан растягивает слова, словно хочет подыграть мне, но ноги прекращают выбивать дробь. — Но он переехал в Мемфис, когда ему было сколько, пять? Шесть? Я уверен, что это случилось, когда он был еще совсем ребенком. Уилл учился в Центральной, которая конкурировала со школой, в которую ходили мои кузины.

— Уилл учился в Хэнкок-Хай. В Сиэтле.

На этот раз Корбан замолкает надолго, и в воцарившемся молчании становятся слышны окружающие нас звуки кафе. Лицо у него становится растерянным, как будто он на полном ходу влетел в раскрытую дверь.

— Вы уверены?

— Абсолютно. В качестве доказательства могу показать классный альбом с фотографиями.

— Так, ладно. Это… — Он потирает ладонью свой сверкающий череп, и я вижу, как напряженно работает его мозг, стараясь сложить вместе

детали головоломки. И то, что у него ничего не выходит, сбивает Корбана с толку. — Простите, но я должен спросить. Зачем вся эта ложь?

— Это я и пытаюсь выяснить. Но если вам станет от этого легче, он врал и мне тоже.

Он наклоняет голову.

— Как же вы узнали про Сиэтл?

Я не вижу причин скрывать это от него, но стараюсь, чтобы мой ответ звучал как можно более неопределенно.

— Я получила открытку с соболезнованиями, подписанную «Школа Хэнкок, выпуск 1999 года». Одно привело к другому.

В ответ он резко кивает и снова надолго замолкает.

— Ну что ж, с одной стороны, я обескуражен, а с другой, каким-то странным, непостижимым образом все наконец обретает смысл.

— Что вы имеете в виду?

— Поведение Уилла в последнее время. Просто он казался таким… расстроенным и… не знаю, отстраненным. Мрачным и очень раздраженным. Пару недель назад один парень в зале сказал ему протереть тренажер, и Уилл просто обезумел. Он кричал и махал кулаками, мне пришлось буквально силой выводить его на улицу и там

успокаивать. Я никогда не видел, чтобы он так выходил из себя. Интересно, как одно было связано с другим, я имею в виду, он вел себя странно из-за всей этой лжи или ложь нужна была, чтобы скрыть что-то еще. Вы что-нибудь понимаете?

Внутри у меня поднимается целая буря эмоций, главная из которых — уже знакомая мне боль.

— К сожалению, да.

События последнего месяца проносятся у меня перед глазами, словно кадры кинопленки. Вот я готовлю ужин, а он вышагивает по заднему двору — телефон прижат к уху, лицо нахмурено — разговаривая с человеком, которого он назвал просто «коллегой». Я спускаюсь к нему по лестнице, потому что он уже добрых двадцать минут сидит в машине на подъездной дорожке, уставившись в пустоту. Я переворачиваюсь на кровати и вижу, что он не спит и смотрит на меня с выражением, которого я прежде не видела и не могу сказать, что оно означает. Когда я спросила его, в чем дело, он вместо ответа занялся со мной любовью.

Но «Эппсек» только что заполучила в качестве клиента городскую администрацию Атланты, и команда Уилла работала в условиях жесткого цейтнота. Он объяснял свое поведение стрессом на работе, и тогда я верила ему.

Или просто хотела верить.

А теперь? Теперь я уверена: было что-то еще. Нечто такое, что заставило Уилла сесть в тот самолет в Сиэтл.

— Вы знали его лучше, чем кто-либо еще, — говорит Корбан. — В чем, по-вашему, было дело?

Я долго обдумываю его вопрос, рассматривая со всех возможных точек зрения. Я думаю о сомнительном прошлом Уилла и о всем том негативе, которым была пропитана его жизнь в Сиэтле. Смертоносный огонь, уничтоживший жилой дом и забравший жизни матери Уилла и двух ни в чем не повинных детей. Его отец, одинокий, прикованный к постели в государственном учреждении для малоимущих. И это только те люди, о ком мне удалось узнать. А сколько их еще?

Я допиваю остатки чая, наблюдая, как на дне чашки образуется водоворот.

— Я думаю, что-то — или, скорее, кто-то — из его прошлого появился вновь и стал преследовать его. Поэтому он и вел себя так странно и по этой же причине оказался на борту самолета в Сиэтл.

Корбан не отвечает. Я поднимаю на него глаза, но он по-прежнему хранит молчание.

— Что?

— Я не хотел вам это говорить, но, судя по ва-

шему ответу, мне все же придется. — Он снова замолкает, глядя мне прямо в глаза и не давая отвести взгляд. Глаза у него такие черные, что зрачок сливается с радужкой. — За день или два до катастрофы Уилл позвонил и попросил меня об одолжении. Он заставил меня поклясться могилой матери, что я выполню его просьбу.

Корбан замолкает, и вместе с ним замирает мое сердце.

— Что вы должны были сделать?

— Я обещал, что, если с ним что-то случится, позабочусь о вас.

Вернувшись домой, я застаю гору сумок фирмы «Лоу», громоздящихся у стены в прихожей, и стоящего на коленях отца с дрелью в руках и в поясе для инструментов.

— Что происходит?

— Светильники у обоих выходов, вот что происходит. — Он роется в одной из сумок, вытаскивает пригоршню выключателей. — Вот эти я поставлю внутри, а снаружи есть датчики движения. Каждый, кто подойдет к дому ближе чем на полтора метра, окажется в круге света. В буквальном смысле слова.

— Это все из-за того письма?

— Из-за письма, эсэмэсок и того факта, что ты

живешь прямо в центре одного из самых опасных городов в стране. Еще я поменяю тебе замки и поставлю дополнительные засовы и цепочки. Да, и сегодня приедут из охранной компании, чтобы подключить твою сигнализацию к их центральной системе слежения.

Из гостиной с книгой под мышкой выходит мама.

— И я попросила его поправить входную дверь, чтобы она не заедала, закрепить шатающуюся половицу у кухонного стола и заменить ту резиновую штуку в туалете в холле, а то там кран подтекает.

— Клапан, — поясняет отец, вставая. — Она просила меня заменить резиновый клапан. Я захватил с собой достаточно, чтобы поменять все клапаны в доме. Ты мне еще спасибо скажешь, когда получишь следующий счет за воду.

— Уже говорю. — Мне удается произнести эти слова так, чтобы голос почти не дрожал, хотя на самом деле мне хочется разреветься из-за того, что Уилл никогда не выполнял моих поручений по дому. Что он там добавил к списку дел, когда мы лежали в постели в наше последнее утро? Мне не сразу удается вспомнить, что это было — фильтры для кондиционеров и масло для моей

машины. Я решаю, что, пожалуй, займусь этим сама.

Отец, слегка согнув колени, заглядывает мне в глаза.

— Если ты беспокоишься о расходах, то мы с мамой оплатим счет. Нам будет спокойней, если мы будем знать, что ты находишься в надежно защищенном доме, особенно сейчас, когда… Особенно сейчас.

Я знаю, что он хотел сказать: особенно сейчас, когда Уилла не стало. Он выглядит таким расстроенным и обеспокоенным, что я обхватываю его руками за талию и крепко прижимаюсь к нему, чувствуя, как на глаза снова набегают слезы.

— Теперь, когда я останусь тут одна, с работающей сигнализацией мне тоже будет спокойней. Спасибо тебе. Но я не хочу, чтобы платили вы.

— Все в порядке. — Отец целует меня в макушку и высвобождается из объятий, выуживая дрель из кучи сумок, где он ее оставил. Он нажимает на кнопку, сверло ввинчивается в воздух, потом отпускает палец. — Чуть не забыл, начальник Уилла оставил еще одно сообщение, пока тебя не было. Это уже пятое или шестое. Я так понимаю, ты ему все еще не перезвонила.

Я мотаю головой. С тех пор как узнала про

кольцо Уилла, я позабыла про Ника и про всех остальных.

— Тебе, наверное, стоит начать именно с него. Я подумал, что, может, ему нужно обсудить с тобой какие-то финансовые или организационные вопросы, которые не стоит откладывать на потом. Знаю, это неприятно, но тебе надо гасить ссуду на дом, и неплохо было бы рассчитать, как ты будешь справляться на одну зарплату.

— Пойдем. — Мама берет меня под руку и тянет по коридору. — Ты позвонишь этому Нику, а я приготовлю для нас чай. Да, и у меня еще есть брауни, если мальчики их все не слопали.

Я оглядываюсь в поисках Дэйва и Джеймса.

— Где они?

— Они ушли на почту — Дэйв говорил что-то про классный альбом, который он должен отправить, — а потом они собирались встретиться со старым другом Джеймса по школе. Судя по всему, он проиграл свою практику в джек-пот и теперь у него заведение на Пичтри-стрит, где подают изысканные бургеры. Семнадцать долларов за гамбургер, можешь себе представить? «Эрл-грей» подойдет?

— Вполне, спасибо. — Но мама не спешит доставать чайные пакетики. Она просто стоит и

смотрит на меня. — Что?

— Ну, вообще-то я хотела спросить, ты не думала по поводу похорон? О церемонии прощания, которая была бы немного более… частной, нежели та, которую устроила «Либерти эйрлайнс». Нет, все было прекрасно организовано, но как-то не имело отношения к Уиллу, ты понимаешь, о чем я?

Я киваю, потому что она права. Несмотря на отличную организацию, в церемонии прощания не было ничего личного. Песни были дурацкими, речи банальными, а имя моего мужа прозвучало всего один раз, когда зачитывали список пассажиров. Уилл заслуживает чего-то лучшего, нежели общая поминальная служба в парке, на которой было полно посторонних.

— Хочешь, я тебе помогу все устроить? — предлагает мама. — Поискать подходящее место? Я, разумеется, ничего не буду заказывать без твоего одобрения.

Я улыбаюсь, чувствуя, как меня согревает любовь к маме.

— Спасибо. Я тебе очень благодарна, правда.

— Вот и хорошо. Так и сделаем. А теперь иди позвони Нику. Его номер на стикере на кофемашине.

Пока мама гремит посудой на кухне, я отрываю стикер, набираю номер и нажимаю на кнопку «Вызов».

Ник отвечает после второго гудка:

— Ник Брэкман.

— Здравствуйте, Ник. Это Айрис Гриффит. Извините, что не перезвонила раньше, но я немного замоталась.

— Я понимаю. Как вы?

Этот же вопрос незнакомые люди задавали мне на церемонии прощания, я все время читаю его в глазах моих родителей. Эти же слова произнес Корбан во время нашей сегодняшней встречи. «Как вы?» Я понимаю, что все они желают мне добра, но разве Ник действительно хочет услышать, что я до сих пор сплю в пижаме Уилла, хотя его запах уже почти выветрился, или что я звоню на голосовую почту Уилла по двадцать раз в день, просто чтобы услышать его голос? Что по ночам я просыпаюсь от собственных слез, и это немногим лучше, чем когда я кричала в подушку от бешенства? Что банальные фразы, которые произносят все вокруг, вроде «всему есть своя причина» и «Уилл хотел бы, чтобы ты была счастлива», вызывают у меня желание врезать кому-нибудь? Что иногда я так явственно ощущаю присутствие

Уилла, что у меня перехватывает дыхание и волосы на загривке встают дыбом, но стоит мне обернуться, я нахожу лишь пустоту?

Вздыхаю, падаю на диван и говорю Нику то, что он хочет услышать:

— Я в порядке.

Думаю, единственное, что может быть хуже, чем вопрос Ника, — это день, когда люди перестанут его задавать.

— Рад это слышать. Если я что-то могу сделать…

Еще одна банальность, я подавляю рвущийся наружу вопль.

— Спасибо.

— Джессика собрала личные вещи из его офиса. Их не много. Пара книг, кружки, несколько фотографий в рамках. Думаю, она собиралась завезти их вам в эти выходные.

Конечно же он звонил мне не за этим — не ради этих бессмысленных клише и рутинных вопросов. Я сдержанно благодарю его, не слишком вежливо вынуждая продолжать.

Нику тоже надоедает ходить вокруг да около, или же он идет у меня на поводу.

— Послушайте, мне нужно кое о чем с вами поговорить, и мне бы не хотелось делать это по

телефону. Мы могли бы встретиться? Назовите место и время, и я все устрою.

— Ну, я только что вернулась домой, и…

— Вы живете в Инман-Парк, верно? — Я не отвечаю. Нику прекрасно известно, где я живу. Наш адрес есть в чеках на зарплату, которые он подписывает каждый месяц. — Как насчет в «Инман-Парк» через час? Лучший кофе в городе, я угощаю.

После утренней встречи с Корбаном я больше не могу думать о кофейнях, а поскольку последние несколько дней провела сидя взаперти — либо в гостиничном номере, либо в машине, либо в самолете, — мысль снова оказаться в замкнутом пространстве также не вызывает у меня восторга.

— Я встречусь с вами в «Инман-Парк», но, если не возражаете, давайте лучше прогуляемся по Белт-Лайн. Я давно не была на свежем воздухе.

— Договорились. Спасибо, Айрис. Увидимся через час.

Выходя из дома, чтобы встретиться с Ником, я набираю номер Лесли Томас, который дал мне отец. Она тоже снимает трубку после второго гудка.

— Прежде чем вы что-то скажете, — говорит

она вместо приветствия, — я хочу извиниться за то, что солгала вам тогда. Мне во что бы то ни стало нужно было получить материал. Я здесь всего несколько месяцев, и мне впервые представился шанс показать себя, и я зашла слишком далеко.

— А теперь? — Мой голос звучит холодно, поскольку я не собираюсь прощать ее. Мой гнев до сих пор не остыл. Эта женщина размахивала именем официантки у меня перед носом, словно морковкой. Иначе бы я ей не звонила. — Так что теперь? — Я опускаюсь на крыльцо, щурясь на солнце. — Вам все еще нужно во что бы то ни стало получить материал?

Она смеется, но в ее смехе больше иронии, чем веселья.

— Ну, мой шеф просто предложил мне выдать себя за сестру одного из пассажиров, чтобы разговорить вас.

Я отвечаю что-то неопределенное. Эта женщина один раз уже обманула меня. Кто может поручиться, что она не сделает это снова?

— Послушайте, я только хочу сказать, что терпеть не могу обманывать и намереваюсь загладить свою вину перед вами. И в качестве извинения кое-что вам скажу.

— Дайте угадаю. Имя официантки.

— Бывшей официантки. Ее зовут Тиффани Риверо, и она обслуживала некоего пилота и его шумных друзей, пока те не расплатились без четверти три утра в день катастрофы, выложив больше шести тысяч долларов.

У меня глаза лезут на лоб от ее слов и от суммы.

— Люди тратят шесть тысяч долларов в ночном клубе?

— Да, если они хлещут шампанское как лимонад, а эти ребята так и делали. А еще глотали колеса, будто это «Тик-так».

Я глубоко вздыхаю, производя в уме подсчеты. Если первый рейс в Атланту вылетает около шести утра, значит, из клуба пилот должен был сразу ехать в аэропорт, то есть перед полетом он практически не спал, не говоря уже о том, что именно и в каких количествах употреблял в ту ночь.

— Мы не знаем наверняка, пил ли пилот.

— Тиффани говорит, что пил. Они все напились в хлам. А самое интересное — все, что она рассказала мне, она рассказала и представителям «Либерти эйрлайнс». И что они ответили? Что она, должно быть, ошибается, что существуют процедуры и протоколы, призванные гаранти-

ровать: пилот не войдет в кабину, если не будет стопроцентно трезв и способен полностью оценивать ситуацию. Они пытались заставить ее думать, что ей все это показалось.

Я чувствую ужасный холод внутри, который расползается по всему телу, словно раковая опухоль. В «Либерти эйрлайнс» знают о том, что пилот был на холостяцкой вечеринке с алкоголем и наркотиками, но они ничего не сделали. Они просто промолчали. Я думаю о семьях, которые видела в аэропорту и на траурной церемонии, об их слезах и их почти физически ощутимом горе, и волна беспомощной ярости почти сбивает меня с ног. Уилл мертв из-за безответственности пилота и халатности авиакомпании.

— Почему вы мне все это рассказываете? Я полагаю, эта история скоро появится на первых страницах газет и в интернет-изданиях по всему миру.

— Вы правы, но меня мучают угрызения совести, и я хотела, чтобы вы узнали обо всем первой. И еще мне нужно было убедиться, что вы понимаете, каких ожидать последствий. — Она медлит, повисает недолгое, но тяжелое молчание, и ее шутливый тон становится серьезным. — Будет расследование, Айрис, и, если эта девица

Тиффани не врет, если все, что она говорит, подтвердится, вы и другие семьи возьмете «Либерти эйрлайнс» за яйца.

19

Когда я сворачиваю за угол к «Инман-Парк», Ник стоит на тротуаре, в кулаке у него зажаты две бутылки с водой. Белокурые волосы, громадные руки и ноги, рыхлый живот, выпирающий из-под заправленной в брюки рубашки, словно наполовину надутый баллон. Должно быть, мне было даже хуже, чем я думала, если я не запомнила его на церемонии прощания. Большой и грузный, он точно не из тех парней, кого можно не заметить. Пара, судя по их виду, абсолютно новеньких, только что из коробки, кроссовок «Найк» выглядывает из-под брюк цвета хаки, и мне внезапно становится неудобно, что я вытащила его гулять посреди рабочего дня.

— Здравствуйте, Ник.

— Здравствуйте, Айрис. Спасибо, что согласились встретиться со мной. Вы готовы?

Я пытаюсь уловить его настроение, но его глаза скрыты большими темными солнечными очками, а интонация и выражение лица сдержанны.

— Всегда готова.

Сейчас я совершенно уверена: о чем бы Ник ни

собирался со мной разговаривать, это не сулит ничего хорошего. Иначе с чего ему звонить мне шесть раз за каких-нибудь пару дней и настаивать на личной встрече? Если у меня и были сомнения, его приветствие и язык тела только что развеяли их, превратив мои подозрения в страх, такой же темный и липкий, как смола.

Он протягивает мне бутылку, холодную как лед и запотевшую, и мы направляемся по аллее, ведущей к тропе, в тяжелом молчании, от которого у меня начинает сосать под ложечкой.

Как и в любой другой солнечный весенний день Атланта Белтлайн, сеть парков и троп, протянувшаяся по территории неиспользуемого железнодорожного коридора, многолюдна. Мамочки в спортивных костюмах от «Лулемон» катят перед собой коляски, соревнуясь за место на дорожке с бегунами, собачниками и школьниками на скейтбордах. Мы с Ником вливаемся в их ряды, следуя по тропе, ведущей на север в направлении виднеющихся в отдалении высоток Мидтауна.

— Мне невероятно трудно, — начинает он, когда мы выходим из тени от эстакады Фридом-Парквей, и, хотя на его офисной рубашке тут же начинают проступать пятна пота, я понимаю,

что причиной тому не наша пешая прогулка. Голова у него опущена, взгляд приклеен к тротуару. — Я взял вашего мужа на работу. Я учил его. За те восемь с лишним лет, что он работал у меня, я шесть раз повышал его в должности. Не потому, что этот парень мне нравился — это так и было, — а потому, что он того заслуживал.

— Хорошо… — Я растягиваю это слово, сердце бьется слишком быстро, почти выпрыгивая из груди. Я чувствую, что сейчас последует «но». Это ощущение давит на меня, словно наэлектризованная грозовая туча, заставляя каждый волосок на моем теле встать дыбом.

— Я не знаю, насколько хорошо вы разбираетесь в нашем деле, но большинство инженеров не интересует, откуда берутся деньги. Уилл был одним из тех немногих, кого это интересовало, но он думал и о том, как сделать, чтобы денег стало больше. Одна из причин, по которой он так блестяще справлялся со своей работой, заключалась в том, что он умел придумывать вещи, о желании иметь которые заказчик даже не догадывался до тех пор, пока он их ему не показывал. — Он хватает меня за локоть, увлекая к краю тропы, чтобы уступить дорогу троице велосипедистов. — Парень был гением, но уверен,

вам это уже известно.

— Да.

— Это одна из причин, почему у нас ушло так много времени. Уилл был последним, кого мы стали бы подозревать, мы и предположить не могли.

Его слова проникают мне под кожу, одновременно в груди нарастает отчаяние. И я уже больше не в силах скрывать свое нетерпение.

— Простите, Ник. Но прошлой ночью я спала в самолете, а до этого неделю, можно сказать, не спала совсем. Я устала и почти совсем без сил, так что, пожалуйста, не могли бы вы сразу перейти к делу и сказать мне то, ради чего пришли сюда?

Он останавливается посреди тропы, развернувшись ко мне всем своим большим телом.

— С наших корпоративных счетов пропали деньги.

Ледяной снаряд ударяет меня в грудь и взрывается, сковывая холодом все тело, внезапно все становится на свои места. Это напоминает один из психологических тестов, которые я даю ученикам, где предлагается понять смысл предложения, несмотря на то что большинство слов в нем отсутствует. В данном случае не хватало слов: «Ваш муж вор».

Я обхватываю себя руками, дрожа всем телом, несмотря на то, что столбик термометра приближается к двадцатиградусной отметке.

— Сколько?

Он пожимает мясистыми плечами:

— Трудно сказать точно. Бухгалтеры-криминалисты еще…

— Бухгалтеры-криминалисты? — Эти слова пронзают меня точно молния, заставляя мои резиновые подошвы прирасти к земле. Я не большой спец в финансах, но этот термин мне известен. Бракоразводные процессы в семьях учеников Лейк-Форест всегда проходят при участии одного из этих ребят, специализирующихся на выявлении скрытых финансовых резервов. В прошлом году мать Дженнет Дэвис, благодаря нанятым ею следователям, сумела заполучить половину офшорных счетов своего будущего экс-супруга.

— Как я говорил, до тех пор, пока бухгалтер-криминалист не представит нам свой итоговый отчет, мы не знаем точную цифру.

— Ну хотя бы приблизительно.

— Четыре миллиона четыреста семьдесят три тысячи. — Ник кашляет в кулак. — И будет еще больше.

— Так. А у меня вы хотите узнать, не заметила ли я лишние четыре с половиной миллиона на нашем общем банковском счете? — Слова на вкус как бамия, такие же колючие и склизкие.

— Нет, но… — Ник морщится. — Я… думал, может, вы что-то знаете.

Я широко распахиваю глаза.

— Нет, господи, нет. Конечно нет.

— На кону моя задница, Айрис. В следующем году мы собираемся стать акционерным обществом, и совет директоров требует от меня отчет. Никто не хочет покупать акции компании, чей внутренний регламент допускает, чтобы сотрудники исчезали с четырьмя с половиной миллионами. Пожалуйста, если вы что-то не сказали мне…

— Он не исчезал, Ник. Он сел в самолет, а тот рухнул с небес. — Я думаю о том, что мне сказала Лесли Томас, о полусонном пилоте, севшем за штурвал самолета с похмелья, и меня снова начинает тошнить.

Он морщится.

— Я знаю это, и мне чертовски жаль. Но я просто хочу сказать, что считал Уилла своим другом, и отчасти поэтому мне бы хотелось, чтоб все это осталось между нами.

— В каком смысле?

— В том, что если мы вернем деньги и поправим бухгалтерию, то на этом все и закончится. Это останется между нами, никаких вопросов. В этом случае меня не будет волновать, что и как. Мне просто нужно вернуть эти деньги.

— Вы действительно думаете, что мне известно, где они?

Он смотрит на меня с извиняющейся улыбкой, но она не смягчает его следующие слова:

— А вам известно?

Внутри меня нарастает гнев, безмолвный и стремительный.

— Вы же не можете спрашивать меня об этом всерьез?

Его молчание говорит мне, что он может. Внезапно меня начинает тошнить, в желудке у меня настоящая революция — слишком много чая и маминых брауни, — и я боюсь, что она может выплеснуться прямо на новенькие кроссовки Ника.

— Я уверена, что все это недоразумение.

— Нет. — Ник решительно качает головой.

— Откуда вы знаете, что деньги взял Уилл?

— Я не могу вам сказать.

— Четыре с половиной миллиона не могли исчезнуть за одну ночь. На это должны были

потребоваться годы. И никто ничего не заметил?

— Этого я тоже не могу сказать. Я уже и так сказал слишком много. Мои адвокаты будут вне себя, когда я поведаю им об этом разговоре.

Адвокаты. Бухгалтеры-криминалисты. Большим пальцем я машинально кручу кольцо от Картье на безымянном: за последнюю неделю у меня появилась привычка вертеть кольцо каждый раз, когда я думаю про Уилла. Возможно, причиной тому то, как он преподнес мне его, неожиданно и с глазу на глаз, или, может быть, дело в его словах — «ты, я и будущий малыш». Но по какой-то причине, по множеству разных причин прикосновение к нему давало мне утешение.

До сих пор.

Тут я понимаю, что Ник заметил кольцо, и у него между бровей пролегла еще одна складка.

Я сую руки в карманы толстовки.

— Я ничего не знаю про деньги и могу уверить вас, что их нет на нашем банковском счете.

Он не отвечает целую вечность. Люди обходят нас со всех сторон, проносясь мимо на роликовых коньках и скейтбордах, а Ник просто стоит, перегородив грузным телом полдороги, и смотрит на меня ничего не выражающим взглядом. Я знаю,

что он делает. Он ждет, что я начну убеждать его, что это неправда, что следователь ошибается, что Уилл Гриффит не мог украсть ни у него, ни у кого-либо еще, но мне не удается выдавить из себя хотя бы слово. Если мой муж смог когда-то поджечь дом вместе со спящими в нем людьми, кто поручится, что он не мог увести деньги со счета своего работодателя? Я стою перед ним, прикусив кончик языка, и чувствую, что вот-вот расплачусь.

Ник принимает мое молчание за ответ и грустно улыбается, прежде чем уйти тем же путем, каким мы пришли сюда.

— Простите, Айрис, но я намерен вернуть эти деньги, даже если для этого понадобится уничтожить вас и покойника.

После ухода Ника я выбрасываю бутылку с водой в урну и решаю пробежаться. Стоит чудесный весенний день, и воздух наполнен звуками, какие можно услышать погожим, солнечным деньком в большом городе: жужжание машины для уборки листьев, мелодичный лай собак на поводках, отдаленный гул автомобилей и громкий стук моих кроссовок по дорожке. Восемь дней без нормальной еды и физической нагрузки сделали мои мышцы слабыми и неэластичными,

и каждый шаг воспринимается как наказание, но слова Ника преследуют меня, и мне необходимо сжечь всю эту нервную энергию, пульсирующую в костях.

Нам с Уиллом нравился Белтлайн. Нравились объекты городского искусства и силуэты небоскребов на фоне неба и растянувшиеся на многие мили парки и зеленые зоны.

Мы любили исследовать его, оседлав наши парные велосипеды, такие старомодные машинки с тремя скоростями, металлическими звонками и плетеными корзинами на руле. Уилл удивил меня, преподнеся их в качестве подарка на мой день рождения.

— Ты понимаешь, что это значит, да? — спросила я, забравшись на свой и катаясь на нем туда-сюда по улице с громкими воплями.

Уилл улыбался, стоя уперев руки в бока в конце подъездной дороги и наблюдая за мной с высоты.

— Больше не будет счетов от «Убера»?

Я рассмеялась.

— Да, плюс если мы доедем на велосипеде до Мидтауна и обратно, то за обедом я смогу съесть картофель фри, не испытывая при этом угрызений совести.

Мы использовали любую возможность покататься на велосипеде. Отправлялись на прогулки в солнечные выходные и теплые вечера, ездили на них в рестораны и бары или катались просто так, и мы были той самой несносной парой, которую обсуждал весь Белтлайн, потому что мы ехали назад, взявшись за руки.

А сейчас, если верить всему, что я сегодня услышала, оказалось, что этот человек — преступник. Лжец и вор, который весь последний месяц свой жизни пребывал в дурном настроении. Он тот, кого выслеживали Ник и его бухгалтер-криминалист. Не нужно быть гением, чтобы понять, что Уилл чувствовал себя загнанным в угол.

Я бегу мимо вышек сотовой связи и расписанных граффити стен, мимо таунхаусов, парков и ресторанов, сейчас там «счастливый час», и на террасах полно народу. Солнце печет голову, и я останавливаюсь на обочине тропы, чтобы снять толстовку. Когда я завязываю ее вокруг пояса, на пальце вспыхивает на солнце кольцо.

Когда на прошлой неделе я просматривала наши банковские выписки, видела я среди статей расходов «Картье»? Я зажмуриваюсь и пытаюсь вспомнить. Вне всяких сомнений, я должна была заметить такую статью — дизайнерские

брильянты стоят недешево. Я вытаскиваю из кармана телефон, проверяю оба приложения — банковское и для кредитных карт. Никаких следов дорогих покупок. Как и четырех с половиной миллионов, кстати.

Так как же Уилл заплатил за кольцо?

От этого вопроса в груди начинает тупо пульсировать, и я возвращаюсь к машине.

Магазин «Картье» располагается в самом центре универмага «Нейман Маркус» на Ленокс-сквер, между другими элитными брендами. Я торопливо шагаю по широкому проходу мимо «Тесла», «Луи Виттон» и «Прада», жалея, что у меня не было времени сменить беговой костюм и, может быть, что-то сделать с волосами.

За тяжелой стеклянной дверью расположился охранник в форме. Он смотрит на меня сквозь витрину оценивающим взглядом, в котором ясно читается: «Вы уверены, что вам сюда?» Я вздергиваю подбородок и протягиваю руку к латунной ручке, но он бросается к двери прежде, чем я успеваю дотронуться до нее.

— Доброе утро, мэм, — говорит он, поспешно распахивая дверь. — Добро пожаловать в «Картье».

Все здесь кричит о дороговизне. Темные дере-

вянные панели, роскошный ковер, сверкающие ювелирные изделия, парящие в витринах из цельного стекла. Одни только цветочные композиции стоят столько же, сколько я плачу в месяц за электричество. Стоя среди них, я начинаю нервничать, будто кто-то здесь может понять, что я тут чужая, самозванка. Я оглядываюсь, но кроме охранника и белокурой продавщицы, полирующей жесткий золотой браслет куском темно-красной ткани, в магазине никого нет.

Продавщица смотрит на меня с улыбкой:

— Могу я вам помочь?

У нее сильный русский акцент, и она являет собой воплощение всего того, что вы когда-либо слышали о «невестах по почте» из Восточной Европы. Высокая и худая, крашеная блондинка, надушена чуть больше, чем следует. Ногти слишком длинные, а макияж чересчур яркий, щедрые изгибы ее тела затянуты в слишком короткий и слишком тесный костюм. Тем не менее она удивительно хороша, хотя и не излучает душевного тепла.

Я утыкаюсь взглядом в бейдж с ее именем.

— Здравствуйте, Наташа, мой муж был здесь недавно и приобрел это для меня. — Я демонстрирую свою правую руку, и ее брови приподы-

маются совсем чуть-чуть, уж не знаю, что тому виной — ботокс, умело подавленное удивление или то и другое вместе. — Я подумала, может, вы посмотрите детали покупки.

— Это подарок, нет?

— Да.

— Вам не нравится?

— Нет, очень нравится. Просто я… — Я вытягиваю руку и начинаю разглядывать три толстые полоски из золота и брильянтов. Я просто что? Подозреваю, что мой муж купил его на ворованные деньги? Думаю, что в чеке может быть подсказка, где он прячет то, что осталось от четырех с половиной миллионов? — Мне нужны документы для страховки.

— А-а, конечно, — говорит она. Кладет браслет обратно в витрину, закрывает ее и опускает ключ в карман пиджака, затем жестом приглашает меня следовать за ней к изящному столу вишневого дерева, стоящему вдоль правой стены. — Пожалуйста, присаживайтесь.

Я опускаюсь на мягкий стул напротив нее.

— Как зовут мужа? — Она достает из ящика стола беспроводную клавиатуру и разворачивается к монитору.

— Уильям Гриффит. Он был здесь две или три

недели назад, я полагаю.

По ее лицу я вижу, что она его вспомнила, и на нем появился отблеск улыбки.

— Повезло вам. Интересный мужчина.

— Вы помните его?

— Я продала ему кольцо.

Я пытаюсь представить, как мой муж склоняется над сверкающими витринами, он раздраженно хмурится, пока пышногрудая Наташа помогает ему выбрать идеальный подарок. Хотя и будучи красавчиком, он никогда не любил ходить по магазинам, и всегда ненавидел этот торговый центр. «Зачем толкаться в толпе? — говорил он. — Все, что нужно, я могу купить через Интернет, и мне доставят заказ прямо к порогу».

— Ваш муж хорошо подготовился. Он знал, какое кольцо, какой размер. Самая быстрая продажа в моей практике.

Я верю ей, в ее изложении события приобретают больше смысла. Конечно, он тщательно изучил их сайт, прежде чем прийти, и наверняка даже предварительно позвонил, чтобы убедиться, есть ли кольцо в наличии. Очень может быть, что Наташа ждала его у дверей с упакованным кольцом и терминалом для оплаты картой. Вошел, вышел, вернулся к своим делам.

Она нажимает на кнопку на клавиатуре, и принтер с жужжанием оживает.

— Он расплатился точно до цента.

Я вежливо киваю, но, когда до меня доходит смысл ее слов, по спине пробегает холодок.

— Постойте. Вы сказали, он расплатился за кольцо наличными?

Она наклоняет голову, но только чтобы кивнуть, и отвечает по-русски:

— Да.

— О какой сумме идет речь?

— Двенадцать тысяч четыреста долларов плюс налог.

Она озвучивает сумму так небрежно, словно речь идет о пачке сахара, в то время как я пытаюсь сообразить, есть ли у меня что-то, стоящее такую же кучу денег. Ипотека на дом. Банковский кредит на четырехлетний автомобиль. Даже мое брильянтовое обручальное кольцо, скромный камень в платиновой оправе, стоило дешевле.

Внезапно кольцо начинает сдавливать мне палец, словно на него намотали три тугие резинки.

— Двенадцать… двенадцать тысяч четыреста долларов?

— Плюс налог. — Она берет бумаги из принтера и вкладывает их в красную кожаную папку,

сверившись с цифрами на экране. — Тринадцать тысяч двести шестьдесят восемь.

С налогом или без, сумма все равно остается непомерной.

Я смотрю на чек, вылезающий из принтера, и думаю, интересно, купил ли он в тот день что-то помимо кольца, раз уж четыре с половиной миллиона так жгли ему карман. Как он собирался спрятать такую кучу денег? Где он ее спрятал? В коробке под половицей? В сейфе на чердаке? Или ему понадобилась одна из тех огнестойких систем для хранения, рекламируемых на щитах вдоль Даунтаун-коннектора?

И самое главное: как мне ее найти?

Продавщица пододвигает буклет ко мне.

— Скажите мужу, Наташа передает привет.

20

Вернувшись в машину, я раскрываю красную кожаную папку и просматриваю бумаги, которые вложила в нее Наташа. Сертификат подлинности кольца. Условия возврата. Счет и квитанция об уплате налога. Я провожу пальцем по подписи Уилла, нацарапанной внизу страницы, сглатывая внезапно образовавшийся в горле комок. Вполне возможно, что Уилл купил это кольцо на украденные деньги, но это не отменяет того факта, что он купил его для меня. Он не побоялся прийти в молл и выбрать подарок, который что-то значил бы для меня. Для нас. Розовый цвет — любовь, желтый — верность, белый — дружба. Он, я и будущий малыш. Не важно, каким было его прошлое, не важно, где он взял деньги и как заплатил за кольцо, оно мое. Я никогда не сниму его.

И тут мой взгляд падает на реквизиты в счете. Под именем Уилла, под нашим домашним адресом указан неизвестный мне номер телефона. Вначале стоит один из телефонных кодов Атланты — 678, но остальные цифры мне незнакомы. Это точно не номер сотового Уилла, потому что

тот начинается на 440.

Может, это его рабочий номер? Уилл всегда звонил мне с неизвестных номеров и говорил, что у меня должен быть только его мобильный, прямой телефон Джессики и основной номер «Эппсек».

Я открываю в телефоне страницу с его контактами и сверяю номера офисных телефонов с номером на квитанции из магазина. Ни один из них не совпадает.

Ну… и что это означает? Наташа указала неверный номер, когда вводила его в систему? Уилл дал ей несуществующий номер, чтобы не получать рекламную рассылку от магазина? А потом меня осеняет. Что, если у Уилла был второй сотовый, о котором я не знала? Другая жизнь, другая жена? Эта мысль — словно удар в живот, от которого начинает болеть внутри.

Пока моя решимость не улетучилась, я набираю номер, нажимаю на «вызов» и, затаив дыхание, слушаю гудки по установленной в машине системе громкой связи. Один, два, три. После четвертого гудка меня перенаправляют в голосовую почту, генерируемый компьютером голос повторяет мой номер и просит оставить сообщение. Я успеваю нажать на отбой раньше,

чем раздается сигнал.

И что теперь? Я кусаю губу, смотрю через лобовое стекло на людей, передвигающихся по парковке, и обдумываю ситуацию. Может, это просто ошибочный номер, а если нет? Что, если он действительно принадлежал Уиллу? Мобильный телефон нужно оплачивать. Что, если я смогу отследить номер? Приведет ли это меня к банковскому счету, о котором я не знала и на котором лежит кругленькая сумма, украденная у «Эппсек»?

В руке начинает вибрировать телефон, и я подпрыгиваю на сиденье. Брат. Я делаю такой глубокий вдох, какой только могу, заклиная сердце биться потише, и отвечаю по громкой связи:

— К твоему сведению, ты меня до смерти напугал, и теперь мне придется идти обратно в молл, чтобы пописать.

— А к твоему сведению, мама думает, что ты упала в Чаттахучи. Подожди, а что ты делаешь в молле? Я думал, ты встречаешься с боссом Уилла.

— Так и было. — Я сую телефон в держатель для чашки, откидываюсь на сиденье и быстро, но подробно пересказываю Дэйву свой разговор с Ником. Про пропавшие деньги, про то, что Ник за-

метил кольцо, про то, как он ждал слова, которые я не смогла заставить себя произнести: «Мой муж этого не делал. Он невиновен». — Они наняли адвокатов, Дэйв. Ник сказал, что, если придется, он уничтожит Уилла, но доберется до денег.

— Конечно. Никто не позволит просто сбежать, прихватив четыре с половиной миллиона. А это значит, что тебе тоже нужно нанять адвоката. Надо позаботиться, чтобы все это не ударило по тебе.

Я чувствую, как позвоночник распрямляется вдоль кожаной обивки сиденья.

— Не ударило что? Я не украла ни цента. — Произнося эти слова, я вспоминаю предупреждение Ника. Он сказал мне, что, чтобы вернуть деньги, уничтожит и меня тоже, и по коже пробегает холодок.

— Может, и нет, но, если Уилл на украденные деньги покупал что-то, чем вы пользовались вдвоем, — машины, мебель, путевки и тому подобное, — как его жена, ты можешь быть привлечена к ответственности. Они могут добраться и до тебя.

Я снимаю правую руку с руля, на пальце поблескивает «Картье».

— Уилл заплатил за кольцо наличными.

В машине повисает многозначительное молчание.

Я роняю голову на грудь и несколько раз ударяюсь лбом о рулевое колесо.

— Как это произошло? Как всего за неделю я из счастливой жены превратилась во вдову, носящую ворованные драгоценности?

— Сейчас не время жалеть себя, Айрис. Нужно найти и нанять самого лучшего адвоката в городе.

Мои мысли устремляются к Эвану Шеффилду, двухметровому адвокату, которого я встретила на церемонии прощания, потерявшему в катастрофе жену и маленькую дочку. Я думаю о нем и лежащем на его плечах тяжком бремени, и меня снова захлестывают эмоции. Шок. Ярость. Горе. Я представляю, как сижу напротив него, глядя в его печальные глаза, и рассказываю об исчезнувших четырех с половиной миллионах, и меня начинает трясти от страха.

— Я сегодня позвоню кое-кому, — говорю я, поднимая голову и видя перед собой парковщика, который стоит перед капотом моей машины и с беспокойством смотрит на меня. Я выдавливаю из себя жалкую улыбку, давая ему понять, что со мной все в порядке, и он удаляется.

— А пока, будь другом, не говори ничего маме и папе, хорошо? Отец и так грозится оплатить установку сигнализации, и я не хочу, чтобы они беспокоились еще больше.

— Ты уверена, что это хорошая идея? — спрашивает Дэйв, и в этот момент я слышу сигнал о поступившем сообщении. — Ты не можешь…

Дэйв продолжает что-то говорить, но я больше не слушаю его. Я смотрю на сообщение, отправленное с номера, начинающегося на 678: «Привет, Айрис. Где ты взяла этот номер?»

Внутри у меня все обрывается. Дрожащими пальцами я печатаю ответ: «Откуда вы знаете мое имя? Кто вы?»

На дисплее видно, что мой собеседник печатает. Я задерживаю дыхание и жду ответа.

— Э-эй, — раздается из динамиков голос Дэйва. — Айрис, ты там?

Не отрывая взгляд от экрана мобильного телефона, я нажимаю кнопку на руле, чтобы завершить разговор. Через несколько секунд экран вновь загорается.

> «Этот номер знал только один человек, и сейчас он мертв. У тебя есть то, что он взял у меня?»

К горлу подступает тошнота. Кто бы ни был на том конце провода, он спрашивает про деньги. Сообщник?

Я: «Я не буду отвечать на вопросы, пока вы не скажете мне, кто вы».

678-555-8214: «Это не переговоры. Я хочу свои деньги».

Я: «Какие деньги?»

678-555-8214: «Скажи, где Уилл спрятал деньги, или присоединишься к нему».

Я еду домой длинной дорогой, медленно двигаясь по Ленокс-Роуд, словно в тумане. Телефон валяется на полу рядом с пассажирским сиденьем, куда я швырнула его, словно горячую картофелину. Я едва замечаю, как внушительные особняки и идеально ухоженные газоны уступают место стрип-клубам, магазинам нижнего белья с затемненными окнами и мужским клубам на Чешир-Бридж. Я медленно тащусь, пристроившись в хвост вереницы неспешно катящих автомобилей с иногородними номерами и останавливающихся на каждом шагу автобусов. Пальцами я намертво вцепилась в руль, рискуя, того и гляди, разломить его пополам.

Прежде никто и никогда не угрожал меня

убить. И хотя угроза была получена по эсэмэс и прислана бог знает откуда, возможно, даже с другого конца земли, слова холодными ударами отзываются у меня в животе.

«Скажи мне, где Уилл спрятал деньги,
или присоединишься к нему».

На светофоре я наклоняюсь, чтобы взглянуть на телефон. Слава богу, по-прежнему ничего. Кто бы ни был человек, писавший мне с номера с кодом 678, я ни секунды не сомневаюсь, что угроза вполне реальна. Этот человек знает Уилла, знает про четыре с половиной миллиона и думает, что я знаю, куда Уилл их спрятал. Люди убивают и за меньшее.

Мне в голову приходят сразу два вопроса. Первый: откуда отправителю известно, что он пишет именно мне? Для этого у него уже должен быть номер моего мобильного, но откуда? Второе: если это не номер Уилла, почему он назвал его Наташе? Почему указал его в квитанции на покупку, сделанную на ворованные деньги?

Машина позади меня сигналит, и, подняв голову, я вижу, что на светофоре уже горит зеленый. Я роняю телефон на пол и нажимаю на газ, пристраиваясь за белым джипом.

А потом еще одна мысль заставляет меня крепче вцепиться в руль. Может скрытый номер и номер, начинающийся на 678, принадлежать одному и тому же человеку?

Я обдумываю эту мысль со всех сторон. Тот парень из компьютерного отдела в «Бест-Бай» сказал, что сообщения, приходившие на мой телефон со скрытого номера, отправлялись с мессенджера и поэтому их невозможно отследить. Что, если на телефоне с номером 678 тоже установлен мессенджер? Тогда вполне вероятно, что они отправлены с одного телефона.

Я сворачиваю направо на Норт-Хайленд-авеню и следую по двухполосной дороге через центр зеленого района Вирджиния-Хайленд. Сейчас уже около шести часов, самый час пик, и на улицах и тротуарах настоящее столпотворение. Я двигаюсь черепашьим шагом, одновременно стараясь убедить себя, что все сообщения посланы одним и тем же человеком, но не могу. Тон, в котором они написаны, абсолютно разный.

Я ныряю на парковку, нащупываю на полу телефон и просматриваю сообщения со скрытого номера. По сравнению с угрожающим посланием, присланным с номера 678, они кажутся почти безобидными. Они убеждают меня ехать

домой, не верить всему, что я услышу про Уилла в Рейнир-Виста. Как будто кто-то не хочет, чтобы я узнала правду про Уилла.

Я размышляю о том, кто может желать, чтобы я оставалась в неведении относительно прошлого Уилла, кто может что-то выиграть или потерять в случае, если я о нем узнаю, и прихожу к выводу, что единственный, кто это может быть, — это… Уилл. Уилл не хотел, чтобы я знала, и поэтому врал про родителей, свое прошлое, свои корни в Рейнир-Виста и Сиэтле. Уилл, вероятнее всего, и есть тот, кто посылал мне эти сообщения.

Чего, конечно, не может быть. Покойник не может посылать эсэмэски.

А потом я вспоминаю слова Корбана про то, как Уилл заставил его поклясться могилой матери: «Я обещал, что, если с ним что-нибудь случится, я о вас позабочусь». Скрытый номер принадлежит Корбану, анонимному защитнику, исполняющему обещание, данное погибшему другу? Я обдумываю эту новую вероятность, но чувствую, что в ней есть что-то неправильное, что-то не сходится.

И тут меня осеняет. Корбан тоже не знал о том, какое прошлое было у Уилла в Сиэтле. Он был потрясен так же, как я, когда узнала о нем. Ну,

или этот человек первоклассный актер.

Я чувствую, как меня охватывает разочарование, включаю заднюю передачу, разворачиваюсь и на полной скорости еду домой. Где искать помощь? Обратиться в полицию, чтобы они отследили номер 678? Может, мне нужно рассказать им про то, как Ник угрожал уничтожить меня, чтобы вернуть деньги? Возможно, Ник стоит за этими сообщениями?

Но что, если Дэйв прав? Меня могут привлечь к ответственности. И еще они могут попытаться забрать кольцо. Я разжимаю пальцы, держащие руль, и кольцо вспыхивает в лучах солнца, падающих через лобовое стекло. Я представляю себе, как снимаю кольцо с пальца и опускаю его в пакет для вещдоков, и чувствую, как в груди нарастает паника. Я вспоминаю мягкую улыбку Уилла в тот момент, когда он надевал кольцо мне на палец утром того дня, когда он погиб, и рука непроизвольно сжимается в кулак.

Им придется отрезать мне палец, чтобы снять кольцо.

Моя система устарела. Так говорит мне мастер из фирмы по установке сигнализации — пузатый мужик, попросивший меня называть его Большой Джим, — не успеваю я переступить порог

дома. И еще что-то про панели и датчики движения, слишком примитивные с точки зрения новейшей технологии, которая работает через GSM, а не через телефонные кабели. Он сообщает мне все это в бессвязной, иносказательной манере, используя слишком много слов для того, чтобы передать суть.

Я прерываю его на полпути в никуда, смягчая свои слова улыбкой:

— А как-нибудь можно узнать, сколько это будет стоить?

Большой Джим отвечает мне широкой улыбкой, обнажая неровные, желтые зубы.

— Узнать-то можно, но я как раз собирался сказать вам как-нибудь помягче, чтобы не слишком вас испугать.

— Это как отрывать пластырь. Просто сделайте это быстро, и покончим с этим. Так будет наименее безболезненно.

— Шесть сотен баксов. — Он протягивает мне написанный от руки перечень услуг, постукивая карандашом по губам. — Это за то, чтобы установить новое оборудование плюс поставить датчики разбития стекла в комнатах на первом этаже, заменить ваши старые панели и добавить еще одну новую на стену в вашей спальне, после

чего ваша система начнет отвечать требованиям нашего базового пакета.

Лежащий в кармане сотовый жжет мне бок, в мозгу вспыхивают угрожающие слова. «Скажи мне, где Уилл спрятал деньги, или присоединишься к нему».

— Сколько стоит ваша система? — спрашиваю я.

Большой Джим высоко приподнимает бровь.

— Вы имеете в виду камеры и двустороннюю голосовую связь и тревожные кнопки?

— Это лучшее из того, что у вас есть?

— Да, мэм, последняя разработка. Идет в комплекте с системой видеонаблюдения, с помощью которой вы можете контролировать свой телефон или компьютер.

— Продано.

— Но я не сказал вам цену.

— Я заплачу любую. А если вы установите все сегодня, получите дополнительный бонус в виде домашнего ужина и щедрых чаевых. Судя по запаху, сегодня у нас спагетти. — Я одариваю его улыбкой, которая должна означать «это ваш счастливый день». — Мамины фрикадельки — лучшие в мире.

Он покачивается на каблуках и фыркает.

— Договорились.

Я оставляю его делать свою работу и прохожу по коридору на кухню, где мама возится у плиты, помешивая что-то в кастрюле такого размера, что хватило бы накормить весь квартал. Она слышит, как я бросаю сумку на стол, и улыбается мне через плечо.

— Привет, милая. Ты как раз вовремя. Ужин будет готов через пятнадцать минут.

— Отлично. — Я целую ее в щеку, вдохнув щедрую порцию аромата помидоров, чеснока и специй, отчего в желудке у меня начинает урчать, и меня тут же скручивает очередной приступ тошноты. — Не возражаешь, я только что пригласила на ужин парня, который делает сигнализацию.

Мамино лицо светлеет. Для нее нет ничего лучше, чем угощать своей стряпней благодарных незнакомцев, а судя по внешнему виду, Большой Джим любит обильно поесть. Она вытирает руки о фартук, направляется к разделочной доске, лежащей на кухонном острове, и принимается резать огурцы для салата.

— Где ты была весь день? Я думала, ты ушла всего на часок.

— О, у меня было несколько срочных дел, но ты

же знаешь, какие пробки в Атланте. Иногда бывает, что по дорогам не проехать уже в четыре часа. Мне пришлось возвращаться целую вечность. — Я включаю воду, чтобы помыть руки. — Тебе чем-нибудь помочь?

Кончиком ножа она указывает на миску с шалотом:

— Порежь это, хорошо?

Мама принимается рассказывать о своих идеях по поводу похорон, упоминая по ходу пару мест, которые она хотела бы посмотреть, и напряжение, сковывавшее меня, потихоньку слабеет. То ли мама на самом деле не обратила внимания на мой расплывчатый ответ, то ли решила не давить на меня. Но я намерена действовать так, как сказала Дэйву. Пока я не пойму, насколько серьезны обвинения, выдвинутые Ником, я не собираюсь посвящать родителей в историю о пропаже четырех с половиной миллионов долларов. Они и так волнуются, и рассказать им про угрозы и возможность привлечения к уголовной ответственности означает попросту убить их.

Но главная причина — и да, после событий нескольких последних дней я понимаю, что, возможно, кто-то назовет ее абсурдной — заключается в том, что я не хочу очернить их память

об Уилле. Родители всегда любили его по той же самой причине, что и Дэйв, — потому что они видели, как сильно и искренне Уилл любит меня.

Мысль о том, чтобы увидеть недоброжелательное выражение на их лицах, наблюдать, как при упоминании имени Уилла в дни рождественских и семейных праздников на них появляется тень осуждения, тяжестью ложится на душу.

Дэйв входит на кухню через заднюю дверь, держа в руках айпад и бутылку пива, дизайнерские солнечные очки болтаются на вороте рубашки.

— Ты почему меня сбросила?

Что самое замечательное в том, чтобы иметь близнеца? Вы абсолютно синхронны, он, как ваше зеркальное отражение, знает, о чем вы думаете, без единого слова с вашей стороны. Но это пока у вас не появляется секрет, и тогда самое худшее заключается в том, что вы абсолютно синхронны.

Проблема в том, что я знаю Дэйва и знаю, что, если я расскажу ему про угрозы, он приклеится ко мне как банный лист и уже не отстанет. Хоть я и люблю брата, от мысли о том, что он постоянно будет висеть у меня на хвосте, начинает гореть и чесаться кожа.

— Я тебя не сбрасывала, — вру я. — Наверное,

нас просто разъединили или был потерян сигнал.

Он прищуривается.

— А почему ты мне не перезвонила?

— Мы почти договорили. Что еще можно было сказать? Кроме того, я уже ехала домой. И подумала, что мы можем договорить там. — Я достаю из холодильника бутылку воды и поворачиваюсь к нему. — Вот сейчас, например. Давай договорим.

В кармане звонит телефон, бедром я чувствую, как он вибрирует, и от этого у меня учащается пульс и охватывает жар. Я расстегиваю молнию на толстовке и, стащив ее, бросаю на стол рядом с сумкой.

Он вскидывает голову и внимательно изучает меня, ощупывая взглядом мое лицо.

— Да что с тобой такое? Ты чего так покраснела? Ты мне что-то недоговариваешь?

— Ничего, Дэйв. Ничего я тебе не недоговариваю.

Он разводит руками:

— Это какая-то бессмыслица.

— Именно, как и этот разговор.

Мама испускает вздох, который я слышала уже миллион раз. То, что для нее звучит как спор, для нас с Дэйвом нормальный способ общения… но не

в этот раз. Сейчас мы оба нервничаем, потому что он пытается разгадать мой секрет, а я, наоборот, стараюсь сохранить его.

— Ей-богу, вы ведете себя как дети малые. — Она сует Дэйву в руки стопку тарелок. — Давай накрывай на стол.

Он кидает на меня взгляд, означающий «Я наблюдаю за тобой», и идет к обеденному столу.

Как только он поворачивается ко мне спиной, я выхватываю из кармана телефон.

678-555-8214: «Кстати, я знаю, как обойти сигнализацию».

СКРЫТЫЙ НОМЕР: «Зачем сигнализация, Айрис? Что-то случилось?»

21

На протяжении всего ужина телефон жжет мне бедро, словно кусок плутония, молчаливый убийца, источающий смертоносный яд в моем кармане. Если у меня и имелись какие-то сомнения по поводу того, что номера принадлежат разным людям, теперь от них не осталось и следа. Не могли два таких сообщения — «Я знаю, как обойти сигнализацию» и «Что-то случилось?» — быть посланы одной и той же рукой.

Если только кто-то не пытается запутать меня. От этой мысли у меня начинается несварение, только что съеденные мной спагетти и фрикадельки превращаются в рвотную массу, поскольку это вполне вероятно. Возможно даже, что это тот же самый человек, который прислал мне письмо, написанное рукой моего мужа, а мой профессиональный опыт подсказывает мне, что такое мог сделать только социопат.

— Айрис, милая, ты вообще нас слушаешь? — окликает меня мама через стол.

Я перестаю накручивать спагетти на вилку, поднимаю глаза от тарелки и вижу, что она смот-

рит на меня, озабоченно хмуря брови.

— Что, прости?

— Мы говорили о наших планах и том, что Джеймсу очень надо попасть домой в эти выходные.

Он кивает с виноватой улыбкой.

— У меня в понедельник целый день операции, и мне правда нужно побыть пару дней дома, чтобы подготовиться. Надеюсь, ты понимаешь.

— Тебе не нужно извиняться за то, что у тебя есть своя жизнь и работа. Поезжай. Конечно, поезжай. Со мной все будет в порядке.

— Я вернусь в следующие выходные, а дальше посмотрим. — Он говорит все это, обращаясь ко всем сидящим за столом, но главным образом к Дэйву, и тут до меня доходит, что Джеймс собирается вернуться в Саванну в одиночестве. Он оставляет брата здесь.

Я смотрю на свою семью и думаю: интересно, что еще из их разговора я пропустила.

— А у остальных какие планы?

— Мы остаемся, — отвечают они чуть ли не в один голос.

— А вам разве не надо на работу? — спрашиваю я родителей, а потом поворачиваюсь к Дэйву: — А как насчет тебя? У тебя на следующей неделе

нет показов?

— Я договорюсь с коллегой. — Он пожимает плечом, что, по-видимому, должно означать: «Пустяки», но я-то знаю, что он врет. Торговля недвижимостью — жесткий бизнес, и акулы из его офиса известны своей кровожадностью, всегда ждут подходящего момента, чтобы увести клиентов у другого агента. Меня начинает преследовать чувство вины.

Я перевожу взгляд на маму, потом на отца, оба как-то подозрительно молчаливы. В том, как они смотрят на меня, я угадываю множество самых разных эмоций — беспокойство, решимость, упрямство. Они тоже не собираются уезжать в эти выходные. На самом деле мама, похоже, готова приковать себя к стулу, а тот, в свою очередь, надежно прикрутить к полу.

— Послушайте, вам всем действительно не нужно оставаться. Со мной все будет в порядке.

Мама выглядит так, словно обижена самим фактом того, что я это предложила, и качает головой, прежде чем я успеваю договорить.

— Мы с папой уже все уладили на работе, и мы хотим остаться. Мы счастливы это сделать и останемся до тех пор, пока будем нужны тебе.

В груди поднимается теплая волна любви к

моей милой мамочке. Если она что-то решила, то уже не отступит и будет насильно кормить меня три раза в день до тех пор, пока я не буду готова снова отправиться на свидание с мужчиной. Разве странно, что я хочу какое-то время побыть в одиночестве? Я не интроверт. Я люблю свою семью и обычно мечтаю о том, чтобы они жили рядом. Вновь испеченные вдовы обычно страшатся того момента, когда их родные и близкие собирают чемоданы и возвращаются к собственной жизни, оставляя их одних наедине с их горем. И вот мне предстоит уговорить свою семью поступить именно так.

Я откладываю вилку и говорю как можно мягче:

— Мне очень приятно, что вы все здесь со мной, и я очень ценю, правда, что вы провели со мной эту неделю, но этого достаточно. В понедельник я собираюсь вернуться на работу.

Мама озабоченно хмурит брови:

— Так скоро?

Я киваю.

— Это именно то, что я посоветовала бы сделать своему пациенту. Вернуться к нормальной повседневной жизни, построить для себя эту новую нормальную жизнь. И если честно, мне

хочется поскорее оказаться среди детей, которые еще более психованные, чем я. Возможно, это поможет мне успокоиться. — Когда мама в ответ на мою шутку остается сидеть все с тем же обеспокоенным лицом, я тянусь через весь стол и накрываю ее руку своей. — Мамочка, я знаю, что делаю. Обещаю.

Она кидает взгляд на отца, который в ответ только пожимает плечами, мол, как скажешь. Она качает головой, ее лицо приобретает еще более упрямое выражение.

— Мне не нравится, что ты останешься одна.

— Я поужинаю с Элизабет или приглашу ее выпить. Мы не виделись с ней и с другими девочками с церемонии прощания. Я буду в порядке.

— Что ж, это отличная идея. Делай, как считаешь нужным, — говорит мама. — А я продолжу заниматься похоронами. И на улице становится теплей, нужно привести в порядок приоконные ящики…

Я пытаюсь найти компромисс.

— Почему бы вам не съездить домой на несколько дней, не уладить все дела, требующие вашего присутствия, и не вернуться на следующей неделе? И мы проведем вместе все выходные.

— У меня есть идея получше, — говорит Дэйв,

как всегда бросаясь мне на помощь. — Почему бы нам всем не встретиться в следующие выходные у мамы с папой? Нам это ближе, и маме с папой не нужно будет снова проделывать такой путь.

Я с энтузиазмом киваю.

— Честно говоря, я бы не возражала ненадолго уехать из города.

— Не знаю… — все еще пытается спорить мама.

— Джулс, с ней все будет в порядке, — говорит папа и подмигивает мне: — Правда, малышка?

— Абсолютно. В пятницу я прямо из школы поеду к вам и к ужину уже буду на месте.

Вынужденная уступить нашему численному превосходству, мама нехотя соглашается, и папа переходит к обсуждению планов на выходные. В городе открылся новый барбекю-ресторан, в котором ему ужасно хочется побывать, а еще мы все вместе могли бы сходить посмотреть какой-нибудь фильм в новом синеплексе, там большие и удобные кресла, в которых можно почти лежать, и подают вино. Я улыбаюсь и всячески демонстрирую, как мне нравится эта идея, но на самом деле не могу дождаться, когда наконец останусь одна.

Мне нужно кое-что сделать, но сначала все

должны уехать.

После ужина я достаю из сумки чистый чек и сто долларов чаевых для Большого Джима, вручаю то и другое отцу и ухожу наверх. Адреналин, на котором я держалась весь день, давно закончился, и изнеможение наваливается на меня, словно свинцовое одеяло.

Большой Джим скрючился на полу как раз под дверью моей спальни, собирая свой ящик с инструментами. Я перешагиваю через его ноги.

— Эй, стой, — говорит он, хватая меня своей ручищей за запястье. — Тут никому не нужны сломанные кости.

Я не собираюсь говорить ему, что кости сейчас будут сломаны у меня или что сломанные кости болят, черт возьми, куда меньше, чем разбитое сердце. Я просто отмахиваюсь от него и говорю, что со мной все в порядке.

Новая панель сигнализации установлена на стене над его головой.

— Я как раз собирался позвать вас. — Он подходит к щитку и обтирает руки об штаны. — У вас есть пара минут? Я расскажу вам, что тут да как.

Глаза у меня горят, в голове туман, а тело отчаянно стремится оказаться под одеялом, но я киваю:

— Объясняйте.

— О'кей. Сейчас в системе установлен стандартный код, но, когда я здесь все закончу, вам нужно будет изменить его на свой собственный. С помощью этого кода вы сможете включать и выключать систему, а также вносить любые изменения в настройки, так что позаботьтесь запомнить его наизусть. И еще, видите эти три кнопки? — Он показывает на ряд вертикально расположенных квадратов — общепринятых символов, обозначающих полицию, пожарную службу и скорую помощь. — Это тревожные кнопки. Еще две есть рядом с вашей кроватью, за прикроватными тумбочками. Я сделал так, чтобы их нужно было держать минимум три секунды, и не нажимайте их без особой нужды, иначе мы ввалимся к вам с пушками наперевес, не задавая лишних вопросов. Если выяснится, что тревога была ложной, вам придется оплатить большущий счет.

— Поняла.

— Хорошо. Дальше, ваш код принуждения установлен прямо в середине панели — 2580. Его вы тоже можете захотеть поменять на свой собственный, когда я закончу.

— Зачем использовать код вместо тревожной

кнопки?

— На случай, когда кто-то приставил пистолет к вашей голове и наблюдает, как вы отключаете сигнализацию.

Я удивленно смотрю на него.

— А что, такое правда случается?

Большой Джим кивает, его толстые щеки подпрыгивают.

— Только что случилось с молодой парой в Бакхеде. Двое вооруженных людей напали на мужа, когда он выходил из гаража, били обоих рукоятками пистолетов, пока они не выложили все свои наличные и ценные вещи. Муж нажал код принуждения, а иначе они бы, наверное, погибли.

— О господи. — Я пытаюсь глубоко дышать, чтобы успокоиться, но не могу. При мысли о том, что кто-то будет преследовать меня в моем собственном доме, угрожать мне пистолетом до тех пор, пока не выложу четыре с половиной миллиона долларов, которых у меня нет, по коже начинают бегать мурашки.

Он показывает на цифру 800 на внутренней крышке панели:

— Первым делом наберите этот номер после того, как я уйду, и введите новое кодовое слово.

Это будет дополнительной мерой безопасности, и наши операторы будут спрашивать его у вас каждый раз, когда будут вам звонить.

Если злоумышленник стоит рядом с вами, вы просто называете неверное слово, и это будет служить сигналом к тому, чтобы выслать отряд быстрого реагирования. Не бойтесь что-то забыть. Все подробно описано в руководстве пользователя, которое я вам оставлю перед уходом.

— Отдайте его моему отцу, ладно? Он расплатится с вами, а мама покормит вас ужином, когда закончите.

Большой Джим похлопывает себя по животу и ухмыляется:

— Я всегда готов.

Когда он уходит, я скидываю кроссовки, вытаскиваю из кармана телефон и падаю на постель. Новых сообщений нет, ни с одного номера, и я не знаю, что чувствую — облегчение или разочарование. А может, и то и другое. Облегчение по одному поводу, а разочарование — по другому.

Я пролистываю цепочку сообщений от номера 678, заканчивающуюся угрозами. «Скажи мне, где Уилл спрятал деньги, или присоединишься к нему. Кстати, я знаю, как обойти сигнализацию». Ни за что не буду на это отвечать.

Я открываю переписку со скрытым номером. «Зачем сигнализация, Айрис? Что-то случилось?»

Я думаю о том, кто может беспокоиться обо мне, кроме людей, убирающихся сейчас на моей кухне, — коллеги, подруги, доброжелательные соседи слева и через улицу. Никто из них не стал бы писать мне со скрытого номера. Возможно, я слишком устала. Перенервничала. Расстроена из-за того, что лежу одна в постели, в которой раньше мы лежали вдвоем с Уиллом. Все это какая-то бессмыслица.

Прежде чем я успеваю обдумать все за и против того, чтобы выйти на связь с тем, кому принадлежит скрытый номер, пальцы уже набирают сообщение. «Какая вам разница? Кто вы?»

Через две секунды на экране высвечивается ответ, как будто кто-то на другом конце провода все это время ждал меня, держа пальцы на экранной клавиатуре. «Я друг и хочу, чтобы ты была в безопасности. Скажи мне, кто тебя преследует и почему. Я хочу помочь».

Я: «Не играйте со мной в игры. Если вам известно, что я была в Сиэтле и установила сигнализацию, то вы знаете и про

украденные деньги».

НЕИЗВЕСТНЫЙ: «Я знаю про деньги. Я просто не был уверен, что ты тоже знаешь».

Когда я печатаю следующее сообщение, сердце бьется у меня в горле.

Я: «Вы тот, кто их украл?»

НЕИЗВЕСТНЫЙ: «Это зависит от того, кого ты в этом подозреваешь».

Последнее сообщение обжигает меня, словно удар хлыстом. До сих пор все, что я слышала, указывало на то, что деньги украл Уилл, а это значит…

Этого не может быть. Покойник не может посылать сообщения.

Пока я обдумываю свой следующий шаг, на экране загорается новое сообщение:

НЕИЗВЕСТНЫЙ: «Пожалуйста, скажи мне, как я могу тебе помочь».

Я: «Не думаю, что вы можете мне помочь. Сначала скажите, кто вы».

НЕИЗВЕСТНЫЙ: «Я ничего так не хочу, поверь мне. Но для нас обоих будет луч-

ше, если я сохраню анонимность».

Я: «Тогда в чем смысл? Зачем вообще мне писать?»

НЕИЗВЕСТНЫЙ: «Потому что лучше этого может только быть там самому».

22

Юридическая фирма «Роджерс, Шеффилд и Ши» располагается в самом центре Мидтауна, высоко в облаках над Пичтри-стрит. Вестибюль воплощает все, чего следует ожидать от самой престижной адвокатской конторы в Атланте. Современная мебель, гладкие стеклянные стены, открывающие панораму центральной части города и шестиметровый путь до темноволосой секретарши, которая могла бы подрабатывать фотомоделью.

— Айрис Гриффит к Эвану Шеффилду.

Она жестом указывает на ряд кожаных кресел у окна.

— Его помощник сейчас выйдет. Я могу предложить вам пока что-нибудь выпить?

— Воды, пожалуйста.

Чего я на самом деле хотела бы, так это убраться отсюда ко всем чертям. Спуститься на лифте на парковку, добежать до машины и, дав полный газ, умчаться домой. Дело не в том, что я боюсь сказать ему то, зачем пришла, хотя признаваться в том, что мой муж лжец и вор, само по себе

ужасно. Нет, мое желание пойти на попятную продиктовано скорее страхом иного рода. Когда я последний раз видела Эвана, взгляд его преследовал меня, и преследует до сих пор.

Помощник провожает меня в угловой офис, где Эван сидит за круглым столом, расположенным у дальней стены. С последней нашей встречи он отрастил бороду, спутанные клочья светло-каштановых волос, покрывающие всю нижнюю половину его лица, то ли смелый вызов корпоративному миру, то ли свидетельство того, что горе его слишком тяжело.

Я поднимаю руку в приветствии.

— Здравствуйте, Эван.

Пиджак его наброшен сзади на спинку кресла, рукава рубашки закатаны до локтей. Сгорбленная спина, поникшие плечи и лицо, отечное и помятое, с жалким подобием улыбки. Не слишком удачная попытка выглядеть расслабленно. Он высвобождает массивное тело из кресла и протягивает через стол длинную руку, чтобы обменяться со мной рукопожатием над ведром со льдом и подносом, заставленным бутылками с водой самых разных марок.

— Рад видеть вас снова, Айрис. Я спросил бы, как вы держитесь, но сам ненавижу этот вопрос

и к тому же уверен, что хорошо знаю ответ.

Конечно, он знает. Он знает, что дыру, которую «Либерти эйрлайнс» пробила в его жизни, уже не заделать, как и не заполнить пустоту в его душе. Он знает, как можно часами смотреть в никуда и бесконечно прокручивать в голове сценарий на тему «что, если бы». Что, если бы она застряла в пробке? Что, если бы она уступила свое место за купон на пятьсот долларов, который авиакомпании обычно используют на рейсах с избыточным бронированием в качестве компенсации? Что, если, если, если?.. Он все это знает, так что нет необходимости говорить об этом вслух.

— Спасибо, что приняли меня так скоро, — говорю я вместо этого. — Понимаю, что вам пришлось вносить изменения в свое расписание.

Он только отмахивается.

— Вы — психолог. Разве странно, что я хотел встретиться с вами?

Я опускаюсь на стул по диагонали от него, от его прямолинейности напряжение, сковывавшее меня, ослабевает.

— Забавно, я только что раздумывала, насколько странно было бы, если б я сейчас от вас сбежала.

— Это все мой острый ум и яркая индивиду-

альность? — выдавливает он из себя ироничную улыбку, кивая на свое массивное тело. — Фигура как у Германа Мюнстера и обаяние Хи-Мена?

— Ваши глаза. — Я собираюсь с силами и наконец осмеливаюсь заглянуть в них: они такие же пугающие, какими я их запомнила. Красивого темного-зеленого цвета, но с красными прожилками белков, кожа вокруг глаз припухшая, покрытая сеткой морщин, виной чему, я знаю, его отчаяние. — Когда я смотрю в них, у меня разрывается сердце.

Он вздрагивает, но не отводит взгляд.

— Не больше, чем мое, когда я смотрю в ваши.

— Тогда вы, наверное, мазохист.

Он невесело усмехается:

— В наши дни все относительно, да?

Сказать на это нечего, и я решаю не отвечать совсем. Вместо этого смотрю в окно, где пара ястребов камнем падает вниз и ныряет в пушистые белые облака. Пока мы с Дэйвом колесили по Сиэтлу, гоняясь за призраками из прошлого Уилла, группа из примерно тридцати человек села в предоставленный «Либерти эйрлайнс» самолет и отправилась к месту крушения. Я видела фотографии в «Хаффингтон пост», фигура Эвана, возвышающаяся над почерневшими кукурузны-

ми стеблями, печальные фигуры, обнимающие друг друга и держащиеся за руки, на обугленном поле, навеки впитавшем души тех, кого они потеряли. Я смотрела на них и думала: «Я не могу». Что это говорит обо мне — психологе, твою мать? Они могут, а я нет?

— Один из уроков, которые я вынес за последнюю неделю, — говорит Эванс, и его голос возвращает меня назад, — это то, что никто не понимает, каково нам сейчас. Люди думают, будто понимают, и многие из них хотят понять, но они не понимают. На самом деле нет. Если только они сами не потеряли кого-то, как мы с вами.

Внезапно волной накатывает невыносимая тоска. Эван затронул причину, по которой так популярны группы поддержки скорбящих. Мы незнакомцы, оказавшиеся в одной лодке, которую засасывает в воронку горя. Но, по крайней мере, утешает сознание того, что ты идешь ко дну не один.

— Дело не только в том, что я потеряла Уилла, но и… — Я замолкаю, подыскивая подходящее слово.

Но то ли Эван тоже думал об этом, то ли его мозг работает быстрей, чем мой.

— В том, каким ужасным был его конец.

Я киваю.

— Точно. Ужасный конец. Стоит мне закрыть глаза, и я сразу начинаю представлять, как это было. Вижу его слезы. Слышу, как он кричит. Чувствую в груди тот же страх, что и он. Я как будто не в силах прекратить проигрывать эти ужасные последние минуты, снова и снова представляя себя на его месте в самолете, который переворачивается, отклоняется от курса и падает вниз с небес.

Произношу эти слова, и вуаля — я уже снова плачу. Вот почему я не хотела приходить, почему никакая сила в мире не заставит меня сделать хотя бы шаг по тому кукурузному полю. Кем бы ни был тот, кто сказал, что Господь не посылает нам больше, чем мы можем выдержать, он бессовестно врал, потому что все это — горе, которое опять и опять прокатывается по мне, словно тяжелый грузовик, эта тяжесть потери, давящая со всех сторон до тех пор, пока я не теряю способность дышать, — в конце концов убьет меня.

Эван пододвигает ко мне коробку салфеток «Клинекс».

— Я все никак не могу привыкнуть к этой новой жизни. То собираюсь отправить сообщение на голосовую почту Сьюзан, то среди ночи обна-

руживаю, что стою посреди комнаты дочери в одних трусах с бутылочкой теплого молока в руке. А потом вспоминаю. Детская кроватка пуста. Мои жена и дочка мертвы.

— О господи, Эван, — говорю я, и мой голос дрожит. Я вытаскиваю салфетку и вытираю лицо. — Пару дней назад мне позвонила журналистка, которая сообщила, что пилот перед рейсом не выспался и, возможно, страдал от похмелья. Что-то про…

— Холостяцкую вечеринку. Я знаю. Кое-кто в Майами по моей просьбе сейчас задает вопросы. Но пока ничего выяснить не удалось.

— Он разговаривал с Тиффани Риверо?

— С кем?

Я быстро пересказываю Эвану свой разговор с Лесли Томас. На лице его никаких эмоций. Если бы не красные пятна, начавшие расползаться по шее из-под воротника, я бы подумала, что он не слушает меня.

— История пока не получила огласки, так что, возможно, она…

Он ударяет кулаком по столу, так что звенит лед в ведерке.

— Я знал это. Я знал, что эти подонки что-то скрывают. Самолет не падает с неба просто так,

если только… — Он замолкает, чтобы сделать три быстрых вдоха и выдоха, от которых бумаги разлетаются по столу. — Если это правда, если есть хотя бы намек на неправильные действия кого-то из членов экипажа, я не успокоюсь, пока не похороню эту авиакомпанию и всех, кто имеет к ней отношение. Клянусь, что так и будет.

— Психолог во мне говорит, что месть ничего не изменит. Ваша жена и дочка, мой Уилл… их не воскресишь.

— А что говорит вдова?

Я ни на секунду не задумываюсь над ответом.

— Вдова говорит, что ублюдков надо уничтожить.

— Договорились. Я лично поговорю с Тиффани, если надо будет, полечу туда сам. — Он потирает подбородок, и его злость рассеивается так же быстро, как возникла, сменяясь печалью. — Не дай бог, если мои девочки погибли потому, что какой-то придурок был слишком самоуверен, чтобы сказаться больным…

При упоминании о семье он снова чуть не плачет, и я знаю, как он сейчас себя чувствует — словно у него раздвоение личности. Почему это принято называть горем, когда на самом деле это целый спектр кошмарных переживаний —

смятение, сожаление, гнев, вина и одиночество — заключенных в одно короткое слово?

— Не могу удерживать пищу в желудке, — слышу я свой голос. Откровенность Эвана словно снимает какие-то блоки внутри меня, и слова текут сами собой. — На вкус все как картон, даже если я очень голодна. Я что-то съедаю, а потом все извергается обратно. И каждый раз, склоняясь над унитазом в приступе рвоты, я немного волнуюсь, что, возможно, это все из-за того, что я беременна.

— Я так понимаю, что вы с Уиллом пытались?..

Я киваю.

— Но с недавнего времени, так что шансов, конечно, не так много. Тошнота — это, вероятно, психосоматическое, или принятие желаемого за действительное, или просто разбитое сердце. Но я не могу отделаться от мысли, что, будь у меня ребенок, маленькая частичка мужа, растущая внутри, мне было бы чуть-чуть легче.

— Мне кажется, что тогда было б намного, намного легче. Тогда вам было бы ради чего жить.

В моем профессиональном мозгу его слова отзываются сигналом тревоги.

— Вы хотите сказать, что вам нет смысла жить?

— Я хочу сказать, что иногда бывает очень трудно вспомнить, что есть. Особенно в 4:00 утра, когда я стою в темной, пустой комнате дочери, глядя на ее пустую кроватку, а в сердце эхом отдается ее крик.

Жалость к этому человеку пронзает мне грудь, и я понимаю, что, хотя мое собственное сердце разбито вдребезги, все могло быть гораздо хуже. Я тянусь через стол и сжимаю его большую руку. Это одновременно жест сочувствия, сострадания и солидарности.

Он отнимает руку и закрывает лицо, слышно, как он делает выдох сквозь пальцы.

— Простите. Вы пришли сюда не затем, чтобы я мог поплакаться вам в плечо. — Он поднимает голову, ему удается придать лицу почти профессиональное выражение. — Вы сказали, что вам нужна юридическая консультация. Это касается авиакатастрофы?

— Нет. Да. В каком-то смысле, но, как бы это сказать, в духе «Сумеречной зоны». — Я пытаюсь засмеяться, но получается какой-то громкий и резкий звук, похожий на чихание. Я решаю последовать примеру Эвана и становлюсь серьезной. — Я хочу знать, могут ли меня привлечь к ответственности за преступления, которые пред-

положительно совершил мой муж?

Его лицо по-прежнему хранит невозмутимость.

— О каких преступлениях идет речь?

— Хищение в основном.

— В основном, да? — Он наполняет два стакана льдом, протягивает мне один и жестом приглашает выбрать воду на подносе. Я выбираю банку «Перье», и он открывает ее для меня, при этом раздается характерное «тс-с-с».

— Похоже, что пришло время предупредить вас, что конфиденциальные отношения между клиентом и адвокатом наступают после уплаты гонорара. — Я уже собираюсь спросить, всерьез ли он, — мне всегда казалось, что такое бывает только в голливудских фильмах, — когда он добавляет: — Если бы мы были в баре, то попросил бы вас купить мне пива, но, раз нет, двух баксов будет достаточно.

Я вытаскиваю из кошелька пять долларовых купюр и пододвигаю их ему через стол.

— Давайте с самого начала, — говорит Эван. Убирает деньги в карман.

Я так и делаю. Рассказываю Эвану все, начиная с утра катастрофы. Про конференцию в Орландо и несуществующую работу в Сиэтле. Про то, как

карточка с соболезнованиями вывела меня на тренера Миллера, район Рейнир-Виста и историю с пожаром. Я рассказываю про письмо с извинением и кофе с Корбаном и про то, что Уилл просил того позаботиться обо мне. Про прогулку по Белтлайн с Ником и про то, что, пока мы разговариваем, бухгалтер-криминалист роется в документах «Эппсек» в поисках пропавших четырех с половиной миллионов. Я рассказываю про кольцо от «Картье» и сообщения со скрытого номера и с телефона с номером, начинающимся на 678, и о том, как полученные угрозы заставили меня установить самую современную систему сигнализации. Это такое облегчение — наконец иметь возможность рассказать кому-то все свои тревоги, и слова льются из меня легко и свободно. Эван слушает с серьезным видом, сохраняя на лице каменное выражение и не делая в своем желтом адвокатском блокноте ни одной пометки.

Когда я заканчиваю, он отодвигает блокнот в сторону и кладет обе руки на стол.

— Хорошо, теперь все по порядку. «Либерти эйрлайнс» обнародовала имя Уилла, не связавшись предварительно с вами?

— Да. Они сделали это всего на полчаса позже,

но этого было достаточно, чтобы мама позвонила мне раньше.

— Что за сборище некомпетентных кретинов. — Он качает головой, и лицо у него становится сердитым. — Вы понимаете, что сейчас вы можете назначать цену?

Если вы пригрозите им, что расскажете об их ошибке прессе, они заплатят вам любые деньги, лишь бы заставить вас замолчать.

У меня в мозгу всплывает лицо Энн Маргарет Майерс, ее маска преувеличенного сочувствия во время нашей встречи в Центре помощи семьям, когда она пододвигает через стол чек на пятьдесят четыре тысячи долларов и с самодовольной улыбкой сообщает, что это не все деньги.

— Мне ничего от них не нужно, и менее всего их кровавые деньги.

— Это вы сейчас так говорите, но что будет через пару месяцев, когда счета начнут накапливаться, а на банковском счете будет только одна зарплата? Что, если вы все же беременны? Вам надо беречь каждый цент.

— Нет, не надо. Пару дней назад я нашла полисы страхования жизни Уилла. Их три, на общую сумму два с половиной миллиона долларов. С финансовой точки зрения я буду в полном порядке.

Эван вскидывает голову.

— Вы хотите сказать, что не знали о существовании этих полисов?

— Я знала только про один. На самую меньшую сумму. Два остальных он оформил, не сказав мне.

— Как вы думаете, почему он это сделал и почему такая большая сумма? В среднем по стране этот показатель для человека его статуса — в браке, без детей — составляет чуть меньше половины этой суммы.

Я пожимаю плечами.

— Я никогда не думала, что он способен украсть или совершить поджог, так что идей у меня не больше вашего.

— Убийство.

— Что?

— Если он действительно устроил пожар, в котором погибли его мать и двое детей, то фактически он совершил убийство.

Я чувствую, как мурашки ползут у меня по спине.

Эван делает большой глоток из своего стакана, потом с хрустом разгрызает кусочек льда.

— О'кей, значит, есть пара проблем, с которыми нам нужно разобраться. Если его шеф сумеет

доказать, что за хищением денег стоит Уилл, он может начать преследовать вас, но только если Уилл использовал эти деньги на покупку вещей для совместного пользования. Джорджия — это штат, в котором супруги владеют имуществом по праву справедливости, а это означает, что, если эти средства каким-либо образом приносят вам выгоду, «Эппсек» может привлечь и привлечет вас к ответственности с целью возмещения убытков, возможно, даже со штрафными санкциями. И они точно придут за кольцом.

Я кручу кольцо, то снимая, то надевая его на палец, потом сжимаю руку в кулак.

— Уилл подарил мне его в день своей смерти. Им придется отрезать мне палец, чтоб получить кольцо.

— Уверен, что до этого не дойдет, однако, скорее всего, вам придется возместить расходы. А если они узнают про два с половиной миллиона страховых, то захотят получить и их тоже.

— Они могут это сделать?

— Я не сказал, что они это сделают, только что они попытаются. И хотя я понимаю, что это может показаться странным, но с точки зрения вашей ответственности за возмещение похищенных средств эта история с сокрытием прошлого

нам на руку. Мы можем использовать этот факт, чтобы показать, что в вашем браке было много секретов, вы не были посвящены в некоторые аспекты жизни вашего мужа. Его прошлая жизнь в Сиэтле, свекор, о котором вы никогда не слышали, — все это может сыграть в нашу пользу. — Он дает мне время переварить эти новости, заполняя паузу тем, что подливает нам в стаканы воду. — О'кей, теперь давайте перейдем к телефонным посланиям. Вы сообщили о них в полицию?

— Нет еще. Сначала я хотела поговорить с вами.

— Хотя я аплодирую вашему умению ждать — вы не поверите, скольких обвинительных приговоров мне удалось добиться из-за того, что какой-нибудь идиот не догадался сначала посоветоваться со своим адвокатом, — вам дважды угрожали физической расправой.

— Кто-то, кто хочет получить деньги, которые я не крала и к которым у меня нет доступа. Разве у полиции не возникнет слишком много вопросов?

— О, можете в этом не сомневаться, особенно если начальник Уилла уже начал расследование. Но, Айрис, как ваш адвокат, я должен спросить: вы рассказали все, что мне нужно знать? Я не

смогу помочь вам, если не буду знать все факты, и я терпеть не могу играть вслепую.

— Да, конечно. У меня нет причин врать. Честно. Я рассказала все, что помню.

Легкое чувство вины толкает меня в ребра, и я поспешно отвожу взгляд, чтобы он не прочел это по моим глазам. Есть кое-что, о чем я умолчала, кое-что, чего я не смею произнести вслух. Это так невероятно, что я боюсь, как бы меня не сочли сумасшедшей.

— В таком случае… — Эван хлопает ладонями по столу, встает и кивком указывает на дверь: — Поехали.

— Куда?

— В полицию. Писать заявление.

— Что, прямо сейчас?

Он кривит губы в улыбке. Она выходит натянутой, но я успеваю заметить тень прежнего, веселого Эвана, каким он был до того, как самолет разбился и опустевшие постели высосали радость из нашей жизни. — Я ничего с вас не возьму, обещаю.

Эван привозит нас в участок, расположенный ближе всего к моему дому, — серое каменное здание на Осия-Уильямс-Драйв, — который кажется слишком маленьким для более чем ше-

стимиллионного города. Внутри он напоминает общественные бани — полно народу, грязно, воняет промышленным очистителем, немытым телом и страхом. Справа вдоль стены выстроились мужчины в мятой одежде, прикованные наручниками к металлической перекладине. Их масленые взгляды скользят по мне, и я придвигаюсь чуть ближе к Эвану.

Дежурный седой мужчина явно за шестьдесят, здоровается с Эваном, обращаясь к тому по имени. Приветствие звучит вежливо, но совсем недружелюбно, несмотря на непринужденную манеру поведения Эвана. Опершись локтем на стойку дежурного, словно находится в баре, а не в полицейском участке, он объясняет ситуацию и просит форму заявления о преследовании с отягчающими обстоятельствами таким тоном, будто дежурный является его старинным собутыльником. Мужчина без единого слова подает Эвану форму.

— Он не слишком-то любезен, — шепчу я, прикрывшись заявлением, когда мы с Эваном садимся на ряд пустых стульев у дальней стены.

— Это потому, что он меня терпеть не может. — Эван даже не пытается говорить тише. Он откидывается на стуле, кладет ногу на ногу

и небрежно пожимает плечами. — Я адвокат со стороны защиты. Я зарабатываю на жизнь тем, что защищаю тех, кого его товарищам стоит больших трудов арестовать. С его точки зрения, я играю не на той стороне.

Сержант поджимает губы и кивает, но Эван не обращает на него внимания.

— То есть я теперь тоже не в той команде? — говорю я, чувствуя себя задетой. — Я же ничего не сделала.

— Все будет хорошо. Просто заполните эту форму, чтобы мы могли подать наше заявление.

Я берусь за форму, и через десять минут мы возвращаемся к стойке дежурного.

— Детектив Дриш здесь?

Сержант не поднимает взгляд от бумаг.

— Нет.

— А детектив Уиллоуби?

Наконец тот перестает писать и, тяжело вздохнув, наклоняется на стуле, вытянув шею из-за угла.

— Детектив Джонсон на месте.

Эван хмурится:

— Он новенький?

— Она, и да, новенькая. Только что перевелась к нам из патрульной службы.

— Превосходно! — восклицает Эван таким тоном, что становится ясно, что это не так.

— Подождите там. — Дежурный тычет ручкой поверх наших голов на ряд стульев, откуда мы только что пришли, и мы с Эваном возвращаемся на свои места.

Проходит целых сорок минут, прежде чем дежурный указывает на нас детективу Джонсон, миниатюрной женщине со свежим симпатичным личиком и туго стянутыми в высокий хвост волосами. Держится она чересчур прямо, а выражение лица слишком уж серьезное, молодая женщина с явным желанием что-то доказать и пробить грудью «стеклянный потолок». Она жестом приглашает нас садиться рядом с ее опрятным столом, который кажется чем-то инородным в этой загроможденной, переполненной людьми комнате, где почти все горизонтальные поверхности завалены кипами бумаг и заставлены грязными кофейными чашками. Она изучает мое заявление, приподняв тоненькую, как ниточка, бровь.

— Кто исполнитель?

— Мы надеялись, что это вы нам скажете по номеру сотового, — говорит Эван, прежде чем я успеваю набрать в грудь воздуха, чтобы ответить.

Не в первый раз я думаю о том, как хорошо, что он не отправил меня сюда одну. Я никогда не делала этого прежде, до Сиэтла у меня ни разу не было причины даже зайти в здание полиции, а теперь я делаю это уже второй раз за неделю. Я чувствую себя совершенно неподготовленной к этому.

— Судя по всему, этот телефон не стоит на прослушке, — сообщает детектив Джонсон. Она просматривает копии скриншотов, распечатанные помощником Эвана, которые содержат мою переписку с номером 678. Дойдя до первого послания с угрозой, «Скажи мне, где Уилл спрятал деньги, или присоединишься к нему», она смотрит на нас:

— Какие деньги?

— Четыре с половиной миллиона долларов, предположительно украденные мужем миссис Гриффит со счетов компании, в которой он работал.

Она смотрит на меня, но адресует свой вопрос Эвану:

— Где он сейчас?

— Он был одним из пассажиров рейса 23 авиакомпании «Либерти эйрлайнс». Миссис Гриффит вдова.

Детектив широко открывает глаза, но, наскольк-

ко я могу судить, не из сочувствия.

— Тогда где деньги?

— Моя клиентка узнала о предполагаемом хищении только вчера. Она не осведомлена о том, где ее муж мог спрятать деньги перед смертью. Но совершенно определенно не на одном из их совместных счетов. Мы, естественно, можем подтвердить все это банковскими выписками.

Детектив Джонсон откидывается на спинку стула, в глазах загорается внезапно проснувшийся интерес.

— Так, позвольте мне кое-что прояснить. Мистер Гриффит присваивает миллионы…

— Предположительно, — перебивает ее Эван. — Насколько мне известно, никаких официальных обвинений выдвинуто не было.

Она недовольно смотрит на него.

— Мистер Гриффит предположительно сбегает с более чем четырьмя с половиной миллионами долларов, а затем исчезает в результате крушения самолета.

— Он не исчез, — говорит Эван, его слова и его тон тщательно продуманы. — Он умер, причем самым наихудшим способом, который только можно себе представить.

— Тем не менее деньги исчезли тоже.

Сидящий рядом со мной Эван чуть приподнимается на стуле.

— Мне не нравятся ваши инсинуации, детектив. Миссис Гриффит неделю назад потеряла мужа, как и другие 178 семей, которые потеряли мужей, жен, родителей и детей. И конечно же вы не можете обвинять его в том, в чем, как мне кажется, обвиняете.

И конечно же Эван точно знает, в чем она обвиняет Уилла.

И я тоже. Мое сердце в отчаянии бьется, словно птица в клетке, потому что я тоже знаю. Это именно то, о чем я думала все эти девять дней. Я обдумывала ситуацию со всех сторон, перебирала все возможности, и каждый раз, словно сливки в кофе, на поверхность всплывал один и тот же ответ.

Эван читает это по моему лицу. Он не произносит ни слова, но его взгляд говорит за него. Он велит мне заткнуться и держать все, о чем я думаю, при себе.

— Я никого ни в чем не обвиняю, сэр. Я только пытаюсь как следует разобраться в ситуации, чтоб решить, какие шаги нам следует предпринять для обеспечения безопасности миссис Гриффит. — Она поворачивается ко мне: — Мне

хотелось бы услышать это от самой миссис Гриффит.

— Мне правда нечего добавить, кроме того, что я нашла на квитанции номер с кодом 678. Уилл указал его как свой.

— У вашего мужа есть причины угрожать вам?

Эван ударяет ладонью по столу и нависает над ним.

— Ее муж мертв, детектив. Помните?

Она продолжает смотреть на меня.

— Так есть?

— Конечно нет.

— И вы уверены, что ваш муж был в том самолете. — Это не вопрос, но и не утверждение, нечто среднее. — Вы абсолютно уверены.

Мне хочется перепрыгнуть через безупречный стол этой леди, схватить ее за уши и поцеловать взасос, потому что нет, я не уверена. Я не уверена с той самой секунды, как мама позвонила мне, опередив «Либерти эйрлайнс». Что, если это была не их ошибка, а намеренная путаница, потому что Уилл сам, сидя где-то за компьютером, внес свое имя в список пассажиров?

— Нет, — отвечаю, и в тот же момент Эван рявкает:

— Конечно, она уверена!

Детектив игнорирует его, пристально глядя мне прямо в глаза:

— Нет, вы не уверены, или нет, это не правда?

Я сглатываю, бросая виноватый взгляд на Эвана, который только качает головой.

— Нет, я не уверена.

Эван сбрасывает маску моего адвоката, он хватает меня за руку повыше локтя, заставляет подняться со стула и тащит в дальний конец комнаты, в закуток между шкафом для документов и кулером для воды.

— Даже не знаю с чего начать. Нет, к черту. Я знаю. Айрис, Уилл мертв.

— Предположительно, — говорю я, используя его же собственный термин, и он опускает руки. — Послушайте, я знаю, что это звучит странно…

— Это звучит не странно. Это звучит как полное безумие. Имя Уилла было в списке погибших пассажиров. На месте крушения нашли его кольцо.

— Без единой царапины. Как такое может быть? И до сих пор не найдено ни единого образца его ДНК.

— Потому что фрагменты тел все еще извлекают из земли! Господи, Айрис, подумайте об этом! Пройдут месяцы, прежде чем удастся идентифи-

цировать всех погибших.

— О'кей, а что насчет сообщений со скрытого номера? Уилл — единственный, кто что-то теряет от моей поездки в Сиэтл, и он мог отследить мой телефон и знать, когда я была там и когда вернулась. И он бы точно знал, как отправить мне сообщение со скрытого номера. А еще на столе в моей ванной таинственным образом оказалось письмо, написанное рукой Уилла и отправленное после катастрофы, в котором написано, что ему очень жаль. Я думаю, он имел в виду, что уехал, что ему пришлось сделать так, чтобы я подумала, будто он умер, что он разбил мне сердце.

— В появлении письма нет ничего загадочного, оно было доставлено к вам домой Почтовой службой США. Мы же знаем, что ему может быть лет десять. Знаете, как сложно сымитировать свою смерть?

— Я уже прошла через это, через этот спор с самой собой. Снова и снова, в стотысячный раз прокручивая его в своей голове. И конечно, знаю, что мои слова кажутся полным безумием. Именно по этой причине я молчала больше недели, хотя мне следовало довериться своему чутью, которое говорило мне, что он не умер. Оно говорило мне, что нужно найти деньги, потому что

это означает найти Уилла.

Эван потирает рукой подбородок.

— Было бы лучше, если бы вы сказали мне все это до того, как мы сюда пришли.

— Зачем, чтобы вы вернули мне мои пять долларов и велели проваливать?

Я стараюсь говорить насмешливо, смягчая свои слова улыбкой — жалкая попытка извиниться, хотя мне вовсе не жаль. Если детектив и я правы, если Уилл жив, то, что бы я ни сказала или ни сделала, чтобы найти его, я никогда не стану за это извиняться.

Но на лице Эвана нет ни тени ответной улыбки.

— Нет, чтобы я мог сказать вам, что, хотя имитация собственной смерти формально не является чем-то незаконным, однако ее невозможно осуществить, не совершая преступления. Помимо мошенничества с использованием личных данных и уклонения от налогов, есть еще деньги от «Либерти эйрлайнс» и страховка Уилла. Если вы возьмете их, то по сути это будет означать, что вы их украли.

От этих слов улыбка сползает с моего лица.

— Ох.

— Вот именно, ох. — Он смотрит мне за спину,

и его лицо становится непроницаемым. Я оборачиваюсь и вижу, что детектив по-прежнему сидит за столом, глядя на нас с выражением, которое я не могу понять. Эван поворачивается к ней спиной, загораживая меня от нее. — Так, меняем план. Возвращаемся и объясняем детективу Как-там-ее-зовут, что вы убитая горем вдова с живым воображением и склонностью выдавать желаемое за действительное, а потом убираемся отсюда.

* * *

По дороге назад в офис мы с Эваном договариваемся о нескольких вещах. Во-первых, отложить обсуждение вопроса, он это или не он, до тех пор, пока авиакомпания не найдет биологическое доказательство того, что Уилл был среди пассажиров, либо я получу еще одно сообщение со скрытого номера. Также я должна документировать все сообщения с обоих номеров, делая скриншоты и сохраняя их в совместном аккаунте в «Дропбокс», который создаст для нас помощник Эвана. И наконец, Эван поручит частному детективу, с которым он уже работал прежде, отследить владельца номера 678.

— Полиция Атланты — это, конечно, хорошо, —

говорит он уже на парковке, останавливая свой автомобиль прямо за моей машиной, — но у них слишком много работы и маленькие зарплаты. Мой человек сделает все намного быстрее. А вы пока включаете сигнализацию и звоните мне в ту же секунду, как получите следующую угрозу, ладно?

Я соглашаюсь, но не спешу выходить из машины.

— Эван, я хочу извиниться за то, что там было. Понимаю, что должна была поделиться своими подозрениями до того, как мы пришли к детективу. Но кому такое могло прийти в голову? Уж точно не здравомыслящему человеку. До тех пор пока кто-то еще не высказал вслух мысль о том, что Уилл, возможно, до сих пор жив, я не позволяла себе даже думать об этом, потому что не хотела зря надеяться. — Я качаю головой. — Объяснение так себе, да? Какая-то бессмыслица.

— Вовсе нет, я все прекрасно понимаю. И вы не сумасшедшая, просто такова ситуация. Честно говоря, мое поведение было не реакцией адвоката, заботящегося об интересах своего клиента, а скорее моей личной попыткой испытать искреннюю радость оттого, что кто-то нашел своего мужа живым, но она провалилась. Все, что я

почувствовал, — это зависть. Знаю, что говорю как жалкий, мелочный засранец, но так и есть. Я жалкий, мелочный засранец.

— Вы потеряли семью. Вам это простительно.

Внезапно мне начинает казаться, что тени у него под глазами стали еще чернее, а морщины, оставленные беспокойством на его лбу, — глубже.

Мы прощаемся, и я уже берусь за ручку двери, как мне в голову приходит кое-что еще.

— Как ее звали?

— Кого? Детектива?

— Нет. — Я качаю головой. — Вашу дочку. Как вы с Сюзанной ее называли?

Эван долго не отвечает.

— Эммалайн. — Он прочищает горло и повторяет с тихим благоговением: — Эммалайн. Мы звали ее Эммой.

— Красиво. — Я быстро пожимаю ему руку, потом соскальзываю с пассажирского сиденья. — Я буду думать о ней каждый раз, когда услышу ее имя.

23

В воскресенье мама не хочет уезжать.

— В морозилке две порции запеканки, хватит накормить полк солдат, — говорит она. Мы стоим на крыльце, глядя, как отец запихивает в багажник последние вещи. Дэйв и Джеймс уехали вчера днем, и теперь мама пытается извлечь максимум из каждой секунды прощания. — Я думала, может, ты захочешь пригласить кого-то из подруг. Позвони Лизе, или Элизабет, или Кристи. Попроси их составить тебе компанию.

— Отличная идея. — Но на самом деле я совсем не в таком восторге, как пытаюсь изобразить. Я люблю своих подруг, как любая другая женщина, но после почти двух недель в окружении людей я хочу немного покоя. И кроме того, горю не нужна компания.

— И я заморозила суп отдельными порциями. Подумала, что ты могла бы брать его с собой на работу и там обедать. Еще там есть шарики из печенья, в полиэтиленовом пакете. Просто сунь их в духовку, когда захочется чего-нибудь сладенького.

— Мам, в морозилке еды хватит до следующего Рождества.

— Я знаю, просто… — Она озабоченно хмурится. — Ты уверена, что с тобой все будет в порядке? Мне невыносимо думать, что ты будешь совсем одна.

— Я почти не буду здесь бывать. Я буду на работе, может, возьму дополнительные часы. Сейчас в колледже идет прием абитуриентов, так что у меня не будет недостатка в проблемах, которые нужно разрешать.

— Это всего пять дней, Джулс! — кричит отец со двора. — Она справится.

Мама собирается возразить, но я обнимаю ее, притягиваю к себе.

— Он прав, мам. Я справлюсь. Обещаю.

Она выдавливает слезливую улыбку.

— Это я должна утешать тебя, ты же знаешь. А не наоборот.

— Если тебе от этого станет легче, обещаю, что, когда мы снова увидимся в пятницу, я буду большой жирной развалиной.

Она смеется и сжимает меня в объятиях.

— Звони в любое время, хорошо? Я буду здесь через три с половиной часа.

— Я знаю.

— И ты заедешь в те заведения, как обещала? Адреса я оставила на кухонном столе.

— Да, обещаю.

Я провожаю ее до машины, с трудом выдерживаю еще одну порцию объятий, а после улыбаюсь и машу, пока отец, сидящий за рулем, не поворачивает за угол. И тогда я иду по двору обратно к дому.

Впереди у меня целый день, долгий и пустой, как дорога.

Я знаю, чем мне его заполнить.

Вернувшись в дом, я вытаскиваю из кармана телефон.

— Гугл, где можно спрятать четыре с половиной миллиона долларов?

Гугл выдает целый список возможных вариантов, из которых я узнаю, что плотно упакованный миллион долларов вполне может поместиться в пакет из супермаркета, ящик для продуктов в холодильнике и микроволновку. Информация одновременно оказывается познавательной и нелепой. Зачем кому-то миллион в долларовых купюрах? Ну, хорошо, предположим, Уилл упаковал деньги в сотенных и тысячных банкнотах, размер все равно должен был остаться приемлемым. Даже с новой сигнализацией дом явно

не является филиалом Федерального резервного банка, и в нем есть масса мест, чтобы спрятать внушительную пачку денег. Вместе с тем Уилл компьютерщик. Ему никогда не придет в голову запихать деньги в мешок и таскать его с собой. Деньги должны перемещаться в наиболее комфортном для него пространстве: то есть онлайн.

О'кей, значит, мне нужно искать… что? Номер счета, нацарапанный на клочке бумаги? Забракованную и забытую флешку? Ключ от банковской ячейки? От перспективы искать какой-то неизвестный предмет размером не больше моего мизинца мне хочется застонать.

Я решаю начать с чердака и постепенно продвигаться вниз. Я перетряхиваю коробки и пакеты, проверяю за балками и в чемоданах, ищу в шкафах и под кроватями. Я двигаю мебель и поднимаю ковры. Я приношу с кухни отвертку и открываю все вентиляционные отверстия, засовывая в каждое руку так далеко, как получается. Я проверяю морозилку и туалетные бачки.

Весь дом — словно эмоциональное минное поле, каждая комната начинена взрывчаткой. Пиджак Уилла, висящий на крючке у задней двери. Его любимый апельсиновый сок в холодильнике за пакетом сливок, которые он никогда

не позволял добавлять в свой кофе. Висящий на стене в коридоре постер в рамке, который мы вместе выбирали в Нью-Йорке, диванные подушки — Уилл всегда считал, что их слишком много, и постоянно сбрасывал на пол, — его бритва и полупустой флакон лосьона после бритья на краю его раковины. Я отвинчиваю крышку и подношу ее к носу, знакомый запах заставляет меня улыбнуться, в то время как глаза наполняются слезами.

Внезапно я чувствую, что не могу дышать. Я знаю научное объяснение этому — что импульсы от обонятельной луковицы поступают к участкам мозга, отвечающим за эмоции и память, — но столь осязаемое присутствие Уилла тем не менее сшибает меня с ног. Я вижу его. Я чувствую его запах. Его голос звучит у меня в ушах, кончики пальцев скользят по коже на спине. Эти ощущения так сильны, что я ищу его отражение в зеркале, но позади меня никого нет, только стена. Тоскливое разочарование давит свинцовой тяжестью, и я завинчиваю крышку, отношу флакон на свою половину ванной и падаю на табурет.

Стоваттные лампочки, горящие над моей головой, беспощадны. Сальные волосы, запавшие щеки, прыщик, назревающий на подбородке.

Я подхожу к душевой кабине, включаю душ, потом возвращаюсь к туалетному столику, где в нижнем ящике храню маски для лица. Открываю его, и мое сердце останавливается, потом с усилием, как локомотив товарного поезда, вновь заводится и начинает биться сначала медленно, но потом постепенно набирает скорость. В ящике, поверх коробочек, тюбиков и баночек, еще одно послание, на этот раз нацарапанное на бледно-голубом стикере:

> «Прекрати поиски, Айрис. Оставь это. Я не смогу защитить тебя, если ты этого не сделаешь».

Я вся покрываюсь мурашками, несмотря на густые облака пара, вырывающиеся из открытой двери душевой кабины, и начинаю оглядываться, ощущая присутствие Уилла так явственно, словно он действительно стоит прямо рядом со мной. Кто положил это сюда? Как? Когда? Последний раз я заглядывала в этот ящик… до катастрофы? Да, я в этом совершенно уверена.

Внутри у меня целое море эмоций. Восторг. Возбуждение — «я же вам говорила!». Облегчение, которое испытываю, так сильно, что ноги перестают меня держать и я плюхаюсь на табурет.

Уилл жив. Должен быть жив. Эта записка, написанная его почерком, доказывает это.

Из горла вырывается громкий истерический звук — наполовину смех, наполовину вопль, — и я приказываю себе взять себя в руки. Если бы я сейчас сидела на кушетке в кабинете психолога, то объяснила бы самой себе, что, желая, чтобы Уилл был жив, я идеализирую свои фантазии и отказываюсь находиться в реальности, в которой он умер. Что я использую отрицание этого факта как защитный механизм и как отсрочку для той работы, которой должна заняться, — а именно оплакивать своего мужа. И все-таки мне не удается убедить себя в этом, потому что на этот раз полученное послание не оставляет никаких сомнений.

«Прекрати поиски. Оставь это».

И на этот раз письмо пришло без конверта. Это означает, что Уилл должен был сам положить его в ящик.

Я хватаю с тумбы телефон и набираю вопрос, который крутится в моей голове, как заевшая пластинка, с тех пор, как нашла первое письмо: «Уилл, это ты?»

Сердце сжимается, словно пальцы в кулаке.

Ответ приходит через тридцать секунд.

«Айрис…»

Я: «Что Айрис? Это простой вопрос, на который нужно просто ответить „да“ или „нет“. Это либо ты, либо не ты».

НЕИЗВЕСТНЫЙ: «В этой ситуации ничего не может быть просто».

Во мне вдруг закипает гнев, и мне надоедает играть в эту игру. Я хочу получить ответ. Если Уилл собирается продолжать и дальше брать на себя труд прокрадываться в дом и оставлять мне собственноручно написанные послания, то, по крайней мере, пусть признается в том, что это он. Я быстро набиваю ответ большими пальцами.

Я: «Ответь на чертов вопрос. Это ты или не ты смотрел мне в глаза и произносил все эти „пока смерть не разлучит нас“?»

Затаив дыхание, я жду ответа, но его все нет.

Я: «Скажи мне! Это ты?»

Я смотрю на экран, заклиная человека на другом конце провода ответить.

НЕИЗВЕСТНЫЙ: «Мне очень жаль. Я не хотел, чтобы мои проблемы коснулись тебя».

У меня из груди вырывается сдавленный стон.

Я: «Мне нужно это услышать. Мне нужно, чтобы ты сказал мне».

НЕИЗВЕСТНЫЙ: «Да. Мне очень жаль, но это я. Уилл».

Его ответ высвобождает все эмоции, которые я сдерживала все эти последние двенадцать дней. Страдание. Злость. Тоска. Облегчение. Отчаяние. Они выплескиваются из меня бурными, захлебывающимися рыданиями, которые сотрясают меня так сильно, что я не успеваю перевести дыхание. Мой муж не умер.

Я нажимаю на «Вызов», и, пока идет набор номера, меня осеняет. Уилл жив, но он разработал детальный план, как заставить всех — включая меня, его жену, его самого любимого человека на этой планете, — поверить в то, что это не так. Каким-то образом он сумел внести свое имя в список погибших пассажиров, зная, что это разобьет мне сердце. После третьего гудка я нажимаю на отбой.

Эта новая мысль захватывает меня поначалу медленно, как надвигающаяся откуда-то издалека гроза. Дыхание становится поверхностным и частым. Кончики пальцев на руках и ногах начинает покалывать. Я смотрю на зажатый в пальцах клочок бумаги, и меня охватывает странное ощущение. Оно распространяется по всему телу, вибрирует под кожей, как керосин, горит в моей крови, и внезапно меня начинает бить дрожь. Уилл оставил меня намеренно, ради денег. Ради четырех с половиной миллионов.

Никто и никогда не заставлял меня чувствовать себя такой ничтожной.

* * *

После душа я спускаюсь вниз босая и с мокрыми волосами. В какой-то момент, когда, стоя под струями горячей воды, я до красноты терла кожу мочалкой, моя злость перешла в решимость. Уилл хочет, чтобы я прекратила поиски? Хочет, чтобы я оставила это? Мне очень жаль, но теперь меня ничто не остановит.

В кухне я включаю чайник и достаю из буфета кружку. Пока я роюсь в кухонном шкафчике в поисках пакетика с чаем, мой телефон трижды издает сигал, возвещающий о приходе эсэмэски.

НЕИЗВЕСТНЫЙ: «Мне очень жаль, что все так произошло. Знай, что ты последний человек на планете, которому я хотел бы причинить боль».

НЕИЗВЕСТНЫЙ: «Я не хочу втягивать тебя в свои дела и не хочу, чтобы тебе пришлось лгать. Если полиция начнет меня искать, если они конфискуют твой телефон и найдут этот номер, ничего страшного. Им никогда не отследить его. Они ничего не смогут тебе предъявить».

НЕИЗВЕСТНЫЙ: «Айрис, ты здесь? Пожалуйста, поговори со мной».

Я стискиваю зубы, отключаю звонок и сую телефон в ящик для ножей.

Однажды, когда мы с Уиллом еще встречались, он не явился на свидание. Я сидела в баре ресторана «Рэтбун», в туфлях на высоком каблуке и облегающем черном платье, чуть хмельная после нескольких коктейлей «Мартини капля лимона» и от новой любви, а он просто забыл, что у нас свидание. К тому времени я уже знала, что Уилл трудоголик, и решила, что он увлекся разработкой программного обеспечения и потерял счет времени. Минуло полседьмого, семь, потом во-

семь. Мое беспокойство переросло в раздражение, в свою очередь сменившееся гневом. Наконец я швырнула на барную стойку две двадцатидолларовые купюры и вызвала такси, по дороге домой отправив ему ядовитое сообщение. «Обидно, что он не смог прийти на наше свидание, — написала я, — поскольку оно было последним».

Должно быть, Уилл проверил телефон около одиннадцати, потому что именно с этого момента начал меня атаковать. Он извинялся. Умолял о прощении. Предлагал нам обоим не пойти завтра на работу, чтобы он мог загладить свою вину. Обещал быть внимательнее. Я не ответила ни на одно сообщение.

Но его явное смятение и настойчивость тронули меня, и к полуночи я сдалась. Написала ему, что ложусь спать и что мы поговорим обо всем завтра.

Когда через пятнадцать минут он появился у моей двери, все еще вне себя от беспокойства, я позволила ему войти. Я пыталась злиться, правда, но его знакомое тело, прижатое к моему, глухие удары пульса на его шее, мягкость его губ и сильные руки, увлекшие меня на пол на полпути к ванной, успокоили. Когда на следующее утро на ночном столике зазвонил будильник, мы

с Уиллом все еще были заняты друг другом и ни один из нас не думал о работе.

Но забыть про свидание — это не то же самое, что предпочесть мне деньги, и уж совсем не то же самое, что разбить своей жене сердце, притворившись мертвым. На этот раз я не успокоюсь.

Я оставляю мобильник лежать там, куда его сунула, — в темном ящике среди вилок, ножей и ложек, и беру со стола свой ноутбук. Мне нужно все обдумать, сосредоточиться на фактах и начать с самого начала. Четыре с половиной миллиона — это вам не кот начхал. Нельзя просто взять и позаимствовать их со счета компании так, чтобы никто не заметил. Возможно, если мне удастся понять, как именно он это сделал, то я получу подсказку, где искать эти деньги.

Я усаживаюсь с компьютером на диван и завожу в строку поиска в Гугле «схемы корпоративного мошенничества». В Калифорнии финансовый директор прикарманил почти девяносто миллионов. Директор мясоперерабатывающего предприятия в Чикаго сбежал с более чем семьюдесятью миллионами. Вице-президент торговой компании на Западном побережье украл шестьдесят пять миллионов долларов путем откатов, а потом проиграл все до последнего

цента. Ближе к дому, в Саванне, менеджер по выплатам скрылся с более чем сорока миллионами, полученными в результате мошеннических телеграфных переводов.

А потом мне на глаза попадается история в самом низу страницы, и сердце в груди начинает биться быстрее. Дрожащими пальцами я кликаю на ссылку, которая отправляет меня на сайт, посвященный величайшим неразгаданным загадкам в американской истории.

В середине 1990-х некий человек по имени Хавьер Кардозо был обвинен в краже более семидесяти трех миллионов у компании, в которой он работал, одного из ипотечных банков в Бостоне. Когда полицейские прибыли к нему домой, чтобы арестовать его, они обнаружили работающий телевизор и полупустую тарелку с еще теплыми макаронами, но никаких следов Хавьера. И он, и деньги, все семьдесят три миллиона, попросту испарились.

Интересно, через пару лет появится в этом списке имя Уилла?

Я возвращаюсь к схемам мошенничества и просматриваю ссылки. Из них я узнаю две вещи. Во-первых, четыре с половиной миллиона — это мелочь. Полагаю, что Ник и совет директоров

«Эппсек» думают иначе, но сумма ничтожна по сравнению с другими цифрами, на которые я натыкаюсь.

Во-вторых, деньги почти всегда берет кто-то, кто имеет прямой доступ к бухгалтерским книгам. Корпоративный директор, финансовый директор, кто-то, кто занимается счетами или платежными документами. Уилл был разработчиком программного обеспечения. Его талант программиста, возможно, способствовал процветанию «Эппсек», но как он мог подобраться к деньгам? В этом должен был быть замешан кто-то еще. Кто-то повыше рангом в той же компании, кто-то, кто либо открыл Уиллу путь к деньгам, либо покрывал его.

Это снова возвращает меня к Нику. Он ничего не сказал о расследовании в отношении других сотрудников, при этом намеренно уходил от прямого ответа и фактически угрожал мне. Кроме того, он сказал, что рискует потерять работу, а отсюда недалеко и до мысли, что, возможно, он в отчаянии. Я вздыхаю и поудобнее устраиваюсь на диване, откладываю компьютер в сторону и беру папин блокнот. Открываю чистую страницу и записываю все, что мне известно:

1. В «Эппсек» пропали деньги. Четыре с поло-

виной миллиона только по первоначальным подсчетам.

2. Ник думает, что их взял Уилл, и, если быть честной, я тоже.

3. Уилл, по-видимому, переводил средства со счета «Эппсек» на другой счет, который он контролирует, и здесь речь идет о многочисленных переводах, происходивших в течение нескольких месяцев, если не лет.

4. В доме денег нет, но, возможно, есть нечто, что поможет узнать, где Уилл их спрятал.

5. Ник хочет вернуть деньги. Этого же хочет и тот, кто скрывается за номером 678, и он готов убить ради этого. Один и тот же человек?

На последних словах сердце подпрыгивает в груди, а в голове начинает пульсировать кровь. Кто бы это ни был, сообщения от него больше не приходили, но это вопрос времени. Никто не станет сначала посылать угрозы — «Скажи, где Уилл спрятал деньги, или присоединишься к нему», — а потом хранить молчание. И если верить ему, а я думаю, что верить стоит, он знает, как обойти сигнализацию.

Снаружи доносится рев газонокосилки. На другой стороне улицы начинает лаять собака. От этого шума пульс снова учащается, и я вос-

станавливаю в памяти свои шаги после отъезда родителей, когда закрыла двери и набрала код на мерцающей панели, чтобы включить систему. Я говорю себе, что все в порядке. Я под надежной охраной самой лучшей сигнализации, которую можно купить за деньги.

И все же сердце не успокаивается.

24

Газонокосилка ревет так, будто находится прямо за кухонным окном. Я поворачиваюсь и какую-то долю секунды вижу высокую, темную фигуру, перед тем как она скрывается за углом дома.

— Что за?..

Я вскакиваю с дивана, подбегаю к боковому окну и сквозь стекло вижу голого по пояс, потного Корбана. Голова у него опущена, плечи напряжены, он толкает газонокосилку по той части лужайки, которая огибает дом и уходит на задний двор. Половина двора уже выглядит аккуратной. Другая половина пока остается заросшей высокой травой, быстро вытянувшейся из-за необычно сырой весны и стремительно повышающейся температуры.

Не раздумывая ни минуты, я распахиваю заднюю дверь, и воздух вспарывает визг сирены. Корбан удивленно вскидывает голову и замирает как вкопанный. Я прижимаю ладони к ушам.

— О, черт!

Из-за всего этого шума у него нет ни малейшего

шанса услышать меня. Он наклоняется и щелкает выключателем на боку газонокосилки, как будто это может помочь.

— Погодите! — Я бросаюсь по коридору в переднюю часть дома и набираю код на панели. В то же мгновение визг стихает, на секунду или две воцаряется блаженная тишина, а потом звонит домашний телефон.

Я хватаю трубку с базы на кухонном столе по пути назад во двор, приказывая сердцу перестать биться так сильно. Хорошая новость — по крайней мере, я знаю, что сигнализация работает. Незваный гость, если только он не где-то на полпути во Флориду, уже должен был оглохнуть или умереть от сердечного приступа.

— Алло?

— Мы получили сигнал тревоги по адресу Эшленд-авеню, 4538. Вы хотите, чтобы мы направили к вам полицию?

— О нет, простите. Ложная тревога, и полностью по моей вине. Я пока еще не привыкла и забыла отключить систему, прежде чем открыть дверь.

— Подтвердите, пожалуйста, что это ошибка.

— Я думала, что только сейчас сделала это. — Я выхожу на залитый солнцем задний двор, где на краю террасы, уперев руки в бока, стоит Корбан.

Я машу ему: «Все в порядке», и он идет обратно к косилке.

— Вы должны сказать кодовое слово, мэм.

Ну, конечно, кодовое слово. Большой Джим предупреждал, что его будут спрашивать каждый раз, когда будут разговаривать со мной по телефону, оно будет означать, что все в порядке.

— Рэгби.

— Благодарю вас, мэм. Хорошего дня.

Я бросаю телефон на каменный стол и с виноватым видом поворачиваюсь к Корбану:

— Что вы тут делаете?

Корбан выразительно смотрит назад, на полосу свежескошенной травы у него за спиной, потом поворачивается ко мне:

— Я кошу ваш газон.

— Я вижу, просто… Сотрудники фирмы по обслуживанию газонов будут очень удивлены, когда придут сюда во вторник утром. Они решат, что я над ними издеваюсь.

Ухмылка на лице Корбана, видимо, означает: «Ну и ладно».

— Лучше держать этих ребят в напряжении. Мужчины лучше работают, если думают, что участвуют в соревновании.

Прежде чем я успеваю ответить, он дергает за

шнур, заводя косилку, и возвращается к прерванной работе.

Пока он заканчивает косить газон, я беру на кухне два «Хайнекена» и несу их на террасу, залитую лучами предвечернего солнца, где с удовольствием плюхаюсь в одно из кресел. Я вдыхаю запах свежескошенной травы и ощущаю вкус пива на языке, наблюдая, как Корбан легко толкает перед собой косилку по газону вперед и назад, словно она вообще ничего не весит.

Он являет собой прекрасный образец мужчины. Поджарый, темный и блестящий от пота, под кожей угадывается рельеф мышц. Может быть, Уилл потому и не хотел нас знакомить, что боялся конкуренции. Он не мог не видеть, как девушки падают к ногам Корбана в спортзале. Вероятно, он боялся, что со мной произойдет то же самое.

Я думаю о муже, и мое сердце трепещет от счастья и одновременно сжимается от боли, столь же невыносимой, как и прежде. От неприятного воспоминания жар пробегает по венам. Уилл предпочел мне — нет, нам — деньги. Хорошо. Злость — это хорошо. Потому что боль заставит меня плакать, а если начну, то, боюсь, уже не смогу остановиться.

Я беру вторую бутылку и помахиваю ею в воз-

духе:

— Пиво за хлопоты.

— Спасибо. — Корбан вытаскивает из заднего кармана майку и вытирает ею лицо, шагая по свежеподстриженному газону. — После того как покосил газон, нет ничего лучше холодного пива. Ничего.

С благодарным кивком он берет у меня из рук бутылку и слегка ударяет ею о мою.

— Ваше здоровье.

Мы оба делаем по большому глотку. Корбан опускается в кресло рядом со мной.

— Значит, — говорю я, — стрижка газона считается проявлением заботы обо мне?

— Ага, и, раз уж я здесь, могу сделать еще какое-нибудь нужное дело. Например, покрасить комнату или ликвидировать засор. Еще я могу почистить водостоки. А когда вы последний раз меняли масло в машине?

В памяти болезненным толчком сразу всплывает дождливое утро двенадцать дней назад — мы лежим в постели обнявшись, и Уилл задает мне тот же самый вопрос, — но я проглатываю его вместе с очередной порцией пива.

— А вы прямо мастер на все руки?

На его лице мелькает ироничная улыбка.

— Это одно из немногих преимуществ СДВ в детстве. Нужно научиться множеству вещей, в то время как ты не в состоянии высидеть на месте дольше тридцати секунд. Плюс отца не было рядом, чтобы позаботиться о нас. Я был старшим из пятерых детей, и маме нужна была любая помощь, какую она могла получить.

Мое психологическое образование дает себя знать прежде, чем я успеваю прикусить язык.

— Это слишком большая ответственность для ребенка.

Он в ответ пожимает плечом:

— Я не возражал. Мне нравилось быть за главного. Но не могу сказать, что сестры особенно меня слушались. Они и сейчас не слушаются. Упрямые как мулы, такие же, как наша мать. — Улыбка на его лице говорит, что именно за это он их и любит.

— Почему Уилл нас не познакомил? Я имею в виду, что он явно много рассказывал вам обо мне, но скрывал от меня вашу дружбу. Почему, как вы думаете, он это делал?

Если Корбана и удивило то, как резко я сменила тему, он ничем этого не выдает. Откидывается в кресле и протяжно вздыхает.

— Я задавал себе тот же вопрос миллион раз.

Уилл не отличался особой спонтанностью, и я уверен, что у него был целый список хорошо продуманных причин, но я, хоть убейте, не могу придумать других объяснений, кроме одного. Может быть, наша дружба не была такой крепкой, как я думал. Я хочу сказать, что считал, будто мы неразлейвода, но, возможно, ошибался.

— И вы все равно приехали, чтобы покосить газон его вдовы?

— Ну, ехать не так уж и далеко. Мой дом находится почти в черте города.

Я понимаю, что Корбан шутит, стараясь преуменьшить силу морального обязательства, которое заставило его проделать долгий путь из предместья Атланты до моего дома, но резкость, которую я слышу в его голосе, говорит о том, что ему совсем не весело. Он обижен тем фактом, что мой муж скрывал их дружбу от меня, и это восхищает меня даже больше, чем его сегодняшний приезд.

— Благодарю вас, Корбан. Вам вовсе не нужно было этого делать, но я ценю вашу заботу обо мне.

— Мне это приятно. Потому что, если честно, теперь, когда я знаю то, что знаю… — Он мельком смотрит на меня, выражение его лица меняется, и

оно вдруг начинает казаться робким. — Я думаю, что, возможно, проблема во мне.

Я ставлю пиво на каменную подставку.

— Что вы имеете в виду?

— Я уже говорил вам, что поведение Уилла казалось мне странным. Я видел знаки, видел, происходит что-то необъяснимое, но никогда не подавал вида, ни разу. Даже когда он заставил меня пообещать, что я буду приглядывать за вами. Давайте начистоту. Вы не просите друга позаботиться о вашей жене, если не опасаетесь чего-либо. Но я ни разу не усадил его рядом с собой и не сказал: «Эй, парень, что с тобой происходит? Тебе нужна помощь?» — Он резко пожимает плечами. — Похоже, это я был паршивым другом, а не Уилл.

Я делаю долгий глоток из бутылки, но холодная жидкость не помогает протолкнуть внезапно застрявший в горле ком. Может, Корбан и паршивый друг, но что тогда сказать обо мне? Что я за жена, которая не замечает, как ее муж влип в такие неприятности, что единственный способ выпутаться из них — это инсценировать собственную смерть? Я даже хуже Корбана. Эта новость оглушает меня, и мне начинает казаться, что земля уходит у меня из-под ног. Я сильнее

упираюсь ногами в цементный пол, а руками в кресло, стараясь почувствовать твердую почву.

Признание Корбана ставит нас с ним на одну доску. Когда дело касается моего мужа, мы оба оказались преданными, оба потерпели фиаско. Это единственное оправдание тому, что я собираюсь сказать.

— Из компании Уилла пропали деньги, — говорю я, следя глазами за белкой, которая скачет по веткам на соседнем участке. Мне невыносимо видеть удивление на лице Корбана или того хуже — осуждение. — Много денег. Если верить его боссу, четыре с половиной миллиона только по предварительным подсчетам. Никаких обвинений пока не выдвинуто, но это вопрос времени. В «Эппсек» все, похоже, абсолютно уверены в том, что это сделал Уилл.

Повисает длинная пауза.

Я поднимаю взгляд и вижу, что Корбан смотрит на меня со странным выражением на лице, напоминающим застывшую маску. Он сидит как истукан еще несколько секунд, а потом прижимает руку к голому животу и разражается хохотом.

— Я серьезно, Корбан. Это не шутка.

Он недоверчиво смотрит на меня.

— Уилл Гриффит водил старый драндулет с

дырой в полу и дышащей на ладан трансмиссией. Если бы у него вдруг завелась такая куча денег, разве он не раскошелился бы на тачку получше? Или, ну, я не знаю, не купил бы себе хотя бы новый бумажник, вместо старого, заклеенного скотчем?

— Он раскошелился на украшение.

— Я вас умоляю! Единственное украшение, которое у него было, — это обручальное кольцо, которое вы ему купили. И прежде чем вы что-то скажете, часы не считаются. Я совершенно уверен, что они были из пластика.

— Для меня. — Я кручу рукой, и «Картье» сверкает на солнце. — Он раскошелился на украшение для меня.

Улыбка мгновенно сползает с лица Корбана.

— Кольцо ничего не доказывает. Уилл не любил тратить деньги на себя, но с радостью мог потратить их на вас. Возможно, он откладывал несколько месяцев или, может быть, удачно вложил деньги. Не важно. Суть в том, что у него была хорошая работа. Он зарабатывал достаточно, чтобы иногда позволить себе потратиться.

— Он заплатил наличными.

— Ладно, признаю, выглядит не очень, но я не знаю… — Корбан сглатывает, и на его лицо набегает тень сомнения. — Вы думаете, он взял их?

Я пожимаю плечами:

— Если это он, то на нашем банковском счете их нет. В доме тоже.

— Тогда где они могут быть?

Я не отвечаю, потому что внезапно на меня наваливается тоска по Уиллу. Я могу дожить до восьмидесяти лет, выплатить кредит за дом, который мы покупали вместе, но все равно буду одна. Его ноги не согреют мои ледяные ступни, а улыбка не склеит мое разбитое сердце. Как бы я ни была зла на него за то, что он предпочел мне деньги, чувствую себя раздавленной и потерянной без моего мужа.

— Я знаю, — мягко произносит Корбан. — Я тоже по нему скучаю.

Я киваю, пытаясь разбудить утихшую злость, но, похоже, она покинула меня. Единственное, что мне удается ощутить, — это еще больше жалости. К Уиллу, к себе, к Корбану, скорбящему по умершему другу.

— Я должна перед вами извиниться.

Корбан поворачивается ко мне, на лбу собрались морщины.

— За что?

— Я нашла записку. Вернее, две. Обе написаны рукой Уилла, обе появились после катастрофы.

Потрясенный, он молчит. Ему требуется несколько минут, чтобы прийти в себя.

— Что… что в них было?

— В первой было написано: «Мне очень жаль». Во второй говорилось, что я в опасности и чтобы прекратила копаться в прошлом Уилла. После катастрофы я ездила в Сиэтл. Разговаривала с людьми, которые его помнят. — Я качаю головой. — Там было много всего, но только ничего хорошего.

— Что? Что было?

— Наркотики. Поджог. В зависимости от того, кому и чему верить, возможно, убийство. Я видела его отца, которого считала умершим много лет назад, правда, он не в том состоянии, чтобы что-то рассказать. У него Альцгеймер, и довольно запущенный. Но дело не в этом.

А в том, что, когда мы встречались тогда утром за кофе, я вас подозревала. Я думала, это вы послали мне те записки, чтобы… ну, я не знаю, подшутить, или помучить меня, или еще что-нибудь.

От негодования Корбан выпрямляется в кресле.

— Я бы никогда…

— Знаю. — Я улыбаюсь ему. — Поэтому и из-

виняюсь.

Он улыбается в ответ.

— Забыто.

— Что, вот так просто?

— Вот так просто.

Мы сидим, погруженные каждый в свои мысли. Я откидываюсь на спинку кресла, Корбан делает то же самое, вытягивает свои длинные ноги и прикрывает глаза. Откуда-то доносится визг — это в одном из соседних дворов играют дети, и где-то далеко слышится знакомый гул машин, застрявших в вечерней пробке.

— Так, подождите, — говорит вдруг Корбан, открывая глаза, — если это не я, то кто тогда присылал вам записки?

Я не отвечаю или все-таки отвечаю. Корбан пристально изучает меня, и по тому, как сжимаются его губы, я понимаю, что он разгадал мое безмолвное послание.

Глаза у него лезут на лоб.

— Нет.

Я раздумываю не больше секунды. Я уже встала на этот путь и после того, как он повел себя сегодня, знаю, что ему можно доверять.

— Были еще сообщения на телефон.

— И что в них говорилось?

— Много чего. Но в последнем было признание, что это он.

— Нет. Нет. Это… — Он прижимает руку ко рту и мотает головой, словно собака, старающаяся урвать понравившуюся ей кость. — Этого не может быть. Это безумие!

— Конечно, это безумие, как и украсть четыре с половиной миллиона долларов у своего работодателя. Вы сами говорили, Уилл вел себя странно. Что, если перед ним встал выбор, сесть в тюрьму или исчезнуть? Что, если он не любил меня достаточно сильно, чтобы поступить правильно?

Когда я произношу эти слова, голос срывается и глаза наполняются слезами. Я была права, думая, что если я начну плакать, то уже не смогу остановиться, потому что именно так и происходит. Рана в моем сердце вновь начинает кровоточить, и я обхватываю себя руками, складываюсь пополам и начинаю рыдать. Но делать это тихо и сдержанно у меня не получается. Дыхания в легких не хватает, я задыхаюсь, лицо сморщивается, краснеет, из носа начинают течь ручьи. Потому что в этом-то все и дело, разве не так? Уилл просто не любил меня достаточно сильно.

Бедняга Корбан, он выглядит так, словно совершенно сбит с толку. Он мужчина, который не

имеет ни малейшего представления о том, что делать с рыдающей псевдовдовой, поэтому он просто сидит, чувствуя себя не в своей тарелке, внимательно вглядываясь в мое лицо, словно что-то ища. Скорее всего, подсказку, как заставить меня перестать плакать.

У меня уходит целая вечность на то, чтобы рыдания постепенно стихли, из носа перестало течь, а завывания перешли в тихие всхлипывания. Когда я наконец могу сделать долгий, прерывистый вдох, он протягивает мне майку вытереть лицо. Ткань пахнет травой, туалетной водой и мужчиной, и от этого тоска по мужу становится еще сильней.

— Есть одна вещь, которую я не понимаю.

Все еще всхлипывая, я издаю ироничный смешок:

— Всего одна? Потому что я не понимаю миллион вещей.

Он делает последний большой глоток пива, осушая бутылку.

— Если Уилл не погиб, то где он? Куда он отправится?

Я снова пожимаю плечами:

— Туда, где деньги, конечно.

25

Этой ночью мне не удается заснуть. Злость течет по моим венам, пронзая меня изнутри, словно кактус. Каждый раз, когда я уже готова погрузиться в сон, она напоминает мне про телефон внизу, засунутый между вилок и ножей, попискивающий и вибрирующий каждый раз, когда от Уилла приходит новое сообщение.

Сколько их он уже прислал? Десять? Двадцать? Сорок? Я таращусь в потолок, стискивая зубы до тех пор, пока у меня не начинают болеть челюсти, и повторяю себе, что меня это совершенно не волнует.

Если бы Дэйв был здесь, я бы прокралась в его комнату и выпросила бы у него еще одну волшебную голубую таблетку. После вчерашнего дня — нет, после двух последних недель — мне бы не помешала ночь глубокого сна без сновидений, хотя бы для того, чтобы не дать мне добраться до телефона.

К утру мой мозг, накачанный адреналином и злостью, отключается, и я с облегчением сбрасываю одеяло. Я принимаю душ и чищу зубы,

как в любое обычное утро понедельника. Я сушу волосы феном и наношу макияж. Я запихиваю конечности в юбку и блузку, а ступни в любимую пару туфель на высоких каблуках и, пошатываясь, ковыляю вниз, чтобы раздобыть кофе. Нормальность — вот что мне сейчас нужно.

Нормальная вдова позвонила бы сегодня на работу и сказалась больной. Она весь день провела бы в кровати, завернувшись в халат покойного мужа, поедая шоколадное печенье, предварительно макая его в арахисовое масло, и прячась от мира. А нормальный начальник проявил бы к ней понимание. Тед в ответ на полном серьезе наговорил бы целую кучу банальностей — чтобы я не спешила, не торопила события, что мой офис будет ждать меня столько, сколько потребуется, пока я не буду готова.

Только я ведь не нормальная вдова? Мой муж — тот самый муж, который тринадцать дней назад разбился вместе с направлявшимся на запад «Боингом-737», — на самом деле не умер, а это означает, что на самом деле я не вдова.

Пока кофе варится, я украдкой заглядываю в ящик. Экран телефона черный. Я нажимаю пальцем на кнопку — ничего не происходит. Батарея разряжена.

— Ага! — гаркаю я в пустоту кухни, со стуком задвигая ящик. Я чувствую себя так, словно одержала маленькую победу.

Что, собственно, Уилл может сказать? Какие оправдания привести, способные исправить ситуацию? И если он пошел на все эти сложности, чтобы сымитировать свою смерть, зачем вообще мне писать? Откуда ему знать, что я не отнесу телефон в полицию и не отдам его детективам, чтобы те использовали его как главное вещественное доказательство?

Последняя мысль заставила меня замереть, стоя на кухонном полу. Способна ли я действительно предать собственного мужа? Должна ли я? Я всегда считала, что воровство — это преступление, заслуживающее наказания, но от мысли о том, что мой муж, мой Уилл, будет чахнуть за решеткой, желудок сжимается, и меня снова начинает тошнить.

У меня так много вопросов. Может быть, мне следует все же выслушать его, узнать, что он скажет, прежде чем принимать решение?

Кофе закипает, и я наливаю его в термокружку. Прихватываю из шкафчика злаковый батончик, беру со стола ключи и сумку и достаю мой умерший телефон из ящика.

Позже. Я выслушаю его позже.

Я подъезжаю к школе за пятнадцать минут до первого звонка. На парковке толпятся старшеклассники. Они наблюдают за мной из-за темных стекол дизайнерских очков, даже не пытаясь скрывать свои взгляды, как и свое удивление. Я для них словно объект психологического эксперимента, пришелец, только что прибывший с планеты Вдов. Они ищут во мне признаки того, что инопланетяне вынули мой земной мозг и заменили его своим.

Джош Вудраф, старшеклассник, выбирается из машины, стоящей рядом с моей, косясь на меня через крышу своего кабриолета.

— Привет, миссис Гриффит! Вы в порядке?

Я вздрагиваю и нажимаю на кнопку блокировки на брелоке, попутно натягиваю самую лучезарную из своих улыбок.

— Доброе утро, Джош. Какие новости?

Хмурое выражение на его лице сменяется маской притворной скромности, и он начинает перечислять все письма из колледжей, которые он получил, — во всех сообщается о зачислении, и заведения все очень престижные, нет только одного, о котором мечтают его родители.

— Из Гарварда пока ничего нет.

— Не важно, что они там ответят, ты и так уже можешь гордиться. У тебя такой впечатляющий перечень школ, которые хотят видеть тебя в своих стенах.

Он самоуверенно пожимает плечами:

— Отец задействовал все свои связи, так что, надеюсь, они скоро ответят.

— Ну, удачи! — Я стараюсь, чтобы мой ответ прозвучал как можно более воодушевляюще, хотя этим ребятам удача не нужна. Для них успех строится только на двух вещах — упорной работе и Всемирной сети. Деньги для них данность, а провалов они не знают.

Джош в ответ рассеянно улыбается и остается стоять на месте, в то время как я сворачиваю к зданию старшей школы.

Стоит прохладное утро, но парковка представляется гигантским холмом, на который мне предстоит вскарабкаться в сорокаградусную жару. Я цокаю каблуками по асфальту, стараясь не вспотеть в лучах утреннего солнца, но моя шелковая блузка уже начинает прилипать к коже.

— Привет, Бриджет. Доброе утро, Изабелла. Вы выглядите сегодня очень бодрыми, леди.

Они не выглядят очень бодрыми. Они выглядят как два полусонных подростка, которые случай-

но забрели на урок математики.

— Миссис Гриффит, с вами все в порядке? — спрашивает одна из девочек.

Я подавляю вздох.

— В полном, благодарю.

Бриджет взмахом руки обрисовывает мой торс.

— Примерно так, как когда вы понимаете, что надели блузку наизнанку?

Я опускаю глаза и вижу, что она, черт возьми, права. На боку топорщится метка прачечной, а оказавшиеся снаружи швы выглядят довольно потрепанными. Я, как могу, прикрываюсь спереди руками и стараюсь удержать ее взгляд.

— Переоденусь, как только дойду до школы.

— И у вас только одна сережка, — говорит Изабелла.

Теперь мои руки взлетают к ушам, пальцы нащупывают голую левую мочку, к лицу приливает жар. Господи. Теперь понятно, почему дети останавливались посмотреть, как я ковыляю по парковке, поглядеть на бедную вдову, которая притащилась в школу в таком неприбранном виде. Я выдергиваю вторую серьгу и кидаю ее в сумку, одновременно проверяя, все ли в порядке с юбкой, и украдкой оглядывая туфли. Слава богу, одинаковые.

— Я очень торопилась сегодня утром. Видимо, в этом дело.

— Само собой.

Не говоря больше ни слова, я поворачиваюсь и иду в школу. По дороге решаю, что в числе неотложных дел семинар по деликатности занимает лидирующую позицию.

Войдя к себе в кабинет, я застаю там Эву. Не сказать, что я удивлена, увидев ее здесь, — никто не пользуется установленным мною правилом «открытых дверей» больше, чем Эва, — хотя обычно она устраивается на табурете в углу, она сидит на нем так часто, что к нему вполне можно прикрепить табличку с ее именем, как на кресле директора. Однако сегодня она стоит посреди комнаты, нервная и напряженная, рюкзак болтается на плече, пальцы, вцепившиеся в лямку, побелели.

А еще она как будто немного задыхается.

— Мне сказали, вы вернулись, но…

— Доброе утро, Эва. Как прошли выходные?

Она переступает с ноги на ногу и сжимает ухоженные пальчики, с беспокойством глядя, не стоит ли кто-то в коридоре.

— Что?

Я обхожу ее, чтобы подойти к столу с другой

стороны и рухнуть в свое кресло, предварительно бросив сумку на пол. Рядом с монитором фотография улыбающегося Уилла, сделанная в прошлом году на музыкальном фестивале. Я выдвигаю нижний ящик стола и кидаю туда фотографию вместе с рамкой.

— Я спросила, как прошли выходные.

— А, наверное, хорошо. — Она покусывает нижнюю губу, пухлую и аккуратно накрашенную, взгляд блуждает по комнате. — Мистер Роулингс сказал, вас какое-то время не будет.

Мне всегда нравился Том, но, представив его лицо на церемонии, когда он произносил те слова, его сдвинутые брови и жалостливый тон, которым он предлагал мне остаться дома, я с трудом могу сдержать отвращение. Я не нуждаюсь ни в чьем сочувствии. Я его не заслуживаю.

— Я хотела позвонить, — говорит Эва. — Но у меня не было вашего номера…

Эва придвигается ближе к столу, намеренно стремясь попасть в поле моего зрения.

— А еще я думала заехать к вам, но не знала, как вы отнесетесь к тому, что я вдруг заявлюсь без предупреждения.

Я пристально смотрю на нее:

— Почему ты должна была появиться в моем

доме без предупреждения? Почему тебе вообще пришло это в голову? — Вопрос звучит как гневное обвинение, и я понимаю, что веду себя грубо и неразумно, но не могу остановиться. Слишком много разговоров — с Эвой, с ее нервно двигающимися руками и моими обвиняющими взглядами, с разряженным телефоном в моей сумке, — вот рассудок и не выдерживает. Как будто я одновременно смотрю телевизор, слушаю радио и разговариваю. Надо, чтобы хотя бы один из голосов заткнулся.

— Потому что я… — Она было набирается решимости, но потом снова начинает бормотать, так что я не могу разобрать ни слова. Она пятится от стола, бросает рюкзак на пол и садится, с абсолютно прямой спиной, на стул. В коридоре за дверью моего офиса тихо, все разошлись по классам. — Я хотела узнать, как у вас дела. Я волновалась.

Не только ее слова, но и тон, которым они сказаны, робкий и неуверенный, заставляют мою злость улетучиться без следа. Мне следует извиниться. Я должна открыть рот и сказать ей, что сожалею о том, что невольно сделала ее объектом своих нападок, но не могу. Мне страшно не нравится то, куда может завести этот разговор, поэтому я перевожу стрелки на нее:

— Я ценю твою заботу. Спасибо. А как обстоят дела с Шарлоттой Уилбэнкс? Есть новые поводы для ссор, о которых мне следует знать?

Прекрасные голубые глаза от удивления расширяются, на лице появляется выражение, которое можно истолковать как: «Вы издеваетесь надо мной?» Несколько секунд она не отвечает.

— Ссориться с Шарлоттой нет смысла.

— Рада за тебя. Это очень зрелый подход. А что насчет вас с Адамом Найтингейлом? Вы по-прежнему вдвоем?

— Шарлотта может забрать его себе. Все, чего хочет Адам, — это играть на гитаре или заниматься сексом, и хотите честно? — Она корчит гримасу. — И то и другое получается у него не очень.

Она откидывается на стуле, изучая меня с нежностью, которую я в ней и не подозревала.

— Мама ушла.

Сначала я подумала, что не расслышала ее слов.

— Что ты имеешь в виду? Куда ушла?

— Из дома. От отца. Она уехала жить в Сэнди-Спрингс с механиком по имени Брюс. — Эва говорит все это так, будто читает прогноз погоды, сухо и прозаично. — Видимо, у них любовь, ну,

или типа того.

Я откидываюсь на спинку кресла и выдыхаю:

— Да. Ух ты. Это… Это, должно быть, здорово изменило твою жизнь.

— Конечно! Вы бы видели мою комнату в доме Брюса. Она крошечная. — Эва криво усмехается, как бы давая мне понять, что говорит не совсем всерьез.

— Я имела в виду, что твои родители расстались.

Эва перекидывает прядь волос через плечо и начинает наматывать ее на палец.

— Не знаю. Не то чтобы отец был образцовым мужем. Его постоянно нет дома, а когда он появляется, то либо говорит по телефону, либо работает за компьютером. Я вообще не уверена, заметил ли он, что она ушла. А мама теперь выглядит намного счастливее. Она все время улыбается.

— Развод — это тяжело, но ты же понимаешь, что он касается только взаимоотношений между твоими родителями, да? Ты тут ни при чем.

Она кивает так, будто верит мне не до конца.

— Знаете, в чем главный прикол? Мама не взяла ничего, кроме одежды. Оставила и драгоценности, и машину, и даже сумочку от «Биркин». На последнее Рождество она жить не могла без ча-

сов «Ролекс» с розовыми брильянтами, а теперь единственное, чего она хочет, — это совместная опека.

— Похоже, она нашла что-то гораздо более ценное.

Я думаю об Уилле, о том, как пуста моя жизнь без него, о том, что он вернулся и забрасывает меня сообщениями, которые я не нахожу в себе смелости прочитать, и острая боль пронзает мою грудь.

Эва пожимает тоненьким плечиком:

— Да, Брюс ничего.

— Я имею в виду тебя. Она расстается с твоим отцом, но похоже, что очень привязана к тебе.

На этот раз Эва не пытается скрыть улыбку. Она просто смотрит на меня и позволяет ей вырваться наружу, и ее личико озаряется счастьем. Она на самом деле красивая девочка, и я уже собираюсь сказать, что ей нужно почаще улыбаться, как тут вся эта история предстает передо мной в более широком плане.

— Ты на удивление хорошо держишься в этой ситуации. Как так получилось?

Она раскручивает прядь на пальце, отбрасывает волосы назад и расправляет форменный свитер школы Лейк-Форест.

— Честно? Из-за вас. Из-за того, что случилось с вашим мужем. Такие вещи помогают понять, что на самом деле важно, и это не очередной брильянтовый «Ролекс», понимаете? Типа жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на ерунду.

И тут я вдруг начинаю плакать. О себе, об Уилле, об Эве и ее маме. Ради таких вот моментов озарения и работают все психологи, когда ученики сбрасывают отягощающий их эмоциональный багаж, но мои собственные эмоции не дают мне сказать ни слова.

— Вообще-то… — она подхватывает с пола рюкзак и водружает его на тумбу, — я не собиралась заставлять вас плакать. Я просто хотела, чтоб вы знали, что если я вам вдруг понадоблюсь, то буду в малюсенькой спальне в Сэнди-Спрингс и хочу поблагодарить вас за это. — Ее насмешливая улыбка сменяется серьезным выражением, а голос становится грубоватым. — Серьезно, миссис Гриффит. Спасибо вам, и мне правда очень-очень жаль вашего мужа.

Когда она уходит, я вытираю слезы рукавом и звоню Эвану:

— Привет, это я.

— Ну наконец-то. Я оставил на голосовой почте, наверное, с десяток сообщений. Вы что, забыли

телефон дома?

Я на ощупь нахожу на полу свою сумку, ногой пододвигаю ее к столу, где она запутывается в компьютерных проводах.

— Батарея разрядилась.

— Ну так поставьте телефон на зарядку, ладно? Я разговаривал с официанткой.

— Что она сказала?

— Ничего, в этом-то и проблема. Я надеюсь, она будет более общительной при личной встрече, поэтому собираюсь полететь туда на этой неделе, вместе с вами. Мои габариты пугают людей, и я подумал, что, если со мной будет женщина, к тому же психолог, это как-то поможет.

— Наверное, вы правы. Рада буду помочь.

— Отлично. Моя помощница сейчас передвигает встречи в моем расписании. Как только ей удастся освободить один из дней, она даст вам знать.

— Хорошо.

— Еще я поговорил с одним своим старым приятелем, чья фирма специализируется на корпоративном мошенничестве, и похоже, в городе ни для кого не секрет, что планы «Эппсек» акционироваться откладываются из-за того, что они не могут разобраться со своими проблемами. Все

фонды ВК дали задний ход. Они не хотят иметь с ними дел.

— Что такое ВК?

— Фонды венчурного капитала. Они инвестируют деньги в компании, подобные «Эппсек», в обмен на долю в капитале. Компании обычно используют их для притока денежных средств в рамках подготовки к ППП, первому публичному предложению. В случае с «Эппсек» еще три года назад было несколько заинтересованных инвесторов, а в прошлом году — всего один, то есть ему принадлежали бы сто процентов акций, которые были бы в таком случае неликвидными.

— Я школьный психолог, Эван. Я не понимаю, что все это значит.

— Это значит, что шеф Уилла совсем рехнулся, если думает, что «Эппсек» скоро сможет стать акционерным обществом. У этой компании большие финансовые затруднения, а в их бухгалтерской отчетности черт ногу сломит. Неудивительно, что четыре с половиной миллиона исчезли прежде, чем кто-то успел это заметить.

Звенит звонок, и из классов в коридор высыпают толпы шумных подростков. Я отматываю телефонный провод, обхожу стол и подхожу к двери. Я никогда не делала этого — за все шесть

с лишним лет, что здесь работаю, — и студенты это замечают. Они с удивлением смотрят, как я захлопываю дверь у них перед носом.

— Ладно, — говорю я, возвращаясь за стол, — но это не объясняет, как инженер по программному обеспечению мог украсть у компании такую кучу денег, чтобы никто этого не заметил. Разве никто не должен был подписывать ему чеки?

— Нет, если он переводил деньги электронным способом. Он также, скорее всего, не прикладывал особых усилий, чтобы замести следы, и это одновременно и плохо и хорошо. Плохо для вора, но хорошо для следователей. Все, что им надо сделать, чтобы вернуть деньги, — это следовать по «бумажным следам».

— Я бы не была так уверена. Уилл — гений, и он не стал бы оставлять явные следы для своих преследователей.

Особенно если я права, и Уилл скрылся вместе с деньгами. Он уж точно позаботится, чтобы поиски не были легкими. На самом деле готова поспорить, что я — единственная ниточка, ведущая к нему, а разряженный телефон в моей сумке — единственная улика.

На другом конце провода Эван шуршит какими-то бумагами у себя на столе.

— Я тут позвонил кое-кому. Думаю, что, если мне удастся разузнать, кого «Эппсек» привлек в качестве следователя, это, возможно, наведет меня на мысль, где искать деньги. А пока что вы сделали с чеком от «Либерти эйрлайнс»?

— Разорвала его пополам. — Я не стала добавлять, что, если бы могла, затолкала бы его в глотку Энн Маргарет.

— А вы не обращались в страховую по поводу выплат по полисам Уилла?

— Нет.

— Отлично. И не надо. Как супруга Уилла, вы будете первым подозреваемым в соучастии, и очень важно, чтобы вы не трогали ни цента из денег, которые могут оказаться не очень-то чистыми. Как у вас с финансами на ближайшее будущее?

Я быстро подсчитываю в уме примерные месячные расходы — ипотека, коммунальные услуги, машина и страховые выплаты, и итог меня не радует. Частные школы очень прижимисты, когда дело доходит до зарплаты, и Уилл получал вдвое больше моего. Я могу продать его машину, но Корбан прав. Она старая и ненадежная и, вероятно, стоит не больше двух тысяч баксов. Я не вполне представляю себе, как буду выплачивать ипотеку теперь, когда мои доходы сократились

на две трети, но одно знаю точно: я лучше буду голодать, чем продам дом нашей с Уиллом мечты, который мы покупали вместе.

— Айрис, если вам нужна помощь, я с радостью…

— Все в порядке. — Я строю рожу и добавляю в голос побольше оптимизма: — Спасибо, Эван, не переживайте за меня. Я что-нибудь придумаю.

— Я просто не хочу, чтобы у них появился повод преследовать вас.

— Я понимаю. — На этот раз стараюсь, чтобы по моему тону было понятно, что вопрос закрыт.

— Хорошо. И последнее: есть еще что-то такое, о чем мне надо знать? Документы, которые Уилл просил вас подписать, или какие-то дорогостоящие вещи, кроме кольца, которые Уилл купил на невыясненные средства. Машины, путешествия, мебель, все, что не отражено на ваших общих счетах.

— Нет, ничего такого. Но я позвонила вам рассказать, почему в моем телефоне села батарейка.

— Еще сообщения? Вы должны были отправлять скриншоты на аккаунт в «Дропбокс», помните?

Я откидываюсь назад и смотрю в окно, на блестящие машины на парковке и дальше, на

деревья.

— Для этого мне нужно взять в руки телефон.

— Что, угрозы такие серьезные?

— Это не угрозы. Сообщения приходят с другого, скрытого номера. И я знаю, кто их отправляет.

— Да? И кто же?

Я молчу, подбирая слова, но у Эвана не хватает терпения.

— Господи, вы же не хотите сказать, что это Уилл, нет?

Он забывает про нейтральный адвокатский тон, и его голос звучит скептически.

— Да, — наконец произношу я, и мое сердце ударяется о ребра. — Верно. Это он.

— Откуда вы знаете? Я имею в виду, на самом деле знаете, что это он, а не кто-то, кто выдает себя за него.

— Потому что я знаю. Потому что мы так ссоримся. Я злюсь и игнорирую его, а он забрасывает мой телефон извинениями и объяснениями. И боже мой, Эван, это на самом деле он.

— Что он сказал?

— Не знаю. — Я думаю про сообщения, и от поднимающихся в груди эмоций у меня перехватывает дыхание. — Я не могу заставить себя просмотреть сообщения. Я не прикасалась к те-

лефону со вчерашнего дня.

Повисает долгое тягостное молчание, и я ощущаю потребность как-то защитить себя.

— Вы лучше других знаете, через что мне пришлось пройти за последние тринадцать дней, и теперь я узнаю, что на самом деле все не так? Что это была просто отвратительная уловка, чтобы он смылся, прихватив пару миллионов долларов? Ну нет, черт возьми. Я так невероятно зла на него, Эван. Я просто не знаю, что мне с собой делать.

Эван протяжно вздыхает.

— Я пытаюсь поставить себя на ваше место, Айрис, правда, но мне лишь одно приходит в голову: если бы я узнал, что Сюзанна и Эмма живы, никакая сила в мире не удержала бы меня вдали от них. Конечно, я был бы вне себя от мысли, что она заставила меня пройти через эти кошмарные две недели, но моя злость была бы ничто по сравнению с облегчением узнать, что они живы.

— Это разные вещи. Ваша дочь делает эту гипотетическую ситуацию в корне отличной от моей действительности. Уилл взрослый человек, а не невинное дитя. — Но когда я произношу эти слова, какое-то теплое чувство прорастает через гнев и негодование, и я вытягиваю ногу, пытаясь нащупать ею валяющуюся на полу сумку.

— Любовь есть любовь. И как вы узнаете, заслуживает ли он прощения, если не хотите даже смотреть на телефон? — Эван замолкает, чтобы дать мне время обдумать эту мысль, а потом ему в голову, видимо, приходит что-то еще. — И я все хотел спросить. А кто сказал вам, что скрытый номер нельзя отследить?

— Что? А, консультант из «Бест-Бай» в Сиэтле. Он сказал, что сообщения посылались через приложение, что-то типа Снэпчата. Когда сообщение отправлено, все следы уничтожаются.

— И все же. Возможно, не повредит показать телефон другому специалисту. В котором часу вы заканчиваете?

— Официально? В пять, но я могу уйти после трех.

Он диктует адрес магазина, расположенного по соседству с моим домом, в Литл-Файв-Пойнтс, и я записываю его на стикере.

— Спросите Зеке. Я позвоню и скажу ему, что вы заедете.

— О'кей.

— Да, и знаете что, Айрис? Зарядите телефон.

26

Я сверяю адрес, записанный на стикере, с вывеской на окне небольшого музыкального магазина «У Сэма», расположенного в Литл-Файв-Пойнтс. Судя по адресу, который дал мне Эван, это то самое место. Я вхожу в стеклянную дверь и оглядываюсь.

Бизнес Сэма явно процветает. С десяток хиппи и хипстеров толкутся в зале, перебирают виниловые пластинки или, надев наушники, покачивают головой в такт беззвучной мелодии. Я протискиваюсь через них по направлению к девушке за кассой в дальнем конце магазина.

Когда она замечает меня, ее ярко-розовые губы растягиваются в ленивой улыбке.

— Эй, как дела?

По ее манере говорить, медленно и тягуче, я делаю вывод, что девица, скорее всего, обкуренная.

— Я ищу Зеке. Он меня ждет.

Она показывает на ярко-желтую дверь справа:

— Ищите и найдете.

Я благодарю ее и прохожу в заднюю часть магазина, которая, по сути, представляет собой

длинный коридор, вдоль которого располагаются складские помещения, такие маленькие, что их едва ли можно назвать комнатами. Я продвигаюсь по коридору, заглядывая в каждое помещение, но везде лишь стопки коробок без этикеток, пустые контейнеры и ни души.

Последняя комната слева забита компьютерными составляющими — консолями, картами памяти и полусобранными ноутбуками. На полу — змеиное гнездо из проводов и удлинителей, тянущихся к металлическому столу, за которым сидит человек, больше похожий на серфингиста, чем на компьютерщика. Густые спутанные волосы, полузакрытые глаза, футболка поверх мешковатых шорт, на шее — кожаный шнурок с бусами. Но он постукивает пальцами по клавиатуре, поэтому я решаю, что попала по адресу.

Я стучу по дверному косяку, и… ничего. Пробую снова, на этот раз громче, и откашливаюсь.

— Привет. Зеке?

Он поднимает взгляд, но совсем чуть-чуть.

— Зависит от обстоятельств.

— Меня прислал Эван Шеффилд. Я Айрис Гриффит. Он сказал, вы можете помочь с телефоном.

Не отрывая взгляд от экрана, Зеке протягивает руку, я трясу ее и тут соображаю, что протянутая

ладонь предназначалась не для приветствия.

— Ваш телефон, — говорит он нетерпеливо.

Ну конечно. Я вытаскиваю аппарат из сумки и подаю ему.

Он подсоединяет телефон к компьютеру и, не говоря ни слова, углубляется в работу. Его пальцы летают по клавиатуре, и на меня накатывает приступ ностальгии — как же я соскучилась по Уиллу. Стремительное постукивание клавиш, длинные цепочки символов и цифр, возникающие на экране… Я опускаюсь на край стула, стоящего у стены.

— Один тип в «Бест-Бай» сказал мне, что номер приходит из приложения, и из-за этого его нельзя отследить.

— И вы ему поверили, — фыркает Зеке.

Я проглатываю рвущееся с языка «конечно».

— Вы думаете, вам удастся?

— Минут через пять, самое большее. — Телефон подает сигнал о новом сообщении, и он смотрит на экран. — Настойчивый чувак, надо отдать ему должное.

Я кусаю губу и блуждаю глазами по комнате, читая бессмысленные надписи на белой доске на стене, внимательно рассматривая провода и зарядки в ящике на полу — все, что угодно, лишь

бы не смотреть на телефон. А потом слышу собственный голос:

— Сколько там сообщений?

Зеке прекращает печатать.

— Восемьдесят три.

— Сделайте мне одолжение, ладно? Прочтите последнее.

Он бросает на меня многозначительный взгляд, но проводит пальцем по экрану айфона.

— Тут написано: «Если бы я мог вернуться и начать все сначала, все было бы иначе, кроме тебя».

Из горла рвутся рыдания, но я подавляю их, сконцентрировавшись на злости. Уилл не умер. Он сам сделал свой выбор. Он предпочел деньги мне, той, кого он называл своим самым любимым человеком на планете. Даже если бы он мог вернуться, даже если бы мы могли начать все сначала, захотела бы я этого?

Но даже сквозь злость, съедающую меня изнутри подобно стаду голодных термитов, я знаю ответ — да. Я не должна, но я хочу, но думаю, что вдруг смогу все изменить. Возможно, мне удастся заставить его измениться, и в следующий раз он выберет меня, а не деньги. Каждую минуту душевной муки рождается новая доверчивая

жертва обманщика.

После еще нескольких минут постукивания по клавиатуре Зеке отрывает взгляд от монитора и переводит его на меня.

— В наше время есть тысячи способов сохранить анонимность в Сети, и этот парень выбрал не самый надежный. — Он что-то царапает в блокноте, потом вырывает листок и протягивает мне вместе с телефоном. Какой-то неизвестный мне адрес в Атланте.

— Серьезно? И на все ушло сколько, четыре минуты?

Впервые с того момента, как я переступила порог его комнаты, Зеке улыбается. Его зубы ослепительно сверкают в голубоватом свете монитора.

— Поэтому мне и платят хорошие деньги.

Дом — уродливое сооружение с многоскатной крышей из кирпича и камня в Винингсе, пригороде на северо-западе Атланты. Таких домов здесь миллион, и миллион таких кварталов — только что построенные жилые комплексы, абсолютно одинаковые. Тщательно подстриженные газоны с бордюром из рододендронов. Двойные фонари по обе стороны от входной двери и по крайней мере одно эркерное окно. Декоративные ставни

и солидные каменные тумбы почтовых ящиков.

Я медленно проезжаю мимо дома на машине, стараясь разглядеть хоть какие-то признаки жизни, но, насколько могу судить, они отсутствуют. Свет внутри не горит, но сейчас обеденное время, и на сегодня выдался солнечный весенний денек, так что в этом нет ничего особенного. Также нет никаких признаков движения, никаких теней за окнами. Если Уилл и тут, то я его не вижу.

И все же. Уилл, прячущийся в этом доме, какой в этом смысл? Если он украл деньги, то почему остался в окрестностях Атланты? Почему не скрылся за границей или хотя бы в горах в соседнем штате? Уилл слишком умен, а Винингс слишком близко к дому.

Я паркуюсь за углом, сую телефон в карман юбки и крадусь через соседский задний двор, стараясь не проваливаться каблуками в безупречный газон. Зеленые насаждения такие же молодые, как и дом, им от силы года три-четыре. То, что деревья до сих пор хилые и голые, говорит об отсутствии плодородного слоя.

Я совсем спятила. У всех на виду, среди бела дня. Худший подглядывающий в истории подглядывания — к тому же в юбке и на каблуках.

Я подхожу к кухонному окну и прижимаюсь

носом к стеклу. По другую сторону — кресло, отодвинутое от стола, на котором лежит открытый ноутбук, экран темный, и стоит белая кружка. Утренний кофе или дневная чашка чая? Ответа нет. За пределами кухни темно и пусто.

Я крадусь за угол к задней двери. Пара грязных кроссовок — мужских — валяется рядом с кипой газет. Тот, кто здесь живет, бегает и сортирует мусор, и я ставлю еще две галочки в колонку «Не Уилл». Уилл предпочитает спортивный зал и читает новости онлайн. Я пробираюсь сквозь кусты и двигаюсь к следующему окну.

В гостиной тоже пусто, обстановка в ней такая безликая, что ничего не говорит о человеке, который тут живет. Диван, два кресла, пара столов и лампы. Я оглядываю комнату в поисках чего-то личного, фотографий, или книг, или брошенной одежды — ничего. Если не считать ботинок и ноутбука, это место могло бы сойти за дом-образец.

В коридоре включается свет, и сердце у меня замирает, а потом начинает биться как бешеное. Если это Уилл, что мне делать? Упасть без чувств в кусты? Вломиться через окно? Я вцепляюсь в подоконник, затаиваю дыхание и жду.

Жестокое разочарование постигает меня, когда человек выходит из-за угла. Это не Уилл, но я

узнаю его с первого взгляда. Высокий, широкоплечий, кожа цвета кофейных зерен. Вчера я достаточно насмотрелась на эту кожу, пока этот человек толкал газонокосилку по моему заднему двору.

Я перебираю в уме части головоломки, стараясь понять, как правильно их сложить. Дом. Уилл. Корбан. Если это тот адрес, который привязан к скрытому номеру, откуда Уилл шлет мне сообщения с тех пор, как выследил меня в Сиэтле, то что здесь делает Корбан? И где Уилл? Но как бы я ни старалась понять, у меня ничего не выходит.

Корбан заходит в комнату, и я перемещаюсь к следующему окну, следя за его действиями. Он склоняется над экраном мобильника, водя по нему большими пальцами. Что бы он там ни увидел, это заставляет его ноги прирасти к полу, а лоб хмуриться.

Внутри меня вдруг раздается сигнал тревоги — так модная спортивная машина Эвы начинает издавать громкий звук каждый раз, когда ее задний бампер оказывается слишком близко к какому-нибудь твердому предмету. Сигнализация у меня в голове надрывается, сообщая, что я приближаюсь к какой-то опасности. К оврагу или, может, к краю пропасти.

Внезапно он вскидывает голову и устремляет взгляд на окно.

Мое окно.

Как будто он точно знает, куда смотреть.

Я падаю в грязь и, затаив дыхание, прислушиваюсь, но сердце бьется так громко, что я почти ничего не слышу. Видел ли он меня? Он уже идет сюда? Я решаю не дожидаться ответа. Встаю на четвереньки и ползу, сердце бьется где-то в горле. Сосновые иголки впиваются мне руки и ноги, одеждой я цепляюсь за кусты — юбкой или блузкой или и тем и другим вместе, — но я не останавливаюсь. Наклонив голову, я упорно продвигаюсь вперед. Еще метров шесть по кустам до конца дома, а что дальше? Как только я выберусь во двор, то окажусь на виду.

Остается только молиться, чтобы он не вышел из дома.

Хлопает дверь, лает собака, и этого оказывается достаточно. Я вылетаю из кустов и мчусь через двор к машине.

Я запрыгиваю на водительское сиденье и трясущимися пальцами сую ключ в замок зажигания… Отъезжая, я успеваю бросить взгляд на двор позади себя и заметить Корбана, который стоит в дверях, рукой прикрывая глаза от солнца.

И улыбается.

Через несколько минут я сворачиваю на парковку у расположенного по соседству магазина «Хоум депот», пристраиваю машину между двумя джипами и пытаюсь отдышаться. Я уже пришла в себя после пробежки по двору, но дыхание все еще остается прерывистым, воздух как будто застревает в легких. Я надуваю щеки и задерживаю дыхание, как меня научил Корбан в нашу первую встречу на поминальной службе — о, какая ирония! — и это помогает. Когда я выдыхаю, спазм в легких исчезает.

Корбан видел меня. И не только видел, но и мог бы с легкостью поймать. Я не спортсмен, а высокие каблуки и узкая юбка — не лучшая экипировка для стометровки. За то время, которое мне потребовалось, чтобы пересечь двор и сесть в машину, такой атлет, как Корбан, преодолел бы это расстояние дважды.

Но он даже не пытался.

И он не выглядел удивленным. И улыбался.

Телефон оживает, толкая меня в живот, и я выуживаю его из кармана юбки. Смотрю на темный экран и вспоминаю информационный вечер, который мы с Тедом проводили для родителей несколько месяцев назад. В тот раз речь шла о

киберзапугивании, и всего через полчаса после начала инициативу перехватили несколько «мам-вертолетов», которые без ведома своих чад установили на мобильные телефоны подростков GPS-трекеры. Они рассказывали об этом с такой гордостью, словно право шпионить за детьми даровано родителям свыше, и я имела неосторожность вслух поинтересоваться, не кажется ли им, что этим они перешли некую грань. Остаток вечера Теду пришлось успокаивать разгоревшиеся страсти.

Но суть в том, что я знаю о существовании таких технологий.

Трекеры, о которых говорили родители, невозможно обнаружить, они работают в фоновом режиме. Все, что нужно, — это получить в свое распоряжение телефон другого человека, чтобы установить приложение, и — бинго, вы всегда знаете, где он находится. Неприятная истина постепенно доходит до моего сознания, и, если бы не сообщения от Уилла, я бы выкинула телефон в окно.

Но потом в голову приходит следующая мысль, от которой у меня снова сбивается дыхание.

Скрытый номер привел меня к Корбану, а не к Уиллу.

Трясущимися пальцами я включаю телефон и просматриваю все восемьдесят семь сообщений — одно за другим.

Искренние извинения, подробные объяснения и полные раскаяния сожаления. Все написано верно, кроме одного.

Семнадцать раз он пишет, что любит меня. Но ни разу не использует слова, которые я хочу увидеть. Наши слова. Ни разу он не написал, что я его самый любимый человек на планете, а это значит, что скрывающийся за этим номером — не тот, кого я люблю.

Это означает… что? Уилл мертв? Как бы я ни была зла на него за то, что он предпочел мне деньги, я отказываюсь в это верить. А как же записки, в которых он извиняется и просит меня прекратить копаться в его прошлом? Если сообщения на телефон дело рук Корбана, то получается, что и письма писал тоже он?

Я приваливаюсь плечом к окну. Все пережитое за этот день наваливается снова, и меня начинает мутить. Я чувствую знакомое раздражение в легких, жжение в уголках глаз, ощущение, будто чья-то рука сжимает мое горло. Все говорит о том, что я на краю катастрофы.

Когда начали приходить эсэмэски и письма,

я предпочла поверить, что за ними стоит Уилл. Мне нужно было верить в это. Столкнувшись с реальностью, в которой были рухнувший самолет и обуглившееся кукурузное поле, я предпочла смотреть в другую сторону, так же, как я делала это в нашем браке. Да, Уилл не хотел говорить о своем прошлом. Да, в его историях зияли пробелы. Ну и что с того? Каждый раз, когда возникало какое-то несоответствие, я убеждала себя, что это просто глупая ошибка, приказывала себе не обращать внимания. Единственное, что имеет значение, — это наше настоящее, так я всегда думала.

Только как можно любить человека, которого на самом деле не знаешь?

Ответ зарождается и растет внутри меня, в клочья разрывая печаль, пожирая ее целиком и изрыгая обратно в виде колючего шара злости — не столько на Уилла за его предательство, сколько на себя, что позволила так поступить с собой.

Любовь и жертвенность. Честность. Доверие. Мы видим то, что хотим видеть. Мы собираем информацию, используем или игнорируем ее, чтобы создать наши собственные представления, сделать свой собственный выбор, чтобы утаить любовь или отдать ее по доброй воле.

Я швыряю телефон на пассажирское сиденье, завожу машину и выезжаю обратно на автостраду.

Мой муж мертв.

Мое сердце разбито.

Мои глаза теперь открыты.

Несмотря на час пик, я проделываю обратный путь до Литл-Файв-Пойтнс менее чем за полчаса. Уже почти семь, и небо окрасилось в розовато-сиреневые тона.

Внутри музыкального магазина пусто, если не считать симпатичной девушки за прилавком. Она пересчитывает деньги и, заслышав звон дверного колокольчика, поднимает палец, прося подождать. Я не собираюсь ждать, когда она оторвет взгляд от пачки купюр, и направляюсь прямиком к ярко-желтой двери.

Я нахожу Зеке там же, где в прошлый раз, в захламленной комнатке, постукивающим пальцами по клавиатуре.

— Вы вернулись, — говорит он, не отрывая глаз от монитора.

Я кладу телефон на стол.

— Вы пропустили трекер.

— Нет, я видел его. — Он поднимает голову и замечает мои растрепанные волосы, мятую блузку,

правый рукав которой порван в двух местах. — Черт, что с вами случилось?

— Трекер со мной случился. Было бы лучше, если бы вы сказали мне про него.

— Вы не спрашивали.

Мне не удается подавить рвущийся наружу вздох.

— Вы можете его отключить? И я хочу, чтобы вы отследили для меня еще один номер. Он в самом начале списка контактов, первые цифры 678.

Зеке проводит пальцем по экрану, выводя сообщения. К двум первым добавились еще четыре злобных послания, сулящие боль и смерть, если я не отдам деньги.

— Тут все очень запутано.

— Расскажите мне. Я надеюсь, вы сможете сказать, кто их посылает.

— Этот чувак отправлял сообщения через сайт компании, но… — Он нажимает на какие-то кнопки на телефоне и мрачнеет. — Хм, странно. Подождите-ка минутку.

— Раз уж я все равно тут, может, скажете, есть еще что-то подозрительное или скрытое, о чем мне стоило бы знать?

Он выуживает из ящика у себя под ногами зарядное устройство и протягивает его мне.

— Выбросьте все зарядки, которые у вас есть, или, еще лучше, принесите их мне. Мне всегда нужны снифферы.

Я не знаю, что такое сниффер, но кладу зарядку в сумку.

Он снова берется за телефон, водя пальцем по экрану.

— Насколько внимательно смотреть?

— Представьте, что это телефон вашей девушки.

Глаза у него вспыхивают, и он жестом указывает мне на стул:

— Садитесь. Придется немного задержаться.

27

За порцией фирменных равиоли в кафе «Интернеццо» в Мидтауне я посвящаю Эвана в хронику последних событий. Как Зеке отследил номер до дома в Винингсе, где я нашла Корбана Хейза. Как я потом снова примчалась к Зеке и тот удалил из моего телефона трекер и приложение, которое регистрировало историю звонков и сообщений. И как я ушла, а он продолжил колдовать над номером 678.

— По какой-то причине отследить этот номер оказалось сложнее, чем первый. Но Зеке обещал позвонить, как только ему удастся взломать его.

На Эване по-прежнему безукоризненный деловой костюм в тонкую полоску, явно сшитый на заказ, учитывая его высоченный рост, но пиджак наброшен на спинку стула, воротник расстегнут, а рукава высоко закатаны, обнажая его длинные руки. Борода, как у зверобоя, добавляет ему шарма, и его можно было бы назвать настоящим красавчиком, если бы не печально опущенные уголки глаз.

— Но этот первый, скрытый номер, — говорит

он, протягивая длинную руку через стол, чтобы вернуть мне телефон, — про который вы думали, что он принадлежит Уиллу, Зеке отследил и установил, что он принадлежит Корбану Хейзу?

— Нет, Зеке установил адрес — один из особняков в Винингсе. Но когда я заглянула в заднее окно, то увидела Корбана Хейза.

Эван высоко поднимает брови:

— Вы заглядывали в окно? Вы совсем сошли с ума?

— Забавно, что вы спрашиваете, но да. Я сошла с ума. Ну, или меня преследует погибший муж. Выбирайте.

Он кладет руки на стол и опирается на них, так что стол содрогается под его весом.

— Это не шутки, Айрис. Если этот парень шлет вам эсэмэс, выдавая себя за вашего покойного мужа, все может быть очень серьезно. Вам не нужно находиться рядом с ним и уж тем более околачиваться у него на заднем дворе. А если бы он вас увидел?

— Он видел меня.

Эван продолжает сидеть с ничего не выражающим лицом, словно ожидая продолжения.

— Корбан видел меня. Сначала через окно, а потом — когда я бежала по двору. Вот почему я так

выгляжу. Я лезла через кусты. — Я просовываю палец в одну из дырок на рукаве и нащупываю припухшую царапину на коже. — Но он не стал меня преследовать. Он просто стоял и смотрел, как я уезжаю. И что самое ужасное — он улыбался.

— Вы думаете, что самое ужасное — это его улыбка?

В другое время я бы посмеялась над застывшим лицом Эвана, или над его сдержанностью в выражениях, или над тем и другим вместе, но, учитывая ситуацию, мне совсем не было смешно. А кроме того, Эван прав. Улыбка Корбана не единственная страшная вещь.

Эван берет вилку, накалывает на нее равиоли, а потом с грохотом швыряет на тарелку.

— Мне это не нравится. Этот парень выдает себя за Уилла, а это означает, что он хитер и опасен, и он слишком много знает. — Эван качает головой и снова берет вилку. — Не знаю, какие у него могут быть мотивы, но он представляет собой угрозу. Вам нельзя ехать домой. Вы не будете там в безопасности.

— У меня теперь новая сигнализация, лучшая на рынке, по словам парня, который ее устанавливал. Камеры, тревожные кнопки, усиленные

механизмы.

— Сигнализация не отпугнет решительно настроенного преступника, Айрис. Я часто с этим сталкивался и знаю наверняка. Для вас будет безопаснее пока пожить где-то еще. В доме у друзей, в отеле, или, если с деньгами у вас не очень, предлагаю свою комнату для гостей.

Я не отвечаю, главным образом потому, что не знаю, что сказать. Адвокат и клиент. Вдовец и вдова. Друг. Слишком много взаимосвязей, слишком много потенциальных точек пересечения. Каким бы милым ни было его предложение, добавлять в этот список еще и соседей по дому — идея неудачная во всех отношениях.

— Вижу, что мое предложение шокировало вас, но вам стоит знать, что комната предоставляется в комплекте с собственной ванной и замком на двери и что я прошу не только ради вас самой. — Он с деланным равнодушием пожимает плечами, и этот жест резко контрастирует с выражением его лица. — Тот, кто сказал, что самый страшный момент наступает, когда ваша семья или друзья собирают вещи и уходят, был прав. В моем доме теперь так ужасно тихо. И было бы здорово, если бы в нем появился кто-то еще.

Говоря это, он закрывает глаза, словно думает в

этот момент не обо мне, а о Сюзанне и Эмме, пытаясь удержать их ускользающие образы перед своим мысленным взором. Я знаю, что предложение сделано из добрых побуждений, но еще оно продиктовано любовью, утратой и тоской. У меня уже возникло впечатление, будто я навязываюсь, хотя даже не переступила порог его дома.

Я открываю рот, чтобы вежливо отказаться, но Эван, должно быть, это чувствует, потому что он останавливает меня:

— Просто подумайте об этом, ладно? Комната всегда вас ждет. А если вы не захотите, по крайней мере пообещайте мне, что подумаете про то, чтобы пожить у друзей или родственников.

Я благодарно киваю и улыбаюсь, и Эван возвращается к своим равиоли.

— Значит, вы спросили Зеке, может ли он выяснить, откуда за вами следят?

— Нет, я не знала, что это возможно.

— Я тоже точно не знаю, но, если это так, он это сделает. А пока — не могу поверить, что вынужден говорить это вслух, — держитесь подальше от Корбана Хейза. Если он снова напишет вам, выдавая себя за Уилла, ни за что, повторяю, ни за что не вступайте с ним в контакт. Если он позвонит или снова появится у вашего дома, звоните в

полицию и все фиксируйте. Нам это понадобится для получения судебного запрета.

Мой телефон гудит на столе, и на экране возникает лицо Дэйва.

— Это мой брат. Не возражаете, если я отвечу?

Эван машет рукой:

— Давайте.

Я беру телефон и зажимаю пальцем другое ухо, чтобы что-то расслышать сквозь шум в ресторане.

— Привет, можно я тебе попозже перезвоню? Я ужинаю.

— Ну уж нет. Ты знаешь, сколько сообщений я тебе оставил? Тринадцать, вот сколько. А мама звонила мне по крайней мере дважды, разыскивая тебя. Она в истерике. Где ты, черт возьми, была?

— Извини, но ты не поверишь, что тут случилось в последние два дня.

Я быстро пересказываю Дэйву события, произошедшие с тех пор, как мы виделись последний раз — всего два дня назад, а кажется, что прошло два месяца. Я касаюсь только самых важных моментов, рассказывая ему про Тиффани, про второе письмо, про эсэмэски, приходящие якобы от Уилла, и про то, как Зеке, отслеживая телефон,

нашел дом в Винингсе.

Когда я дохожу до того места, когда Корбан замечает меня через окно, Дэйв останавливает меня:

— Очуметь, Айрис! Ты обратилась в полицию?

— Мы с Эваном как раз обсуждаем этот вопрос. Ты позвонишь маме? Скажи ей, что я в порядке и что позвоню ей утром.

— Я скажу ей, но ты же знаешь, что она все равно будет тебе звонить. Прошу тебя, сделай нам всем одолжение — отвечай на звонки. Да, и, раз уж я тебя поймал, ты видела имейл из полиции Сиэтла?

— Нет, а что? В нем говорится, когда мы можем ждать отчет?

— Они уже выслали его.

— Весь целиком?

— Да, весь. Пожар, улики против Уилла, все.

— И? Что там написано?

— А шут его знает! Такое ощущение, что написано по-испански. Я понимал только каждое четвертое или даже пятое слово. В общем, взгляни на него, когда будет возможность, и перезвони мне. Может, мы вдвоем сумеем перевести эту полицейскую писанину.

Я смотрю на Эвана, макающего кусок хлеба в соус в тарелке.

— У меня есть идея получше.

Эван соглашается взглянуть на полицейский отчет, но только если я покажу его ему на компьютере у меня дома. Хотя никто из нас не говорит об этом вслух, мы оба знаем истинную причину этого условия. Эван хочет убедиться, что никто не скрывается в темных, пустых комнатах, и после сегодняшних открытий и моей пробежки по двору Корбана я предпочитаю согласиться.

Несмотря на фонари, заливающие улицу золотистым сиянием, мой дом кажется громадной черной тенью на фоне ночного неба.

— Не буду врать, — говорю я, ища в сумке ключ от дома. — Я рада, что вы пошли со мной. Сегодня утром, когда я уходила из дома, мне и в голову прийти не могло, что я не вернусь до наступления темноты.

Эван подсвечивает дисплеем айфона ручку двери, чтобы мне было лучше видно.

— Да уж, жутковато.

Я открываю дверь, и система приветствует меня долгим, пронзительным воем. Я бегу к пульту и набираю код, а Эван пока ищет, где включается свет. Наконец он находит выключатель, и в коридоре становится светло.

— Сигнализация включена, значит, нико-

го нет. — Я показываю на датчики движения, установленные почти под самым потолком в коридоре. — Такие же есть в каждой комнате, парень, который их устанавливал, говорил, что они достаточно чувствительные, чтобы срабатывать даже в темноте.

Но не похоже, чтобы Эвана это успокоило. Он из-за угла осторожно заглядывает в гостиную, потом быстро поворачивает голову и смотрит в другую сторону.

— И все же я обойду дом. Вы не возражаете?

— Ну что вы, наоборот, я вам очень благодарна. — Я задвигаю дверной засов, заново включаю сигнализацию, жестом приглашаю его следовать за мной и иду на кухню, включая по дороге все лампы. — Могу я предложить вам что-нибудь выпить? У меня есть содовая, пиво, вино и, если желаете, найдется и что-нибудь покрепче.

Он открывает дверь кладовой, закрывает ее.

— Спасибо, я бы выпил бокал вина.

Пока я открываю бутылку пино нуар, он отправляется осматривать дом, заглядывая за двери, гремя окнами и дверными замками. Я отношу бутылку и два бокала на барную стойку и вывожу на экран ноутбука письмо из полицейского управления Сиэтла. Через несколько

минут Эван возвращается и на сей раз кажется успокоенным.

— Все чисто?

— Да, все чисто. — Он опускается на барный стул и, хмурясь, всматривается в экран. — Похоже на отчет о происшествии.

Я ставлю бокал на стойку и наклоняюсь ближе, чтобы видеть экран из-за его плеча.

— И что там?

— На самом деле тут не говорится почти ничего нового. Был пожар, в котором погибли мать Уилла и двое соседских детей, и полицейские нашли горючее вещество в соседней квартире, и что дальше?

Я пожимаю плечами.

— Есть что-то про куратора? К Уиллу вроде бы был приставлен такой. Мы с Дэйвом думали, что, возможно, он знает подробности.

Эван просматривает файл.

— Уайетт Лори. Это имя вам что-то говорит?

— Нет.

— Я завтра посмотрю, может, сумею его найти. Вы с братом просматривали судебные протоколы?

— Нет.

— Из них можно было бы узнать, что произо-

шло после пожара. Имелись ли постановления на обыск, заявления об обвинении в преступлении, или, еще лучше, было ли дело передано в суд. Именно так мы восстанавливаем всю картину в целом.

Разочарование свинцовой тяжестью разливается по всему телу.

— Ох.

Эван оборачивается, слегка задевая меня плечом.

— Айрис, это не плохо. Полицейские управления иногда неохотно и медленно предоставляют свои отчеты, но протоколы судебных заседаний находятся в открытом доступе, и их можно посмотреть через Интернет. — Он кликает мышкой и стучит большими пальцами по клавиатуре. — Ну вот, Окружной федеральный суд Соединенных Штатов по Западному округу штата Вашингтон. Напомните, в каком году это случилось?

— В 1998-м или 1999-м.

— Хм, протоколов с таким сроком давности в электронном виде, возможно, нет, но мы наверняка сумеем найти пару совпадений в поиске. Скорее всего, это будут краткие изложения дела, но, по крайней мере, мы сможем составить картину происшедшего. — Он заполняет он-

лайн-форму, нажимает «Подписаться». Через две секунды на экране высвечиваются результаты. — Бинго. У вас есть принтер?

Мы с Эваном устраиваемся на разных концах дивана, разложив между собой распечатанные страницы. Их не много. Несколько судебных протоколов, пара-тройка газетных статей о пожаре — вот, пожалуй, и все. И здесь нет ничего нового.

Частично проблема состоит в том, что Эван был прав; большая часть того, что нам удалось найти в Интернете, — это лишь обрывочные сведения, параграф или два, в которых кратко излагается информация, в деле занимающая множество страниц.

Другая, более серьезная проблема заключается в том, что улики против Уилла какие-то неубедительные. Канистру с бензином, купленную в 1977 году, не удалось связать ни с кем из обитателей Рейнир-Виста. Квартира, где начался пожар, примыкала к квартире Уилла, она пустовала и была не заперта, следователи обнаружили в ней такое количество разных образцов ДНК, что даже не смогли их все идентифицировать. Не способствовало делу и то, что детектив, работавший по нему, оказался коррумпированным ублюдком, использовавшим свое служебное по-

ложение в том числе для того, чтобы бесплатно развлекаться с проститутками, работавшими в районе Рейнир-Виста. Дело было закрыто задолго до того, как жюри присяжных успело вынести свое решение.

Я откладываю страницу, которую читала, на диван и чувствую, как во мне нарастает разочарование.

— По-моему, все бесполезно. В самом начале мне хотелось проникнуть в прошлое Уилла, но теперь… Теперь я уже не так уверена. То есть я хочу сказать, что это не изменит произошедшего. Я больше не вижу в этом смысла.

Эван не спешит соглашаться.

— Если я чему-то и научился за время своей работы, то это не останавливаться, пока не будет полной картины. Если вы хотите знать, о чем Уилл думал за недели, месяцы или даже годы до катастрофы, вам нужно установить основные события его жизни, которые сформировали его как личность. — Он потрясает в воздухе страницей. — Я бы сказал, что пожар — это как раз то, что нужно.

Я неохотно пожимаю плечами, и мы снова принимаемся за чтение.

Из распечаток я узнаю, что кроме старика, с

которым мы с Дэйвом разговаривали в общинном центре, главным свидетелем со стороны обвинения была женщина по имени Корнелия Хак, соседка, жившая в квартире 47с, также примыкавшей к пустым апартаментам, где начался пожар. В начале судебного слушания миссис Хак уверяла, что слышала, как ссорились родители Уилла в ночь пожара, но голосов было три, а не два. Двое взрослых и подросток. Миссис Хак заметила разницу, потому что у нее самой дети, но они, особо отметила она, не дружат с Уиллом.

После полуночи все стихло. А примерно часа через полтора здание уже горело. Миссис Хак сумела выбраться наружу, но потеряла все свое имущество, а страховки, как и у большинства жильцов дома, у нее не было.

— Думаете, у миссис Хак был корыстный интерес? — спрашиваю я, протягивая руку за бокалом. Почему-то это имя не дает мне покоя, будя невнятные воспоминания.

— Определенно так. Особенно учитывая, что она уже снискала себе недобрую славу регулярными звонками в 911 с жалобами на то, что Гриффиты нарушают общественный порядок. Она сказала, цитирую: «Из-за этих криков она не могла нормально соображать».

— Кстати, а где дети? Она упоминает о них на суде, но в отчетах с места пожара о них нет ни слова.

— Если не фигурируют в качестве свидетелей или потерпевших, можно сделать вывод, что они оказались всего лишь сторонними наблюдателями.

Тут в памяти наконец что-то щелкает, и я вспоминаю. Школьный друг Уилла, с которым я не смогла встретиться, потому что он уехал на Коста-Рику обучать богатых туристов серфингу. Его звали Хак. Я всегда думала, что Хак — это имя, но теперь не уверена. Один из соседкиных детей?

Я откидываю голову на кожаную спинку дивана, закрываю глаза и думаю, с чего начать распутывать этот клубок? С момента катастрофы? С района Рейнир-Виста? С записок и эсэмэсок? Я мысленно возвращаюсь в то утро, когда Уилл должен был улетать, когда наш брак казался самой простой вещью на земле. Мы помогали друг другу чувствовать себя счастливее, лучше, беззаботнее. Если бы я тогда знала о нем все, что знаю сейчас, то смогла ли бы чувствовать себя так же?

Я мотаю головой, прогоняя от себя эти мысли.

— Так, что теперь?

Уже без пятнадцати десять, и единственное,

чего я хочу, — это лечь в кровать.

— Завтра утром я поручу дальнейшие поиски моему помощнику, и посмотрим, что еще она сумеет раскопать.

— Нет, я имела в виду Корбана. Следует ли нам обращаться в полицию?

— И что мы им скажем?

— Ну, все, что я сегодня рассказала вам. Про эсэмэски, трекер, зловещую улыбку мне вслед, когда я убегала.

— Зловещая улыбка — не преступление, как и сообщения.

Я чуть приподнимаюсь на диване.

— Он выдавал себя за моего покойного мужа!

— Возможно. Но все, что мы сейчас знаем наверняка, — это что Зеке отследил скрытый номер до дома, где находился Корбан, но кто сказал, что Уилл не прятался там в подвале? Мы не знаем, держал ли Корбан в руках телефон, с которого отправлялись сообщения, и живет ли он там вообще. Если уж на то пошло, то это вы виновны во вторжении в частные владения. Знаю, это звучит обескураживающе, но я лишь хочу сказать, что прежде, чем идти в полицию, нам нужно собрать больше информации.

— Ладно, а что насчет трекера?

— Опять же, мы не знаем наверняка, что его установил Корбан. И к сожалению, в этом вопросе технологии намного опережают закон. Все эти шпионские приложения незаконны, и, если Зеке не сможет законными способами, а не с помощью своих сомнительных хакерских штучек связать трекер с Корбаном, мы замучаемся доказывать, что он в чем-то виновен.

— А разве это не дело полиции?

— Полиция может начать действовать, только получив достаточные доказательства, а у нас их пока нет. Пока любые подозрения в отношении Корбана — всего лишь подозрения.

— А что с судебным запретом?

— Мы можем попытаться получить временное защитное предписание, но у нас слишком мало данных. Нужно будет доказать, что его поведение было пугающим и беспокоящим и что оно заставило вас опасаться за свою безопасность. Это будет трудно сделать после того, как вы угощали этого парня пивом за то, что он постриг ваш газон.

Я раздраженно вздыхаю.

— Послушайте, я не пытаюсь ничего усложнять. Я просто рассказываю вам, как все это работает. Лучшее, что мы сейчас можем сделать, — это

прямо завтра с утра первым делом подключить к нашему расследованию частного детектива и предпринимать последующие шаги с учетом того, что ему удастся найти. Ну что, вы согласны?

Я киваю, но как-то заторможенно.

— Хорошо. — Эван хлопает ладонями по коленям и поднимается с дивана. Он улыбается, глядя на меня сверху вниз, плечи сгорблены, руки засунуты в карманы. Адвокат уступил место мужчине-мальчику с печальными глазами, при взгляде на которого у меня разрывается сердце. — Вы уверены, что не боитесь оставаться здесь?

— Конечно. — В моем голосе проскальзывает страх, и, чтобы скрыть это, я улыбаюсь как можно шире. Судя по тому, как он поджимает губы, я не слишком убедительна.

— Если не хотите остановиться у меня, всегда можете поехать в отель.

— Все нормально. У меня же суперпуперсигнализация, помните?

— Точно.

Эван подает мне руку и помогает подняться с дивана, я провожаю его до двери. Уже взявшись за ручку, он задумывается и, нахмурившись, поворачивается ко мне:

— Есть какие-то новости от Зеке по поводу

номера 678?

Я вытаскиваю телефон из кармана, проверяю экран.

— Нет, ничего.

— Странно, что он так долго возится. Я позвоню ему по пути домой. Если ему удалось продвинуться, дам вам знать. И завтра мы должны обсудить встречу с «Картье».

— Звучит здорово.

— Ладно, будьте умницей. Держите двери на замке. Никому не открывайте. Доверяйте своему внутреннему голосу. Если у вас возникнет хоть малейшее подозрение, нажимайте на тревожную кнопку. Они для этого и предназначены.

— Эван, серьезно. Со мной все будет в порядке.

Он успокаивается и снова берется за ручку двери, воздух разрывает сирена.

— О, черт! — Я бросаюсь к панели и набираю код, оглушительный визг прекращается. Я уже знаю, что будет дальше. Я бегу на кухню к телефону, который уже звонит.

— Регби, регби, регби, — выпаливаю я вместо приветствия. — Простите! Обещаю, что это в последний раз.

— Рад это слышать, миссис Гриффит. Доброй ночи.

Я кладу телефон на базу и возвращаюсь в холл, сердцебиение успокаивается.

Эван стоит там, где я его оставила, руки в карманах, на лице широкая улыбка.

— Ну что ж, по крайней мере, мы знаем, что она работает.

— Соседи скоро начнут меня ненавидеть.

Он притягивает меня к себе и быстро обнимает, и я на секунду оказываюсь в кольце его длинных, как у богомола, рук и незнакомого запаха шампуня и лосьона после бритья. На какое-то мгновение я думаю, что, может быть, стоит принять его предложение пожить в комнате для гостей в его доме, и тут же объятие становится неловким. Слишком крепким, слишком тесным, слишком быстрым — его подбородок упирается мне в макушку, теплая и сухая рука ложится на шею.

Я высвобождаюсь и делаю шаг назад.

— Береги себя, хорошо? — Я киваю, и он улыбается: — Позвони мне утром.

Он выскальзывает за дверь и ждет на крыльце, пока я закрою ее за ним на засов. Жестом показывает на пульт сигнализации, и я в шутку закатываю глаза, набирая код, а когда система активируется, показываю ему через стекло большие пальцы. Убедившись, что я в безопасности,

он трусцой бежит к машине, садится в нее, сложившись пополам, и через несколько секунд уезжает.

Я гашу на крыльце свет, потом, передумав, включаю его снова. Если мне было суждено когда-нибудь проспать всю ночь при полной иллюминации, то эта ночь наступила. Я прижимаюсь лицом к стеклу и смотрю на вереницу громоздких викторианских особняков на той стороне улицы, их силуэты светятся в темноте. Из какого-то окна на верхнем этаже льется золотистый свет, но в остальном все замерло.

— Я уж думал, он никогда не уйдет, — раздается знакомый голос справа от меня, и мое сердце перестает биться.

28

Я стою, боясь пошевелиться, от ужаса у меня шумит в ушах.

— Что… Как вы сюда попали? Как обошли сигнализацию?

Корбан выходит из тени в гостиной, одетый как главный злодей в фильме про Джеймса Бонда. Темно-синие джинсы, черный свитер, черные кроссовки — все элегантное, модное и темное, как тени за окном. Он выглядит так, словно мог вскарабкаться по стене дома и забраться в окно без единого звука. Кто знает? Может, именно так он и проник в дом.

— Я многому научился у вашего мужа, компьютерного гения, в том числе и тому, как обмануть сигнализацию. — Он цокает языком, и на его лице появляется зловещая улыбка. На этот раз она пугает меня больше, чем сегодня днем, когда я бежала от его дома. — Я ведь говорил вам, что знаю, как это сделать. Вам стоило прислушаться.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы эти слова сначала проникли сквозь грохот колотящегося сердца, а потом дошли до моего сознания.

Мне стоило прислушаться к чему? И тут до меня доходит. Корбан имеет в виду сообщение от номера 678: «Кстати, я знаю, как обойти сигнализацию».

— Постойте, это вы прислали то сообщение? Это вы мне их писали?

Он поднимает обе руки, обводя пространство вокруг нас — прихожую, дом, — и я понимаю это как «да», это он прислал мне и другие сообщения тоже. То первое сообщение с угрозой отчетливо всплывает в памяти: «Скажи мне, где Уилл спрятал деньги, или присоединишься к нему».

Я смотрю в глаза Корбана, обсидиановые, почти безумные, и понимаю, что, если придется, он сделает это. Он убьет меня не раздумывая.

Но зачем? Зачем посылать мне сообщения с угрозами с одного номера и выдавать себя за Уилла с помощью другого? Это бессмысленно. Шум в ушах превращается в отдаленный гул, как будто я опустилась на дно океана.

— Послушайте, я не знаю, где деньги. До недавнего времени даже не знала, что они вообще существуют.

— Конечно, вы не знаете. — Его слова свидетельствуют об одном, а тон о другом. Его тон говорит, что я знаю, где деньги, и, если понадо-

бится, он приведет свои угрозы в исполнение.

По ложбинке между грудями стекает струйка пота, пока я потихоньку пячусь назад, по миллиметру приближаясь к тревожной кнопке и пытаясь придумать, как отвлечь его на три секунды. Три секунды, чтобы актировать тревожную кнопку! Какой идиот придумал это правило? Три секунды — это целая вечность, когда ты в панике.

Я делаю еще полшага назад.

— Честно, Корбан. Я весь дом перевернула вверх дном, и ничего. Поищите сами, если не верите.

Он прищуривается, устремив взгляд на панель у меня за спиной.

— Вы же не считаете меня идиотом, правда?

Вопрос риторический. Я не отвечаю.

Он хватает меня за руку и тащит по коридору, вглубь дома, подальше от кнопок на панели сигнализации.

Я спотыкаюсь у него за спиной, стараясь разглядеть очертания пистолета, засунутого за пояс, или ножа, спрятанного под обтягивающей одеждой. Насколько я могу судить, он не вооружен, но ему это и не нужно. Его оружие — это накачанное в тренажерном зале тело.

Он затаскивает меня в кухню и разворачивает,

прижав к краю раковины.

— Каков план, Айрис? Пару месяцев поплакать по Уиллу, потом получить страховку и свалить из города под предлогом «мне нужно найти себя» и прочая хренотень а-ля «Есть, молиться, любить»? — спрашивает он с издевкой, а в глазах бушует ярость. — Не сомневаюсь, вы двое придумали кое-что получше.

Я не знаю, что сказать, но он явно ждет ответа, и мне удается выдавить только:

— Я… я не понимаю, о чем вы говорите.

Он возмущенно фыркает.

— Где он вас ждет, в Южной Америке? Восточной Европе? Мексике? — Капельки пота на его черепе вспыхивают в свете кухонных ламп. — Хотя нет, вычеркиваем, в Мексике слишком жарко. Мы же знаем, что Уилл предпочитает места попрохладней.

Я качаю головой, сердце снова начинает биться чаще. Я пытаюсь сопоставить между собой восемьдесят семь сообщений, присланных Корбаном от имени моего мертвого мужа, и слова, которые он произносит сейчас. Он говорит так, будто Уилл до сих пор жив.

Но он и прежде пытался меня обмануть.

Пару секунд я размышляю, стоит ли ему подыг-

рывать. Если он думает, что я заодно с Уиллом, то это может оказаться неплохой тактикой.

Но тут Корбан подходит ближе, я чувствую, как в толстых веревках вен у него на шее пульсируют ярость и ненависть, и не выдерживаю:

— Я знаю, что все сообщения были от вас. И эсэмэски, и оба письма. Их писал не Уилл, ведь так?

Корбан зло смеется:

— Мне все время казалось, что совпадений слишком уж много. «Эппсек» подбирается к нему именно в тот момент, когда он садится в самолет, летящий в город, который ненавидит больше всего на свете. — Он качает головой. — Не-а, не получается. Хотя должен отдать вам должное. Вы очень трогательно рыдали вчера вечером. Из вас бы получилась прекрасная актриса.

Он отступает назад, и я проскальзываю мимо него вглубь кухни. Но каждый раз, когда я отдаляюсь от него больше чем на полметра, Корбан сокращает это расстояние, делая широкий шаг. Это похоже на игру в кошки-мышки, безумный танец вокруг кухонного острова. Но сейчас я почти добралась до выхода в коридор и теперь прикидываю расстояние до задней двери. Если я сумею добежать туда, мне останется только

открыть дверь, и сигнализация сработает. Но получится ли у меня?

Он смеется, прочитав все это на моем лице.

— Вы когда-нибудь видели, как бегают черные? Даже не пытайтесь.

Я перевожу разговор в более безопасное русло.

— Я не притворяюсь. Я действительно убитая горем вдова, которая обнаружила, что мужчина, за которого она вышла замуж, — вор, укравший четыре с половиной миллиона долларов у своего работодателя.

— Пять.

— Что?

— Пять миллионов, и это я их украл. Я разработал этот план. Уилл только исполнил его. — Он выпячивает грудь и тычет большим пальцем в самый центр солнечного сплетения. — Вы знаете, какое это было непростое дело? Сколько препон мне пришлось преодолеть, чтобы подобраться к акциям КСС? Только профессионал высочайшего уровня мог создать столь гениальный план. Благодаря мне мы ушли с пятью миллионами.

Но они ведь не ушли? Ник их поймал.

И тут до меня доходит, что Корбан страдает нарциссизмом. Ну или, по крайней мере, имеет к нему склонность. Чрезмерная хвастливость

— всего лишь один из признаков расстройства личности, но зато классический, что объясняет, почему я не видела этого раньше. Нарциссистов трудно распознать, так как они часто умело скрывают ото всех свое расстройство.

— Что такое КСС? — спрашиваю я, засовывая пальцы в задние карманы джинсов. Это обычное движение, но я делаю его умышленно. Там, у меня под пальцами, мой телефон, холодный и твердый, вселяющий надежду. Я перевожу телефон в беззвучный режим. Если мне повезет, он ничего не узнает.

— «Кранч секьюрити систем». «Эппсек» получила ее акции в качестве прибыли по венчурному капиталу в 2013-м. Именно я велел Уиллу перевести акции в компанию, которую открыл на Багамах, и точно обозначил, когда их нужно обратить в наличные. Сам бы он никогда до этого не додумался. Может, он и компьютерный гений, но, когда дело касается бизнеса, безнадежный профан.

Я приподнимаю бровь, показывая Корбану, что впечатлена, хотя на самом деле слушаю его вполуха. Мне нужно, чтобы он продолжал говорить как можно дольше.

— Но, видимо, Уилл где-то облажался, потому

что в «Эппсек» обнаружили пропажу. Я разговаривала с шефом Уилла. Он сказал, что они наняли бухгалтера-криминалиста, чтобы выяснить, куда пропали деньги, и все факты указывают на Уилла.

В кармане начинает вибрировать телефон. Интересно, удастся мне принять звонок, не привлекая внимания Корбана?

Корбан тем временем вздергивает бровь, словно спрашивая: «Ну и что?»

— Мы знали, что рано или поздно они это обнаружат.

Его безразличие озадачивает меня настолько, что пальцы замирают на корпусе телефона. Я медлю, изучая невозмутимое лицо и поджатые губы Корбана, и вспоминаю про два новых полиса страхования жизни и список домашних дел Уилла, который мы обсуждали в постели в наше последнее утро, и ответ приходит сам собой.

Я качаю головой, расстроившись, что не додумалась до этого раньше.

— Вы собирались исчезнуть, верно? Я имею в виду, вы оба. Вы и Уилл уже спланировали побег, поэтому, когда самолет упал в тот самый момент, когда пропали деньги, вы решили, что он смылся, прихватив весь куш.

Телефон затихает, перенаправляя звонящего на голосовую почту, а потом снова начинает вибрировать.

— Он так и сделал. Вы сами это сказали.

Я хмурюсь, пытаясь вспомнить, когда я могла такое сказать.

— Я?

Корбан кивает.

— Когда рассказали мне про записку в ящике, помните? Которую подложил Уилл? — При этих словах сердце начинает стучать быстрее, но прежде, чем я успеваю их обдумать, Корбан делает два шага в мою сторону. Я пробую отступить, но мне некуда. Я оказываюсь прижатой к раковине. — Но он совершил одну роковую ошибку.

— Какую? — Голос надламывается, и я ненавижу себя за то, что так напугана.

Он улыбается, волчий оскал на фоне черной как уголь кожи.

— Он оставил здесь свою хорошенькую жену, совсем одну.

Кожу начинает покалывать, к горлу подкатывает тошнота.

— Вы знаете, я понимаю, что Уилл в вас нашел. Кроме очевидного, я имею в виду. Вы умная и смешная, и вы это знаете. — Корбан делает

неопределенный жест рукой в мою сторону. Его взгляд опускается ниже, потом еще ниже. — Нежная. Сексуальная. Уилл — счастливчик.

— Был, — поправляю я его. От страха я плохо соображаю. И мне не сразу удается выговорить это слово.

Он сцепляет руки, изучая меня, прищурив глаза.

— Какое-то время я был убежден, что вы знали о его исчезновении. Но вы не вышли из образа, даже когда думали, что мои сообщения приходили от него. Или действительно ничего не знали, или вместе с Уиллом все время были на шаг впереди меня.

— Я вас не обманываю. Я правда не знала.

— Да, я начинаю в это верить. — Он отходит от стойки, делая шаг в мою сторону, потом еще один, и так пока меня не начинает мутить от запаха его одеколона. — Давайте выкурим крысу из норы. Что скажете?

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что мне он не отвечает. — Корбан достает из кармана телефон. — Но давайте посмотрим, ответит ли он вам.

Прежде чем я успеваю сказать хоть слово, он хватает меня рукой за шею, прижимает мою голо-

ву к своей и делает селфи. Вспышка на мгновение ослепляет меня, я в таком шоке, что могу только таращить глаза.

Пока я моргаю, пытаясь избавиться от белых точек в глазах, Корбан склоняется над телефоном, постукивая большими пальцами по экрану. Он прикрепляет фотографию к письму — ни темы, ни сообщения, только фотография улыбающегося Корбана и меня с выпученными глазами — и нажимает «отправить». Почти сразу же приходит ответ.

— Хорошие новости, — сообщает он, разворачивая телефон, чтобы я могла видеть экран. — Ваш муж жив и здоров.

«Тронешь ее, и я перережу тебе горло».

Несмотря на все, несмотря на ужас, такой сильный и пронзительный, несмотря на сумасшедшего, который знает, как обойти сигнализацию, и которому я верю, когда он грозит мне смертью, меня охватывает эйфория, молниеносная и недвусмысленная.

Уилл жив.

Телефон вибрирует, и на сей раз я выхватываю его из кармана. Корбан не останавливает меня, а просто стоит, привалившись боком к стойке, на

его губах играет знакомая жуткая улыбка.

Номер — длинная строка цифр, как будто звонок из-за границы. Я провожу пальцем по экрану и подношу телефон к уху, сердце так бухает, что я едва слышу свой голос.

— Алло?

— Айрис, уходи оттуда.

Внезапно к горлу подступают рыдания. Две недели я мечтала услышать этот голос. Я молилась Богу, в которого не знаю, верю ли, предлагая все, что мне дорого, только чтобы услышать его снова хотя бы один раз, и вот теперь наконец — наконец — он раздается из телефона, и все, что я могу сделать, — это заплакать.

— Уилл?

— Ты слышала, что я сказал? Корбан опасен. Чтобы добраться до меня, он может ранить тебя или даже хуже. Я еду, а ты уходи. Мне все равно, как ты это сделаешь, просто выбирайся оттуда и зови на помощь. Ты можешь сделать это для меня?

Уилл едет сюда! Я знаю, что были и другие слова, но я слышу только «Я еду». Мой муж едет домой.

— П-поторопись.

Корбан выхватывает у меня телефон.

— Да, приятель. Тебе лучше поторопиться. Твоя хорошенькая женушка заждалась. О, и не забудь мои деньги. Маленький фокус, который ты выкинул, будет стоить тебе твоей доли в нашем предприятии.

Я делаю попытку вырвать у него телефон, но он с легкостью отмахивается от меня железобетонной рукой.

— Она у тебя горячая штучка, Билли. Держу пари, в постели она настоящая баньши. Наверняка опрокидывает мебель и кричит, как порнозвезда, так ведь?

Когда до меня доходит смысл его слов, и я вижу нездоровый блеск в его глазах, меня начинает мутить. Пытаюсь отодвинуться, но Корбан железными тисками держит мою руку.

На том конце провода чувствуется волнение, но я не могу разобрать ни слова из того, что говорит Уилл. Но каким бы ни был его ответ, выслушивая его, Корбан ухмыляется все сильнее.

Он смотрит на меня, и на его лице появляется плотоядное выражение.

— Не беспокойся, я уверен, мы найдем чем заняться.

29

Менее через двадцать минут раздается звонок в дверь, и мое сердце подскакивает и застревает в горле. Как, Уилл уже здесь? Он что, прятался в саду? И почему звонит в дверь, вместо того чтобы открыть ее ключом или, еще лучше, неожиданно вломиться через окно? Какая-то ерунда.

Корбан смотрит на часы и мрачнеет. Судя по выражению его лица, ему в голову приходят те же мысли.

Раздается энергичный стук в дверь, а потом слышится приглушенный голос Эвана:

— Эй, Айрис, ты еще не спишь? По-моему, я забыл здесь свой бумажник.

— Беспокойная ночка, — саркастически произносит Корбан сквозь зубы.

Я просовываю голову в примыкающий к кухне кабинет и замечаю под стопкой полицейских отчетов на кофейном столике лоснящийся кожаный бок. Бумажник Эвана. Он вытащил его из заднего кармана брюк, когда садился, и потом, должно быть, положил на стол и забыл об этом.

— Что теперь? — спрашиваю я.

Корбан несколько секунд смотрит на меня, решая, что делать дальше. Эван его не беспокоит; это точно. Но он боится, что я могу каким-то образом предупредить Эвана. Я его проблема.

— Отключите сигнализацию со своего телефона. Я не хочу, чтобы вы приближались к тревожной кнопке.

Эван снова стучит, на этот раз кулаком.

— Айрис, ты там?

— Нет, я сам все сделаю. — Корбан открывает приложение по управлению сигнализацией в своем — своем! — телефоне, теперь понятно, как он попал в дом, и на панели у входной двери раздается три коротких сигнала. Он хватает меня за плечо и притягивает к себе, его пальцы так сильно впиваются мне в кожу, что, скорее всего, на ней останутся синяки. — Отдайте ему бумажник и избавьтесь от него, вам понятно? Иначе я прямо на ваших глазах сверну ему шею.

Я киваю, сглатывая. Не сомневаюсь, что он вполне способен это сделать, несмотря на габариты Эвана.

— Хорошая девочка. — Корбан разворачивает меня и сильно толкает вперед. — А теперь идите.

У меня есть несколько возможностей. Незаметно подать Эвану знак. Ввести код принуждения,

когда буду активировать систему. Распахнуть дверь и побежать, спасая свою жизнь. Но я поверила Корбану, когда он сказал, что причинит Эвану вред и заставит меня смотреть на это, и не смогу этого вынести. Кроме того, сбежать или сообщить в полицию будет означать, что больше никогда не увижу Уилла.

Поэтому я беру бумажник, наклеиваю на лицо улыбку и иду по коридору, стараясь, чтобы взмах рукой, который я посылаю Эвану через окно, не насторожил его. При виде меня он, кажется, испытывает облегчение, хотя голова остается втянутой в плечи, как будто у него совсем нет шеи, до тех пор, пока я не открываю дверь.

— Где ты была? — спрашивает Эван. — Я не мог до тебя дозвониться.

— Извини. — Краем глаза я улавливаю движение в гостиной. Корбан скрывается в тени. — Я отключила звонок на телефоне.

— О. — Он поднимает ногу, собираясь переступить через порог, но я по-прежнему стою в дверях. Я упорно не двигаюсь с места, не давая ему войти в дом.

Возникает длинная пауза.

Я протягиваю ему бумажник:

— Вот. Нашла его на столе.

Он берет его, удивленно глядя на меня, а затем наклоняется влево и заглядывает в дом через окно гостиной. Сердце у меня замирает. Если Корбан все еще там, Эван непременно его заметит.

Но Эван выпрямляется и смотрит на меня так, словно увидел пустую комнату, и только.

— Я разговаривал с Зеке. К сожалению, с номером 678 дело зашло в тупик. Внесен предварительный платеж, но нет ни имени, ни адреса. Отследить номер нет никакой возможности.

Я изображаю на лице разочарование.

— Ну что ж, ладно. Все равно, поблагодари его от меня. Спокойной ночи. — Собираюсь закрыть дверь, но Эван придерживает ее рукой.

— Что с тобой?

Я качаю головой, стараясь выдержать его взгляд.

— Просто вымоталась. Я уже собиралась идти спать.

Он наклоняет голову и рассматривает меня, слегка нахмурившись.

— Мне кажется или ты плакала?

— Был трудный день.

— О, что ж, если ты хочешь поговорить… — Он что-то еще говорит, а сам заглядывает мне через плечо, стараясь просунуть голову в дверь как

можно дальше, но я по-прежнему не пускаю его дальше порога. Кроме лестницы и освещенной части коридора позади меня ему мало что видно. — Ну хорошо, не буду тебя задерживать. Спасибо за это.

Он помахивает в воздухе бумажником, а сам беззвучно шепчет одними губами:

— Ты в порядке?

Я бодро улыбаюсь:

— Не за что. Я позвоню тебе завтра.

И захлопываю дверь у него перед носом, задвигаю засов и направляюсь по коридору вглубь дома.

Когда я вхожу на кухню, меня трясет. Корбан выскальзывает из тени и прижимает палец к губам. Мы слушаем, как Эван садится в машину, хлопает дверь, заводится двигатель и автомобиль с ревом уносится прочь.

— И что теперь?

Ухмылка у Корбана становится как у Чеширского кота.

— А теперь подождем.

Часы на декодере показывают почти одиннадцать. Прошло больше часа с тех пор, как я сунула Эвану бумажник в дверную щель, и, видимо, вела себя достаточно убедительно. Потому что

полицейские, в случае если бы он им позвонил, за это время уже успели бы приехать и уехать.

Но полиции нет, и мы по-прежнему ждем Уилла.

— Макс Тэлми, — внезапно произносит Корбан, прекратив ходить взад и вперед и садясь на диван в кабинете. — Уверен, что вы не знаете этого имени, ведь так?

Я мотаю головой. Мне кажется, будто я не смыкала глаз целую неделю, и теперь, когда адреналин окончательно выветрился, едва сижу.

Корбан упирается ногой в край ковра, разворачивается и ударяет кулаком в воздух.

— А как насчет Дэнниса Сиама или Андреа дель Верроккьо? Нет?

— Нет. — Я подавляю зевоту.

— Наставники Альберта Энштейна, Стивена Хокинга и Леонардо да Винчи соответственно.

— О.

Корбан болтает без умолку. Бесконечное, бессвязное словоизвержение продолжается и продолжается, и все никак не закончится… разве что в сумасшедшем доме. Я давно перестала его слушать.

— Почему все лавры достаются Уиллу? Что не так с нашим обществом, если мы замечаем

только квотербека, а не всю команду? Только вокалиста, а не всю группу? А на самом деле это мы главное сокровище. Если бы не мы, они никогда не добились бы известности.

У Корбана классический случай нарциссического расстройства личности. Грандиозное чувство собственной значимости, зацикленность на власти и успехе, ничем не оправданное ощущение, что ему все вокруг должны, и неспособность к сочувствию. Все симптомы налицо. В нынешнем перевозбужденном состоянии он больше не видит необходимости их скрывать.

— Как Нета Снук, — говорю я. Больше всего нарцисс жаждет почестей и похвалы, которых, как ему кажется, он заслуживает.

— Кто?

— Женщина-летчица, которая учила летать Амелию Эрхарт.

— Точно! — Он тычет пальцем мне в лицо. — Вы понимаете, что я имею в виду.

Да, я понимаю, что дело не только в том, что Уилл взял деньги. А в том, что он взял деньги и сбежал. Корбан чувствует себя покинутым. Как будто его отвергли и выбросили за борт. И именно это ощущение и вызывает у него ярость.

Он снова начинает ходить по комнате, на сей

раз разразившись тирадой по поводу того, что никто не ценит его выдающиеся способности. Что это была его идея перевести в компанию на Багамах акции, а не деньги, которые гораздо легче отследить. Это он знал, когда продавать акции, чтобы получить самую высокую цену. Если бы не он, Уилл до сих пор торговал бы на улице наркотиками. Нарциссы очень любят разыгрывать из себя жертву.

Он останавливается и, нахмурившись, смотрит на меня сверху вниз.

— Я начинаю думать, что ваш муженек решил нас продинамить.

— Нет, он не стал бы, — произношу я с большей уверенностью, чем чувствую на самом деле. Уилл уже доказал, что любит деньги больше, чем меня. Почему бы ему не позволить Корбану осуществить его угрозу изнасиловать меня? Почему бы не дать ему отомстить?

Вот только он сказал, что уже едет. Он сказал мне, что скоро будет здесь.

«Мне очень жаль», — слышу я голос Уилла у себя в голове так ясно, словно он уже сидит рядом со мной на диване. На секунду или две мне кажется, что я вижу, как он мчится по пыльной дороге в направлении Мексики и машет мне рукой в

открытое окно.

Нет, Корбан был прав в одном. Уилл ненавидит Мексику. Чертова жара.

Внезапно Корбан оборачивается к задней двери.

— Вы слышали?

Я подскакиваю на диване, навострив уши.

— Слышала что?

— Шш! — Он наклоняет голову, потом поднимает палец. — Вот. Слышали?

Мне кажется, я что-то слышу, может быть, скрип за окном или хруст сломанной ветки, но тут заходится лаем соседская собака. Ее лай подхватывает другая, потом еще одна и еще, пока мне не начинает казаться, он звучит со всех сторон. Как в мультфильме, когда собаки сообщают друг другу о пропавших далматинах.

Только на этот раз они предупреждают Корбана, что за моим окном кто-то есть.

Я поворачиваюсь на диване и прижимаюсь к стеклу, сделав ладони ковшиком, в попытке разглядеть хоть что-нибудь, но это все равно что смотреть в черную дыру, темную и бесконечную. Где-то совсем рядом сходят с ума собаки.

Звонит домашний телефон.

Корбан хмурится, и я готова поклясться, что он

думает о том же, о чем и я: почему Уилл не звонит на мой мобильник, как в прошлый раз?

Телефон звонит снова.

— Может, я…

— Не двигайтесь с места! — рычит он. Он берет трубку, которая стоит на базе в кухне, и смотрит на экран. — Звонят с номера 770.

Он называет вслух остальные цифры.

— Вам знаком этот номер?

Я мотаю головой:

— Нет.

Телефон переводит звонок в голосовую почту, и звонящий вешает трубку. Если за окном все еще кто-то есть, я не слышу его из-за лая собак и грохота собственного сердца. Через две секунды телефон снова начинает звонить.

На этот раз Корбан нажимает на кнопку после первого звонка.

— Алло. — Это не вопрос, а требование.

Выражение лица Корбана резко меняется, как будто на солнце набегают грозовые облака и свет сменяется тьмой. Кого бы он там ни услышал, это становится для него сюрпризом, и не самым приятным.

— Вы все не так поняли, приятель. Я здесь в гостях. А Айрис…

Однако собеседник прерывает его, и тот факт, что Корбан позволяет ему сделать это, о многом говорит мне. Нарциссы мастера манипуляции, и, хотя его молчание вроде бы свидетельствует о том, он что слушает говорящего, движения говорят об обратном. Глазами он сканирует окно, а тело напряжено и готово к прыжку, так гремучая змея сворачивается кольцами перед броском.

— Я бы с удовольствием это сделал, — говорит Корбан таким тоном, словно хочет задобрить собеседника, — но ее снотворное только что подействовало. Не знаю, в курсе ли вы, но она недавно потеряла мужа, и ей сложно с этим справиться.

В соседнем доме включается свет, освещая как минимум три силуэта за окном. Я моргаю, и силуэты растворяются в темноте.

Когда Корбан вновь подает голос, его тон холоден, как замороженный бетон:

— Я вижу.

Вижу что? Я лично не вижу ничего. Там за окном Уилл? Где он? Я вглядываюсь в окно, изучаю выражение на лице Корбана, но ничего не понимаю.

Корбан опускает трубку и с размаху впечатывает ее мне в ухо.

— Скажите копам, что с вами все хорошо, что все это недоразумение. Скажите им, что я ваш гость и чтобы они убирались отсюда к черту. — Я не могу выдавить ни слова, он презрительно фыркает. — Не важно, я сам. Проваливайте вон, кретины.

Он бросает телефон на пол и вздыхает.

— По-моему, у нас небольшая проблема.

В любых других обстоятельствах подобное преуменьшение могло бы показаться забавным, но теперь ответ Корбана кое-что проясняет. Насколько я могу судить, дом окружен полицией, и Корбан смотрит на меня так, будто не знает, что ему со мной делать, а это плохо. С того места, где я сижу, есть только один способ выбраться наружу. Загнанному в угол человеку нечего терять. Кто бы ни был по ту сторону стекла, он должен начать стрелять, и как можно скорей.

Но пойдет ли полиция на это? Станут ли они стрелять в безоружного человека? Корбан как будто читает мои мысли, он поднимает обе руки и медленно разворачивается на 360 градусов в сторону окна. «Валите отсюда, ребята, — словно говорит его улыбка. — Вам тут нечего делать».

Все, что происходит потом, я вижу очень четко, в самых мельчайших подробностях. Как пуля

пробивает стекло с громким хлопком, оставляя аккуратное отверстие в центре оконного полотна. Как она со свистом проносится мимо меня, как разрывающая воздух серебряная вспышка. Как она попадает в Корбана, и его голова откидывается назад, а его кровь и мозги забрызгивают стену и меня в стиле Джексона Поллока. Как сотрясаются половицы, когда его тело валится вниз, почти сто килограммов железобетонных мышц и костей.

А потом взрывом вышибает заднюю дверь, во все стороны летят щепки, осколки и куски обуви, и в дом врываются полицейские в штатском. Все вооружены, и все — как один — целятся в Корбана.

Один из них опускается на колени и проверяет пульс, возможно, это стандартная процедура, в данном случае совершенно необязательная. Глаза Корбана открыты, но во лбу зияет огромная дыра.

Женщина-офицер присаживается рядом со мной:

— Мэм, вы в порядке? — Она ощупывает мои лицо и шею, ее пальцы дотрагиваются до моей подрагивающей кожи. Когда она отстраняется, руки у нее запачканы кровью.

— Это н-не моя, — говорю я, но мои зубы стучат, и слов почти не слышно из-за громких криков.

Сильнее всех орет здоровенный темноволосый мужик позади нее.

— Кто из вас стрелял, кретины? — Лицо у него покраснело, и он кричит так сильно, что брызги слюны, вылетающие из его рта, образуют идеальную траекторию. — Подозреваемый не был вооружен. Кто стрелял, черт вас побери?

Женщина-офицер не обращает на него никакого внимания, она берет с дивана плед и набрасывает его на мои дрожащие плечи.

— Нужно вас согреть. Вы в шоке. — Она поворачивается и кричит через всю комнату: — Можно позвать сюда врача?

В комнату быстрым шагом входят медики с носилками, но, увидев лежащего на полу Корбана и растекающуюся из-под него лужу крови, резко притормаживают. Один из них подходит ко мне с санитарной сумкой. Он измеряет мне давление и проверяет мои жизненные показатели, а вокруг слышатся обрывки разговоров.

Полиция оцепила периметр вокруг моего дома и стала ждать.

Переговорщик позвонил Корбану на домашний телефон.

По плану он должен был уговорить его сдаться.

Был приказ не стрелять.

И все равно Корбан получил пулю в левый висок.

Никто пока не взял на себя ответственность за этот выстрел.

Ответ заставляет меня, пошатываясь, подняться на ноги, и я перепрыгиваю через кофейный столик, проталкиваюсь сквозь людей, толпящихся в комнате. Меня хватают чьи-то руки, я стряхиваю их с себя и выбегаю в заднюю дверь.

— Уилл! — Собаки снова принимаются лаять, и я кричу даже громче их: — Уилл!

Я бегу через задний двор к забору, голова мотается из стороны в сторону, глаза обшаривают темные углы. Я совершенно обезумела от отчаянного, неукротимого желания найти моего мужа, который, я знаю — знаю — и есть тот, кто стрелял.

Я складываю ладони рупором у рта и выкрикиваю в небо его имя, хотя уже знаю, что его здесь нет. В эту минуту Уилл уже далеко.

Осознание приходит как удар в живот, и я сгибаюсь пополам, обхватив себя руками, и реву. Меня захлестывают злость и разочарование, которые только усиливаются, когда я вспоминаю

события сегодняшнего вечера.

Сильные руки берут меня за плечи, и я оказываюсь в знакомых объятиях.

— Все хорошо, — говорит Эван, его большие руки крепко обнимают меня. — Я тебя держу.

30

— Миссис Гриффит, — окликает меня женский голос. Я отрываю голову от груди Эвана и на краю газона вижу детектива Джонсон, с которой мы разговаривали в участке на прошлой неделе. — Мы хотели бы задать вам пару вопросов, когда вы будете готовы.

Я совсем не готова и не уверена, что в ближайшее время соберусь с мыслями. Меня трясет, мышцы мои напряженные и расслабленные одновременно, и меня мутит. Адреналиновое похмелье в сочетании со страхом и физическим истощением. Я обеими руками вцепляюсь в рубашку Эвана и полной грудью вдыхаю бодрящий ночной воздух. Задний двор плывет у меня перед глазами.

— Думаю, мне стоит присесть.

Манера поведения Эвана мгновенно меняется — из друга и утешителя он превращается в важного адвоката.

— Моей клиентке нужно некоторое время, чтобы прийти в себя.

Детектив Джонсон изучающе смотрит на меня,

и за это время я успеваю несколько раз вдохнуть и выдохнуть.

— У нее есть десять минут, но отведите ее куда-нибудь. Двор является местом преступления, а вы тут топчетесь.

Он бросает взгляд на дом у нее за спиной, там с десяток полицейских толпятся за ярко освещенными окнами моего кабинета, фотографируя и собирая улики.

— Давайте поговорим в моей машине, — предлагает Эван и ведет меня в обход дома.

— Отлично, — кричит детектив Джонсон нам вслед, — но никуда не уезжайте! Десять минут, мистер Шеффилд, и я приду за ней. Понятно?

— Понятно.

На улице перед домом выстроилась длинная вереница полицейских машин и автомобилей скорой помощи, все они пусты, двигатели выключены, только красно-синие сигнальные огни все еще мигают. Несколько полицейских выстроились рядом с почтовым ящиком, сдерживая кучку любопытных соседей. Они с удивлением наблюдают, как мы идем по дороге, и Эван коротко посвящает их в нашу договоренность. Один из полицейских связывается с кем-то по рации, и детектив Джонсон, видимо, подтверждает слова

Эвана, потому что нас пропускают.

— Ничего не говорите, пока мы не сядем в машину, — бормочет Эван сквозь зубы.

Я сжимаю губы, позволяя ему усадить меня на пассажирское сиденье его «ренджровера». Как только я оказываюсь внутри, он обегает машину, садится со своей стороны и захлопывает дверь.

— Черт побери, Айрис. Почему ты мне ничего не сказала? Почему не подала какой-нибудь знак?

— Потому что я ждала Уилла. Я говорила с ним, Эван. Он позвонил мне на телефон.

— На чей телефон? — Эван не выглядит удивленным, скорее обеспокоенным.

— На мой сотовый.

Когда произношу это, меня осеняет, и я нащупываю в кармане телефон. Уилл звонил мне, и, значит, у меня остался его номер. Я могу позвонить ему! Я захожу в журнал звонков и нажимаю на «повторный набор». Через несколько секунд раздаются три мелодичных гудка, потом механический голос что-то говорит по-французски, слава богу, достаточно медленно и внятно, чтобы я могла ухватить суть. Номер абонента выключен.

— Как это может быть? Он звонил мне с этого номера час назад. — Я нажимаю на «отбой», потом снова на «повторный набор», и, получив тот

же результат, чувствую, как к глазам подступают слезы злости и разочарования. — Черт!

Я нажимаю на кнопки и пробую снова.

Эван накрывает ладонью мои руки, успокаивая меня.

— Все нормально. Мы разберемся с этим, хорошо? Мы найдем его.

Я лихорадочно киваю, но сразу же чувствую облегчение. Эван выполняет все, что обещает, и даже больше. Успокоенная, я выдыхаю. Если он сказал, что поможет мне найти Уилла, то, значит, так и будет.

Эван видит, что я успокоилась, он тоже усаживается поудобнее.

— Так, ладно, расскажи мне все с того момента, как я ушел.

Слова выплескиваются наружу лихорадочно, полностью отражая мое внутреннее состояние, они путаются, спотыкаются, наскакивают друг на друга и разбегаются в разные стороны. Рассказ выходит сумбурный, но Эван слушает не перебивая, ни разу даже не кивнув. Все то время, что я рассказываю, он не отрывает глаз от моего лица.

— Уилл застрелил Корбана. Я в этом уверена. Он вызвал полицию, но, увидев, что они не собираются стрелять, выстрелил сам.

— Уилл не вызывал полицию, Айрис. Это сделал я.

— Что?

Он потирает рукой подбородок, запустив пальцы в бороду, и кивает.

— После того как ты отдала мне бумажник, я не мог отделаться от ощущения, что что-то не так. Всю дорогу до дома я пытался понять, что же я пропустил, какой-то сигнал, который ты пыталась мне подать. Я уже засыпал, когда до меня наконец дошло. Сигнализация не была включена. Ни когда ты открывала дверь, ни когда закрыла ее. Ты не включила сигнализацию.

— Потому что мы ждали Уилла.

— Ты так говоришь.

— Неужели ты мне не веришь?

— Верю. Я верю тебе, но, если ты права, если Уилл тот, кто спустил курок, это значит, что он виновен в куда более серьезном преступлении, чем просто хищение. Учитывая, что никто из полицейских не стрелял, смерть Корбана будет считаться убийством. И они бросят на поиски убийцы все свои силы.

Из-за всего, что произошло этой ночью, из-за того, что мне приходилось постоянно контролировать свои эмоции, не давая то одной, то

другой вырваться наружу, будто играю в какую-то сумасшедшую версию игры «Замочи крота», я плохо соображаю, и до меня не сразу доходит смысл его слов. Но когда это происходит, когда я оцениваю серьезность сказанного, подпрыгиваю на сиденье, и в голосе снова начинают звучать истерические нотки.

— Но это неправильно! Уилл убил Корбана, потому что иначе Корбан убил бы меня.

— Айрис, Корбан не был вооружен.

— И что? Люди способны убивать голыми руками, особенно если у них такие ручищи, как у Корбана. А Уилл знал его. Он знал, на что тот способен.

— Успокойся. Я на твоей стороне, помнишь? И я чертовски рад, что кто-то пристрелил этого ублюдка прежде, чем он тронул тебя хотя бы пальцем, но тебе надо успокоиться и подумать, из чего исходит полиция. Особенно когда они узнают, что Корбан пришел за деньгами. Это дает Уиллу мотив. Поэтому Уилл его убил.

Меня вдруг охватывает какое-то тяжелое и неприятное чувство, и я понимаю, что это разочарование. Глупо. А ради чего, я думала, Уилл едет домой? Чтобы извиниться и молить меня о прощении, чтобы я нашла возможность его простить,

чтобы мы помирились и стали жить дальше, как будто ничего не произошло? В дополнение ко всей той лжи и предательству со стороны Уилла, которые разрушили наш брак, пять миллионов долларов еще не нашлись, а теперь еще этот человек — пугающий, отвратительный, ужасный — убит. И ничего невозможно вернуть назад.

Эван смотрит мне через плечо и замолкает. Я поворачиваюсь на сиденье и вижу детектива Джонсон, которая стоит на крыльце, наблюдая за нами.

— Она полна подозрений, — замечает Эван, встречаясь со мной взглядом. — Что бы ты ей ни сказала, она во всем будет искать нестыковки.

— Ты предлагаешь мне лгать?

— Черт, нет, конечно. Я предлагаю тебе очень хорошо подумать, что именно ты ей скажешь.

Я кошусь на него, думая, что во многом это одно и то же.

— У тебя мало времени. — Видимо, детектив Джонсон подает ему какой-то знак, потому что он кивает через мое плечо. — Послушай, я буду ссылаться на эмоциональное истощение и шок, посмотрим, может быть, мне удастся отложить главные вопросы на день или два, но сегодня тебе все равно придется дать показания. Прежде чем

отпустить тебя, она захочет узнать суть.

Я вздыхаю, пытаясь привести в порядок мысли, но их слишком много, а я слишком устала. От переутомления я стала медлительной, словно клетки мозга плавают в сортовом сиропе. Я окидываю голову на подголовник и закрываю глаза, всего на секунду.

Теплая ладонь накрывает мое запястье.

— Айрис, ты меня слышишь?

— Я слышала тебя. — Я открываю глаза и вздыхаю, берясь за ручку двери. — Давай покончим с этим…

Когда знаешь, как искать, вычислить ложь очень просто. По суетливым жестам, внезапным движениям головой или иногда, когда человек слишком себя контролирует, наоборот, по отсутствию каких-либо движений. По тому, как меняется дыхание, или если человек выдает слишком много информации, повторяя фразы и сообщая ненужные подробности. По тому, как он меняет положение ног, прикладывает руку ко рту или к горлу. Это основы психологии, физические сигналы, что тело не согласно со словами, которые произносит рот.

Поэтому, когда детектив Джонсон спрашивает меня о том, какие отношения были у меня с Кор-

баном Хейзом, я отвечаю с абсолютно спокойным лицом:

— Он был приятелем Уилла по спортивному залу.

Мы втроем стоим на подъездной дорожке, мы с Эваном вплотную друг к другу, детектив Джонсон что-то стремительно записывает у себя в блокноте. Собаки наконец успокоились, но воздух холодный, и на улице многолюдно.

Журналисты уже узнали о вечерней драме. Их фургоны выстроились у обочины, спутниковые тарелки развернуты к небу. С десяток репортеров расположились перед ними, нацелив камеры и микрофоны на мой газон. Эван загораживает меня большим телом, стараясь сделать все возможное, чтобы мое лицо не попало в сводки утренних новостей.

Но детектив Джонсон их словно не замечает.

— В котором часу он пришел?

— Около десяти. — Мой голос звучит ровно, дыхание уверенное, и я отвечаю только на заданный вопрос. Ни слова больше, ни слова меньше.

— Почему он оставался в доме так долго?

— Потому что ему пришла в голову сумасшедшая идея, что мой муж жив. Он заявил, что Уилл должен ему деньги.

Она вскидывает бровь при слове «сумасшедшая».

— В прошлый четверг, когда приходили ко мне, чтобы подать заявление, вы были с этим согласны. Когда я спросила вас, уверены ли вы в том, что ваш муж был в том самолете, вы ответили «нет». Вы тоже думали, что, возможно, он все еще жив.

— В последние две недели было слишком много эмоций.

Говорить правду, но обтекаемую, — вот ключ к искусству *лжи*.

Детектив Джонсон записывает мой ответ в свой блокнот, сопровождая его большим знаком вопроса. Я знаю, каким будет ее следующий вопрос, еще до того, как она его задает.

— А теперь? Сейчас вы думаете, что ваш муж все еще жив?

Я сооружаю на лице несколько недоуменное выражение.

— Но тогда я была бы такой же сумасшедшей, как Корбан, разве не так?

— Это не ответ.

Как и ее замечание не вопрос — не тот, на который я собираюсь отвечать.

— Миссис Гриффит, у вашего мужа был пистолет?

— Я не в курсе.

— Он когда-нибудь ходил на охоту или в тир?

— Вы спрашиваете меня, умел ли он обращаться с пистолетом?

— Да.

— И я снова не в курсе.

— Достаточно на сегодня. Уже поздно. — Эван приобнимает меня. — Я позвоню вам утром, чтобы договориться о времени полного опроса, когда миссис Гриффит отдохнет.

Детектив Джонсон не в восторге, но все же уступает. Она сверлит мне взглядом спину между лопаток, когда я поворачиваю к машине Эвана.

Репортеры уже тут как тут и срываются с места, как беговые лошади, выпущенные из калиток, устремляясь по газону с микрофонами и камерами наперевес. Они выкрикивают мое имя и, перебивая друг друга, задают кучу вопросов, которые я не могу разобрать.

— Без комментариев! — рявкает Эван, удерживая их рукой на расстоянии, и помогает мне забраться в его джип. Через две секунды с ревом заводится двигатель, и мы срываемся с места.

— Тебе надо отдохнуть, — говорит он, когда мы сворачиваем за угол. В салоне тихо работает радио на волне какой-то местной радиостанции

и ощущается запах самого Эвана, кожи и специй. — Я разбужу тебя, когда мы приедем туда.

Я сползаю пониже на сиденье, громко зевая.

— Куда туда?

— Ко мне домой. И прежде чем ты скажешь хоть слово, нет, я не повезу тебя в отель, так что даже не начинай.

Я и не начинаю. Я слишком устала, чтобы спорить. Я закрываю глаза и незаметно для самой себя засыпаю.

31

Просыпаюсь в незнакомой комнате и не сразу вспоминаю, где я. В комнате для гостей в доме Эвана, с отдельной ванной и замком на двери. Он был прав; кровать более чем удобная. Я вытягиваюсь на матрасе размера кинг-сайз, гадая, как тут очутилась. Последнее, что я помню, — это как Эван сказал, чтобы я отдыхала. Когда я закрывала глаза, мы только-только отъехали от моего дома.

События последней ночи всплывают в моем мозгу в режиме «стоп-кадр». Черное тело выскальзывает из тени в моей гостиной. Голос Уилла у меня в ухе, говорящий мне, чтобы я уходила. Похотливая ухмылка Корбана. Его мозги на стене кабинета, лужица густой, липкой крови из дыры в его черепе на ковре. Очень, очень много крови.

Без предупреждения к горлу волной подкатывает тошнота. Я вскакиваю с кровати, бегу в туалет и едва успеваю. Последний раз я ела вечность назад, и в желудке почти ничего нет, но меня все равно рвет, снова и снова, пока не остается одна только желчь. Я избавляюсь от тошноты, но головокружение не отпускает.

Уилл там был, я в этом уверена. Он был в… скольких? В десяти метрах от меня? Его голос преследует меня: «Айрис, уходи оттуда. Я уже еду». Несмотря на угрозы Корбана и обуревавший меня ужас, единственное, что я почувствовала, когда услышала в трубке слова Уилла, было облегчение. Облегчение оттого, что он жив, что он идет за мной, что наконец после всех этих страданий и боли я увижу его снова.

А сейчас? Сейчас я ощущаю только этот десятитонный груз разочарования из-за того, что обещанного так и не произошло, и смутный страх перед тем, что будет дальше.

Я чищу зубы новой зубной щеткой и зубной пастой из мини-тюбика, которые нашла на тумбочке в ванной, выбираю футболку и пару йога-легинсов из стопки одежды Сюзанны, которую Эван оставил для меня на комоде, а затем выхожу в коридор.

У Эвана роскошный дом. Высокие потолки, богатая лепнина, солнечные, просторные комнаты, отделанные в нейтральных тонах, каждая последующая еще красивей, чем предыдущая. Я не торопясь иду по коридору, вертя головой направо и налево, восхищаясь тонким вкусом Сюзанны, пока не оказываюсь перед закрытой

дверью. Последняя комната слева, я знаю, чья она. Если открою дверь, то увижу, что стены внутри выкрашены в розовый цвет.

У лестницы останавливаюсь около стены, увешанной фотографиями в рамках — свадебные портреты и снимки, сделанные на отдыхе, вперемежку с более поздними детскими фото. В самом центре — черно-белая фотография прекрасной темноволосой женщины с крошечной девочкой на руках. Мое сердце сжимается от жалости к двум людям, которых я не знала, и особенно к мужчине, чьи тяжелые шаги слышу внизу. Как он ходит мимо этих фотографий каждый день? Закрывает глаза? Отворачивается? Я бы не смогла.

Я тихонько спускаюсь вниз по лестнице, где ощущается явный запах чего-то горелого, отчего мой пустой желудок скручивает очередной приступ тошноты. Я жду, пока он пройдет, потом иду на шум и оказываюсь в кухне настоящего шеф-повара — темные шкафы и сверкающая стальная утварь. Эван стоит у кухонного острова, нарезая на доске красный перец длинными, тонкими ломтиками.

— Привет, — говорю я.

Он поднимает взгляд, потом делает быстрый, резкий вдох носом. Это рефлекс, одна из тех

непроизвольных реакций на боль, легочный аналог вздрагивания. Я знаю, потому что то же самое происходит и со мной — воспоминания накатывают на меня, когда я меньше всего этого ожидаю.

— Извини, — говорю я и поворачиваюсь, чтобы уйти. — Пойду переоденусь.

— Нет, нет, все нормально. — Он прочищает горло и мотает головой. — Ну, не то чтобы совсем нормально, но я приду в себя. Скоро.

Именно поэтому я и не хотела сюда приезжать. Потому что здесь живут воспоминания, которые мне не принадлежат, это как ступить на чужую территорию, где тебе не рады.

— Ты уверен? — Я показываю на футболку Сюзанны. — Я не обижусь.

— Нет, оставь. Твои вещи грязные. Я подумал, что у вас один размер. — Он машет в воздухе острием ножа, показывая мне на стул по другую сторону острова. — Проходи, садись. Я готовлю ужин.

Ужин? Я оглядываюсь в поисках часов.

— А который час?

— Начало седьмого. Ты проспала почти семнадцать часов.

Я так и падаю на стул, вытаращив глаза.

— Семнадцать часов, как это возможно? Я не спала так долго с… с подросткового возраста, когда Скотт Смит заразил меня мононуклеозом. И заснула даже без волшебной голубой пилюли моего брата.

Эван хмыкает.

— За последние две недели я успел узнать, что горе очень изматывает.

— Мне нужно позвонить начальнику. Он…

— Не нужно, я уже поговорил с Тедом. И с твоей мамой тоже. Она, кстати, просила тебя позвонить ей при первой же возможности. Тед сказал, что ты можешь отдыхать сколько понадобится.

— А что полиция?

— Детектив Джонсон проявила гораздо меньше понимания. Она сказала, что, если ты не проснешься к утру, она приедет сюда сама. Я заверил ее, что в этом нет необходимости и что завтра мы первым делом приедем в участок, чтобы дать показания.

— Она сообщила что-то новое?

— Немного. Я хотел рассказать тебе все за ужином. А потом нам надо составить план. — Он тычет большим пальцем в направлении плиты у себя за спиной, где над сковородой поднимается столб черного дыма. — Я готовлю энчиладас.

— Здорово, но, мм… — Я показываю на плиту, и Эван оборачивается посмотреть. Он бросается к сковороде, снимает ее с огня, но уже слишком поздно. Ее содержимое уже превратилось в угли.

Он бросает сковороду вместе со всем содержимым в раковину и включает воду, раздается шипение.

— Новый план. Какую пиццу ты любишь?

* * *

— Хочу пожить у тебя, — говорит мама по телефону, и я представляю, как она стоит в своей прихожей с дорожной сумкой, сжимая в руке ключи от машины. — Когда я могу приехать?

Я сижу за кухонным столом и наблюдаю, как Эван старается отмыть сковороду с помощью железной мочалки и невероятных усилий. По-моему, у него плохо получается. Каждый раз, когда он смывает мыльную пену, чтобы проверить результат, ему приходится начинать все сначала.

— Как только вернусь домой. — В отличие от мамы, которая почти кричит и явно находится на грани истерики, стараюсь держать себя в руках. — Это все еще место преступления, так что я пока живу у Эвана.

Когда Эван слышит свое имя, он кивает.

— Какой милый человек, — говорит мама. — Обними его за меня, хорошо? Скажи ему, что я даже не знаю, как его благодарить. Скажи ему прямо сейчас.

Я улыбаюсь, потому что мама права. Эван Шеффилд и правда настоящее сокровище. Он из тех, о ком принято говорить, что он «хороший парень». Несмотря на ужасную беду, которая разрушила наши жизни, я ощущаю себя так, будто получила приз.

— Мама говорит, что не знает, как тебя благодарить.

Эван поднимает голову над раковиной, потом выключает кран и сует сковороду в мусорное ведро.

— Передай ей, что я люблю пироги. Особенно с вишней.

Я передаю, и мама обещает в скором времени напечь пирогов. Она с облегчением вздыхает:

— Я так рада, что у тебя все хорошо.

Мы еще немного болтаем, но я не рассказываю ей про Уилла. Я не готова. Сначала нам с Эваном нужно разработать план; и, пока я не буду точно знать, что именно скажу детективу Джонсон, я не хочу никого, и прежде всего маму, заставлять лгать или говорить полуправду. Я ссылаюсь на

усталость и обещаю, что завтра мы поговорим подольше, после чего мы прощаемся.

Эван ставит передо мной ледяную бутылку пива и садится.

— Полиция нашла пропавшие деньги «Эппсек».

— Все?

— Почти. Не хватает примерно пары сотен. — Он делает глоток. — Они нашли выписки со счетов в компьютере Корбана.

У меня в голове что-то щелкает, и все проясняется, как будто кто-то срывает покров, прикрывающий статую, и она предстает на всеобщее обозрение. Понимание приходит мгновенно. Я ни секунды не раздумываю, откуда там взялись деньги и почему.

— Уилл. Это он перевел деньги, чтобы подставить Корбана.

Эван пожимает плечами, но по его лицу я вижу, что он со мной не согласен.

— Корбан работал в банке, который осуществлял все операции для «Эппсек». Он…

— Он перевел акции в компанию, которую открыл на Багамах, потом продал их по наивысшей цене. Я знаю. Корбан мне тысячу раз это говорил. Но почему Уилл оставил все деньги? Если он по-

шел на все это, чтобы украсть их, почему бы ему не оставить столько, сколько необходимо, чтобы подставить Корбана, а остальное забрать себе?

— Может, дело не только в том, чтобы обвинить Корбана, но и чтобы снять подозрения с себя. Если все деньги вернутся на счет, у полиции не останется причин его разыскивать.

— Если не считать того, что теперь его подозревают в убийстве.

— Возможно. Но насколько я могу судить, у них почти ничего нет, кроме примятой травы на газоне рядом с сараем и пули, которую коронер извлек из черепа Корбана. Пока не найдут пистолет, из которого она была выпущена, толку от нее мало.

— А они его не найдут. — Я не знаю, что Уилл сделал с оружием, но абсолютно уверена: пистолет никогда не найдут.

Эван делает большой глоток из бутылки и качает головой:

— До прошлой ночи я бы сказал, что это исключено. Никто не может совершить подобное преступление, не допустив ни единой ошибки. Никто не может быть настолько умен. Но твой муж, возможно, смог, потому что, пока суд да дело, «Либерти эйрлайнс» нашла его портфель на

месте крушения. Он сильно поврежден и очень грязный — все время шли дожди, однако ноутбук цел. Его отправили в лабораторию на исследование, но кто знает, удастся ли что-то извлечь из него.

Я знаю, что они сумеют извлечь — ничего. Ни единого самого крошечного доказательства того, что Уилл имел хоть какое-то отношение к хищению в «Эппсек». На самом деле я могла бы поклясться, что каждый байт информации, который им удастся извлечь из компьютера, будет, не оставляя ни малейшей тени сомнения, доказывать как раз обратное — что Уилл был образцовым сотрудником, которому в голову не пришло украсть у компании хотя десять центов.

— Послушай, я считаю тебя другом, поэтому понимаю, в каком затруднительном положении ты находишься. Если полиция найдет доказательства того, что Уилл до сих пор жив, если они повесят на него убийство Корбана, Уилл отправится в тюрьму. В этом можно не сомневаться. И я понимаю, что видеть это после всего, что случилось, будет невыносимо.

Я киваю, ожидая, когда он скажет «но…», которое обрушивается на меня словно гром среди ясного неба.

— Но, как твой адвокат, я советую тебе не лгать. Лжесвидетельство — это преступление, и довольно серьезное. Супружеская привилегия позволяет тебе не разглашать содержание телефонного разговора, но, если тебя спросят, говорила ли ты с Уиллом после катастрофы и ты скажешь что-то, о чем я буду знать, что это ложь, наш договор о конфиденциальности останется в силе, но я не смогу защитить тебя.

— Я понимаю. И не собираюсь ставить тебя в такое положение.

— Вчера ночью ты почти сделала это. — Его слова звучат жестко, но не голос.

— Больше я так не поступлю.

— Хорошо. — Он кивает, ударяя ладонями по столу, словно подтверждая, что вопрос решен. — Есть какие-то мысли по поводу того, что ты собираешься сказать полиции? Для нас обоих будет полезнее, если я буду в курсе.

Я представляю своего мужа, стоящего в тени у сарая, его лицо перекошено от гнева, он целится из пистолета в человека в окне. Я вижу, как он решительно нажимает на спусковой крючок, посылая пулю в смертельный полет, и у меня начинает крутить желудок. Да, он сделал это ради меня, чтобы спасти меня, и все же… Уилл убил

человека, застрелил его, и если подумать, то все это ради кучи денег.

А потом я вижу мужа, стоящего на одном колене в продуктовом отделе «Крогера», на его лице написаны одновременно волнение и надежда, когда он произносит те четыре коротких слова, которые я так хотела услышать. «Ты выйдешь за меня?» Я помню ту радость, которая вспыхнула внутри меня, те слезы, которые катились по моим щекам, когда я ответила «да». Да, да, да.

Способна ли я выложить все начистоту? Могу ли я сказать полиции, что мой муж жив? Что он и есть убийца?

Я закрываю глаза.

— Ни малейшего представления.

Звенит дверной звонок, возвещая о прибытии ужина.

— Подумай об этом и скажи мне, хорошо? — говорит Эван, накрывая мою руку своей, прежде чем подняться. — Делай так, как считаешь нужным. Если я не смогу быть твоим адвокатом, то всегда буду твоим другом.

32

Я высаживаю последний красный флокс из поддона на клумбу у почтового ящика и слегка приминаю землю вокруг. Стоит чудесное воскресное утро, и весна в Атланте в самом разгаре. Яркое солнце, низкая влажность, и повсюду цветы — в оконных ящиках, вдоль дорог, в виде пышных розовых и белых шапок на вишневых и кизиловых деревьях. Цветы покрывают город слоем желтой пыльцы, вызывая у меня аллергию, такую же сильную, как мой страх.

Прошло уже тридцать три дня, а от Уилла до сих пор нет вестей.

— В городе более двенадцати тысяч камер наблюдения, и их число неуклонно растет, — сказала мне детектив Джонсон несколько дней назад. — В течение дня вы обязательно хоть раз попадаете в поле зрения одной из них.

Трудно сказать, чего больше в ее словах — обещания или предупреждения. По данным «Либерти эйрлайнс» и Департамента здравоохранения штата Джорджия, Уильям Мэтью Гриффит мертв. Однако, по данным детектива Джонсон и

Полицейского управления Атланты, все не так однозначно. Убийца Корбана до сих пор не найден. А ДНК Уилла не обнаружено на месте крушения.

Но поскольку есть свидетельство о смерти, между страховой компанией и фирмой Эвана велась активная переписка, и на прошлой неделе он вручил мне три чека с длинной вереницей нулей на каждом. По совету Эвана я положила деньги на накопительный счет до тех пор, пока мы не будем знать наверняка — хотя я, конечно, уже знаю.

Но на сегодняшний день я — единственная, кто знает.

Уилл хорошо скрыл следы. Полиция не смогла отыскать ни одного телефонного номера, ведущего к нему. Они не нашли ни одного файла на найденном компьютере, который бы уличал Уилла в краже. Единственная причина, почему они подозревают, что он жив, — это я — из-за того, что рассказала детективу Джонсон правду. То утро, когда я дала показания, стало для меня очищением, словно я избавилась от ядовитых токсинов, отравлявших мою душу. Я рассказала ей все, начиная с утра катастрофы. Она как будто совсем не удивилась, но сказала, что, пока не найдет твердого доказательства того или иного

— жизни или смерти, лучше не трогать ни цента из этих денег.

— Привет, Айрис, — окликает меня через улицу соседка по имени Селеста. Она кивает на цветы, которые я посадила вместо кустов, вытоптанных полицией и журналистами. — Красивые.

Я отряхиваю руки и встаю.

— Спасибо. Просто стараюсь привести все в порядок перед тем, как выставить завтра дом на продажу.

При этих словах грудь пронзает острая боль. Несмотря на миллионы, пылящиеся на банковском счете, мне приходится продавать дом. Выплачивать ипотеку в одиночку мне не по карману, а все деньги с кредитных карт ушли на оплату ухода за отцом Уилла. Я забрала его из того ужасного места и определила в частный дом престарелых для людей с нарушениями памяти, красивое здание со светлыми комнатами и приветливым персоналом. Ежемесячные счета убивают меня, и, хотя Эван уверят, что, когда мы покончим с «Либерти эйрлайнс» — рассказ Тиффани подтвердился, и в доказательство она даже представила несколько убийственных фотографий с холостяцкой вечеринки, сделанных, когда та была в полном разгаре, — деньги не будут для

меня проблемой, расследование может занять месяцы или даже годы. Мой брокер уверяет меня, что сейчас наилучшее время для продажи: «На быстро развивающемся рынке недвижимости сейчас весна, Айрис. Вы сможете получить за дом хорошие деньги», и мне так и хочется сказать ей: «Идиотка, я продаю дом не для того, чтобы нажиться. Я продаю его потому, что мне нужны деньги».

Я говорю себе, что это всего лишь дом, несущественная и неодушевленная вещь, утрата которой не означает исчезновения всех воспоминаний, связанный с нею, но мне все равно больно. Несмотря на полупустую постель, на пролитую здесь кровь, я не хочу покидать дом. Всего лишь месяц назад мы с Уиллом старались заполнить его детьми.

— О нет. Вы уезжаете? — Селеста делает страшное лицо, а ее глаза шарят вокруг словно золотые рыбки. Я прямо слышу ее мысли: «О чем мы будем говорить, если вы уедете?»

Я киваю:

— Этот дом слишком большой для меня одной.

Еще один укол, такой же болезненный, как и первый. В утро катастрофы я так сильно хотела быть беременной, и даже официально считалась

таковой почти целую неделю. Оказалось, что мне суждено было стать еще одним подтверждением статистических данных, согласно которым одна из десяти беременностей заканчивается выкидышем на ранних сроках, и мои рыдания по этому поводу продолжались почти так же долго. Я говорю себе, что это к лучшему, что ребенок навсегда неразрывно связал бы меня с Уиллом узами куда более прочными, нежели брачные. Но мне все равно мучительно думать о том, что могло бы быть.

Селеста одаряет меня сверкающей улыбкой:

— Нам всем будет вас не хватать.

В этом я могу поклясться. Пресса, похоже, потеряла интерес к моей истории, но только не соседи. Целый день они звонят в дверь, якобы чтобы занести запеканку и лазанью, и засыпают меня вопросами про ту ночь в надежде, что я сообщу им пару кровавых подробностей, о которых они еще не слышали в новостях. Пятнадцать минут славы сделали меня самой известной особой в Инман-Парк.

Но, как и сейчас с Селестой, я улыбаюсь и вежливо благодарю их, а потом ухожу.

Когда я вхожу в дом, мне на мобильный звонит Эван.

— Привет.

— Привет, — отвечаю я, улыбаясь. Мы с Эваном разговариваем по нескольку раз в день, и разговор всегда начинается одинаково. — Что случилось?

— «Брейвс» против «Де Кардс» в два, вот что случилось. Я взял два места за скамейкой запасных. Встречаемся там?

Еще одна привычка, которая объединяет нас с Эваном, мы с ним болельщики. За эти несколько недель мы выяснили, что у нас много других интересов и особенностей, более радостных и значимых, которые связывают нас помимо общей причины, по которой мы потеряли своих супругов. Странно, но, когда я задумываюсь об этом, прихожу к выводу, что одно и то же событие может сблизить двух людей и заставить их расстаться. Возможно, однажды, когда-нибудь, отношения между мной и Эваном смогут перерасти во что-то большее, но не сейчас. И не в ближайшем будущем. Нам обоим надо многое оплакать.

— Конечно, — говорю я. — Но теперь твоя очередь покупать хот-… — Я вхожу на кухню, а там — он, там Уилл. Воздух в легких внезапно заканчивается.

Он небрит и сильно похудел с тех пор, как я видела его в последний раз. Морщины на лице тоже стали глубже, образовав продольные линии на лбу и заключив в скобки линию рта. Даже его волосы, темные, коротко подстриженные, на висках стали седыми. Но он все так же красив. При виде его мое тело немеет.

— Что случилось? — спрашивает Эван в трубке, его голос становится серьезным. — Ты в порядке?

— Да. — Горло у меня перехватило, и я не могу произнести даже одно это слово. Оно размыто и бесформенно, так что даже я сама не могу его расслышать.

В трубке становится тихо.

— Он там? Подожди, не отвечай. Просто… будь осторожна и перезвони мне потом. — Эван дает отбой.

Я со стуком кладу телефон на стойку, ни на секунду не отрывая глаз от Уилла. Вцепляюсь руками в край гранитной столешницы в ожидании приступа ярости оттого, что снова его вижу. Я жду, но злости все нет. Вместо этого я чувствую внезапное облегчение и любовь, как будто слой теплого меда обволакивает мое сердце. Черт возьми, я все еще люблю этого человека. Все еще люблю. Несмотря на всю ложь и предательство,

и, наверное, всегда буду любить.

— Боже, как я скучал по тебе, — шепчет он.

Я одним невероятным прыжком бросаюсь к нему.

Это оказывается для него неожиданностью. Он отступает на шаг и с громким рыком успевает поймать меня. Его руки обхватывают меня за бедра, а мои обвивают его за шею, а дальше я уже не разбираю, кто что делает. Я знаю только, что он целует меня, а я в ответ целую его. Тридцать три дня — самый долгий срок, который мы провели в разлуке.

А потом я прихожу в себя.

Я высвобождаюсь из его объятий, замахиваюсь и изо всех даю ему пощечину. Удар получается громким, почти оглушающим в тишине кухни.

Уилл не двигается.

Я снова замахиваюсь и снова бью, еще один сильный удар по щеке, на которой уже горит ярко-красный след моей ладони.

Уилл чуть вздрагивает от удара, но в ответ лишь вздергивает подбородок и ждет следующего. Он как будто рад боли.

Не дождавшись, когда я ударю в третий раз, он опускает голову.

— Я не ожидал, что ты начнешь искать меня.

Не ожидал, что ты когда-нибудь узнаешь правду.

— Что ты подразумеваешь под правдой? За последний месяц мне стало казаться, что все слова, которые ты произносишь, ложь.

Он качает головой:

— Я никогда не лгал тебе о своих чувствах. Никогда. Тут все на сто процентов правда.

Мое сердце разрывается от боли. Я оглядываю кухню, которая сейчас кажется мне одновременно такой знакомой и чужой, смотрю на записки на холодильнике и на фотографии на барной стойке и на мраморных столешницах, сделанные во время одной из воскресных поездок в Южную Каролину, и смахиваю слезы.

— Ты все еще предпочитаешь мне деньги.

Он не кивает, но и не качает головой.

— Я вернул деньги. Помнишь?

— Ты их не вернул. Ты сделал так, чтоб их нашли в компьютере Корбана, а для чего? Чтобы полиция перестала тебя искать, чтобы они подумали, что ты мертв?

— Я сделал это ради тебя. Я убил Хака ради тебя. Полиция бы этого не сделала, они не стали бы стрелять, пока не увидели бы, что он вооружен, а Хак был больной ублюдок, он свернул бы тебе шею не моргнув глазом, просто потому, что

знал, что я наблюдаю за вами. Я не мог ему это позволить.

Хак? Я хмурюсь.

— Я думала, Хак в Коста-Рике.

— Хак — это Корбан. Его имя Корбан Хак, не Хейз.

И внезапно все становится на свои места. Парнем, который жил на одном этаже с Уиллом в Рейнир-Виста, сыном той женщины, которая сказала, что слышала три ссорящихся голоса в ночь, когда случился пожар, был Корбан. Корбан — это Хак. Лучший друг Уилла, у которого якобы была школа серфинга в Коста-Рике, на самом деле все время находился в Атланте.

Кажется, что лжи нет конца.

Я складываю руки на груди, приваливаюсь боком к столешнице и устраиваюсь поудобней.

— Давай, Уилл, расскажи мне правду. Мне нужно, чтобы ты все мне рассказал.

В конце концов мы оказываемся на угловом диване в кабинете, где никогда, даже во время самых ожесточенных наших споров, не были так далеко друг друга. Всего месяц назад мы обсуждали все, сидя в центре дивана, Уилл — забравшись в угол, а я — пристроившись у него под мышкой. Мы держались за руки, мы смягчали резкие слова

ласками и поцелуями. Но сегодня нас разделяют четыре диванные подушки и кофейный столик.

Уилл наклоняется вперед, уперев локти в колени, и поправляет лежащую на столе стопку журналов. Ему нужно чем-то занять руки, пока он подбирает слова. Рядом с журналами в лучах полуденного солнца две бутылки ледяной воды с запотевшими горлышками. Я вижу, как на одной из них собирается большая капля и медленно стекает вниз.

— Я убеждал себя, что тебе не обязательно знать обо мне всю правду, — говорит Уилл, по-прежнему не поднимая глаз. — О той части моей жизни, я имею в виду. Рейнир-Виста. Мои родители. Я думал, что это не важно, потому что покончил с этим. Я оставил все это позади.

Он поднимает на меня глаза, чтобы увидеть выражение моего лица и понять мою реакцию на его слова, и, должно быть, увиденное огорчает его, потому что он хмурится.

— Ты должна знать, что сейчас я совершенно другой человек.

Я стараюсь, чтобы ни лицо, ни голос не выдали моих чувств.

— Кто устроил пожар?

— Я не имел никакого отношения к этому по-

жару. Его устроил Хак. — Не дождавшись ответа, Уилл отводит взгляд, словно собираясь с духом. — Ну да, хорошо, я знал, что он задумал. Я знал и не попытался его остановить. И я не бросился стучать в двери, чтобы предупредить людей.

— О, Уилл… — Мой голос срывается, и повисает долгое молчание.

Он виновато смотрит на меня.

— Я знаю. Я до конца своих дней буду слышать тот материнский крик. Я буду видеть, как выносят в мешках тела тех детей. Но клянусь Богом, я не поджигал.

— В ту ночь погибла и твоя мать.

— Эта женщина не заслуживает моих слез, после того что она сделала. — В голосе Уилла нет ни злости, ни горечи, он просто констатирует тот факт, что у него была никудышная мать. — Как и человек, за которого она вышла замуж.

— Я видела его в Сиэтле, Уилл. Дела у него не очень.

— Ты хочешь, чтобы я сказал, что мне жаль его? Так вот, мне его не жаль, и тебе не должно быть. И ты не должна оплачивать его содержание. Человек, который будит своего ребенка среди ночи для того, чтобы разбить ему губу, не заслуживает и цента твоих денег. Я вычеркнул его из своей

жизни, как и всех в Рейнир-Виста.

— Всех, кроме Хака.

Уилл качает головой:

— Нет. Я не знаю, как он меня нашел, но наша встреча не доставила мне радости. Он не оставил мне выбора. Он сказал, что я должен помочь ему украсть те акции или он все тебе расскажет. Он был сумасшедшим сукиным сыном, но отлично умел находить уязвимые места. Он знал, кто ты для меня и что ты для меня значишь.

Я быстро закрываю глаза, в голове всплывают слова, от которых меня начинает мутить. «Давайте выкурим крысу из норы. Что скажете?» Возможно, Корбан и дергал за веревочки, но совершил преступление Уилл. Причем дважды. Сначала когда украл деньги у «Эппсек», потом когда нажал на спуск. Тот факт, что ему кто-то угрожал, не снимает с него вину.

В груди возникает знакомая боль, но я подавляю ее.

— Продолжай, — прошу я, открывая глаза. — Что дальше?

— Остальное ты знаешь. Ник обнаружил пропажу. Я сбежал.

— Нет, я имею в виду, что, по-твоему, должно было произойти после того, как ты украдешь

акции? С пятью украденными миллионами на счете не может быть никаких «долго и счастливо», Уилл.

— Я знаю, но… Я должен был перевести акции. Другого выхода не было.

— Ты мог сказать правду.

— Нет, не мог. — Он быстро и сердито мотает головой. — Ты не понимаешь. У меня никогда не было такой девушки, как ты. Такой умной, и смешной, и доброй. И такой чертовски красивой. — Он смотрит на меня, и его лицо светлеет. — Как я мог не влюбиться в тебя? Хотя бы за то, как ты смотрела на меня?

— А как я на тебя смотрела?

— Как будто я хороший. Как будто я этого достоин.

Я киваю, потому что это правда. Я действительно думала, что он хороший. Думала, что он достоин. Мне в голову не могло прийти, что он вор, или лжец, или убийца. Какая часть человека, которого я любила, была настоящей? Какая часть нас?

Я плачу, слезы льются быстро и неудержимо. Я так долго не давала им воли, но теперь мы здесь вдвоем. И больше нет причин их сдерживать.

— Хак присылал мне сообщения, притворяясь

тобой.

— Я знаю. Так же как знал, что он проиграет. Вот почему я вернулся.

— Ты не присылал ни одного из них?

— Только два первых, когда выяснил, что вы с Дэйвом в Сиэтле. Я знал, что вы там делаете, и мне нужно было остановить тебя. Когда у меня не получилось, когда я понял, что задумал Хак, подкинул тебе в ящик записку, потому что волновался, но остальные… — Он качает головой. — Остальные были от него.

— Но зачем?

— Чтобы заморочить тебе голову или выяснить, как много ты знаешь. Но скорее всего, и то и другое. Он не был самым здравомыслящим человеком на планете.

— А катастрофа?

Почувствовав в моем голосе обвинение, Уилл немного распрямляется.

— Я не имею отношения к катастрофе.

— Тогда как твое имя попало в списки погибших?

— Я летел в Орландо, помнишь? Я…

Останавливаю его движением руки.

— Я говорила с Джессикой. Не было никакой конференции.

— Нет, но был тот парень. — Он морщится. — За пятьдесят тысяч баксов он сделал мне новые документы, помог исчезнуть. Я встретился с ним в Ки-Уэсте.

Я вспоминаю то утро в постели, то, как он устроил мне сюрприз с кольцом, выражение его лица, когда он надевал мне его на палец, и на глаза снова набегают слезы.

Я жестом прошу его продолжать.

Уилл делает глубокий вдох, потом выдох.

— В общем, я опоздал на самолет, я ждал следующего рейса, когда упал борт «Либерти эйрлайнс». Это было раз плюнуть. Ты удивишься, сколько у «Либерти» дыр в сетевой защите, как просто было купить билет и внести имя в список пассажиров. Я только потом понял, что самолет, летевший в Сиэтл, оказался ключом к ящику Пандоры.

Я думаю о Сюзанне, прижимавшей Эмму к груди, когда самолет падал с неба, о наполненных болью глазах Эвана на поминальной службе.

— Эти несчастные люди! Их несчастные семьи. И целых две недели я думала, что ты один из них, что ты тоже лежишь на том кукурузном поле, разорванный на миллион кусочков. Знаешь, каково это было?

— Да, прости. Я даже не могу передать тебе, как

мне жаль.

Я смотрю вниз на свои руки, лежащие на коленях, на два кольца, которые мой муж надел мне пальцы. А потом касаюсь ладонью груди, где под рубашкой на цепочке все еще висит его собственное кольцо.

— А твое кольцо? А портфель и компьютер?

— Подбросил. — Он морщится. — Люди многое готовы сделать за деньги.

Такие люди, как ты, думаю я и чувствую, как боль камнем ударяет мне в грудь. Я хотела знать правду, а теперь хочу прижать ладони к ушам и не слышать его слов. Правда слишком чудовищна. Мой муж — монстр.

— Видишь? — говорит он. — Ты уже делаешь это.

— Делаю что?

— Смотришь на меня иначе. Как будто спрашиваешь себя, как ты вообще могла любить меня.

Я замолкаю, потому что это правда. Именно этот вопрос я себе и задаю.

Уилл смотрит в сторону, остановив взгляд на фотографии «Роллинг стоунз», которую я подарила ему на его прошлый день рождения.

— Ты печешься о природе, и воспитании, и о тех бедных богатеньких детках, с которыми

работаешь, но не можешь поставить себя на мое место. Не можешь представить, каково это, когда твой отец слишком занят тем, что дубасит тебя, что ему не до работы, а мать так пьяна, что ее это не волнует. Или каково это — уминать сэндвич с протухшим майонезом и заплесневелым хлебом и чувствовать облегчение оттого, что в желудке что-то есть. Твоя жизнь была так далека от этого ада, что ты не можешь его себе даже вообразить.

Его слова тяжким грузом ложатся на мое сердце и одновременно ожесточают его. Да, опыт научил меня не перекладывать на ребенка вину за сомнительное поведение его близких. Дети — продукт своих родителей, и ничтожные или вовсе отсутствующие родительские навыки нагружают ребенка соответствующим багажом, и в этом нет его вины. Я так часто это повторяю, что Уилл знает, что я действительно в это верю. Он знает, что из-за ошибок его родителей я не стану думать о нем хуже.

Но он также знает и то, что я учу своих студентов оставлять свой багаж в прошлом, становясь ответственными. Я учу их отвечать за свои действия и поведение, следовать правилам и оправдывать ожидания. Об этом я тоже говорила Уиллу, но точно так же, как я выбирала, чему

верить в отношении его, так и он выбирал, что он хотел услышать.

— Я не знала о твоей жизни, потому что ты мне никогда не рассказывал. Ты даже не пытался. Как я могу представить себе что-то, о чем ничего не знаю?

Теперь Уилл в первый раз за сегодня занимает оборонительную позицию. Он сдвигается на край дивана и хмурит лоб.

— Ладно, Айрис, давай начистоту. Что бы ты сказала, если бы я рассказал тебе? Что, если бы я пригласил тебя на кофе в тот самый первый день и сказал, что у нас с Хаком есть план, прекрасный, верный план, как смыться с такими деньжищами, о которых мы и не мечтали? Ты дала бы мне свой телефон? Ты согласилась бы встретиться со мной еще раз? — Он качает головой. — Не думаю.

— То, что вы с Хаком делали, было неправильно, Уилл. По отношению к твоим родителям, к тем бедным детям и их матери, к «Эппсек», ко мне. К нашему браку. А что, если бы тот самолет не упал? Ты бы так и улетел во Флориду и там исчез? Ты хоть на секунду остановился, чтобы подумать о том, что будет со мной?

— Я только о тебе и думал. Ты — все, о чем я во-

обще думал, даже после того, как сбежал. Я хотел завести детей и состариться рядом с тобой, Айрис. Я хотел, чтобы мы всегда были вместе. Но я не мог остановить Хака. Он угрожал, что расскажет тебе правду обо мне, а потом Ник обнаружил пропажу акций и понял, что их украл я. Я не мог остаться.

— Потому что ты хотел эти деньги.

Его руки, лежащие на бедрах, сжимаются в кулаки, так что костяшки пальцев белеют от напряжения.

— Нет! Не из-за денег. Деньги тут ни при чем.

— Тогда почему? Почему ты не мог остаться?

Уилл стискивает челюсти и отводит взгляд.

— Скажи мне, черт тебя побери!

— Потому что я скорее предпочел бы, чтобы ты считала меня умершим, поняла?

Он выпускает слова, словно стрелы, выглядя при этом так, будто удивляется, что делает это, зная, что они летят в меня. Он скорее предпочел бы, чтобы я считала его умершим, чем что? Я жду, чтобы он объяснил, и дерзкое выражение на его лице сменяется страданием. Оно искажает его черты, как слишком тугая маска из чулка.

— Я столько всего сделал неправильно, но хотел, чтобы с моим наследием все было как надо. Я хотел, чтобы ты думала, будто я погиб в том

самолете, потому что тогда никогда бы не узнала правды. Я хотел, чтобы ты сохранила достойные, счастливые воспоминания о мужчине, в которого влюбилась, которого видела каждый раз, когда смотрела на меня. Я хотел быть тем мужчиной в твоих воспоминаниях.

Его слова разбивают мне сердце, никогда прежде я не бывала в таком смятении. Люди погибли. Миллионы долларов исчезли. То, что сделал Уилл, неправильно во всех отношениях, и я знаю, что должна просто кипеть от злости. Я знаю, что должна чувствовать вину, и гнев, и смущение, и да, ненависть тоже.

И все же, глядя в прекрасное, искаженное страданием лицо мужа, я чувствую одну только жалость. Всепоглощающую жалость к человеку, который предпочел разыграть собственную смерть, чем открыть правду.

К горлу подступают рыдания, испугав нас обоих.

— Я должна ненавидеть тебя. Я хочу ненавидеть тебя. Я хочу, чтобы мне было физически плохо оттого, что нахожусь в одной комнате с тобой, но нет. Я все еще люблю тебя и презираю себя за это.

Уилл придвигается ближе. Он скользит по ди-

вану до тех пор, пока не оказывается почти рядом со мной.

— Я всегда буду любить тебя.

Это единственное, в чем я уверена. У каждого человека есть «спасительное» свойство, которое искупает все его недостатки. У Уилла — это способность любить.

— И что теперь? — Слезы вновь начинают течь, потому что я знаю ответ: «Сейчас он уйдет. Сейчас он исчезнет».

Он дотрагивается до моей руки и проводит большим пальцем по кольцу от Картье, которое сам же надел, по кольцу, которое я должна вернуть, хотя знаю, что буду носить до своего последнего дня.

— Поедем со мной. Мы будем жить на холме, глядя на океан, и спать под звездами. Мы можем исчезнуть, только ты и я.

Я качаю головой прежде, чем звучит последнее слово. Я не могу оставить Дэйва, не могу поступить так со своими родителями. Я не могла думать даже о том, чтобы переехать на другой конец страны, где уж там совсем исчезнуть. Я лучше кого бы то ни было знаю боль тех, кого покидают.

Он улыбается, и это самая горькая улыбка из

всех, что я видела.

— Но попробовать стоило.

Он проводит пальцем по моей руке, и я вздрагиваю. Уилл играет нечестно, и он это знает. Моя кожа всегда была слишком чувствительна.

— Остановись, — шепчу я, но совсем этого не хочу, ни капельки.

— Я не могу остановиться и не могу уйти. — Его руки обнимают меня за талию, и мои обвивают его шею. Движение абсолютно естественно, как будто рукам там и место. — Не раньше, чем попрощаюсь с моим самым любимым человеком на планете.

Так вот что это. Это прощание. Я вспоминаю все причины, по которым должна радоваться, глядя, как он уходит. Деньги. Ложь и обман. Его умирающий отец и погибшая мать. Корбан и двое мертвых детей. Особенно дети. Он не тот мужчина, за которого я выходила замуж. Я хочу ненавидеть его за все, что он сделал.

Но потом я смотрю в его глаза, и передо мной снова мой муж. Мужчина, который танцевал со мной медленный танец на вершине Стоун-Маунтин на глазах у дюжины туристов. Который надел мне на палец кольцо и поблагодарил меня, когда я ответила «да». Который, когда я видела

его в последний раз, просил меня подарить ему маленькую девочку, похожую на меня. Я вижу его и вспоминаю, каким он был, какими мы были, и мое сердце разрывается.

Он целует меня, и я позволяю ему это. Нет, я позволяю намного больше. Он целует меня, и я вкладываю все тридцать три дня душевных мук, смятения и облегчения в ответный поцелуй. Этот поцелуй словно первый и последний, и все поцелуи, которые были между ними, и внезапно я не могу вспомнить ни одной причины сопротивляться ему, этому нашему прощальному поцелую. Я не могу ощутить даже легчайший укол той боли, которую я испытывала весь этот ужасный месяц.

Я беру его за руку, заставляя встать с дивана, и веду наверх. Мы раздеваемся по пути, оставляя ворох хлопка и денима на лестнице, на площадке и на полу у кровати — нашей кровати.

Когда мы остаемся нагими, он кладет меня на постель, обнимает с нежностью, трепетом и любовью. Он продевает палец в кольцо — его кольцо — на цепочке у меня на груди.

— Красивая девочка.

Я поднимаю руки, как ответ, как приглашение.

Мы занимаемся любовью, и кажется, что это

самая естественная вещь на свете и самая душераздирающая. Сколько раз мы лежали вот так же, потные, и соленые, и близкие?

Не меньше двух тысяч.

Но этот раз будет последним.

Его рот находится в движении, путешествуя по моей коже. Покрывая поцелуями мою шею, груди, любя каждый сантиметр моего тела. Я чувствую приближающийся оргазм, постепенно втягивающий меня в свою бешеную воронку, закрываю глаза, вцепляюсь обеими руками в простыни и жду.

Может, все дело в мести, в желании причинить Уиллу такую же боль, какую он причинил мне, отплатить ему за предательство той же монетой. Может, в обычной справедливости, стремлении привлечь Уилла к ответственности за пожар, за кражу денег, за разрушенные жизни невинных людей. А может, и то и другое. Я не могу разобраться в причинах, которые двигают мной, но следующий мой шаг абсолютно ясен. Я ни секунды не сомневаюсь в том, что поступаю верно.

Я открываю глаза, надо мной двигается мой муж. Его голова запрокинута, щеки запали, а глаза зажмурены от удовольствия, и весь предшествующий опыт говорит мне, что момент

настал. Его момент. И он продлится еще несколько секунд.

Я просовываю руку за прикроватную тумбочку, нажимаю на тревожную кнопку и держу.

Трех секунд достаточно.

Благодарности

Написание романа — это труд в одиночку, но эта книга не состоялась бы, не будь всех этих людей.

Благодарю моего литературного агента Никки Терпиловски, которая всегда откровенно говорит мне о недостатках в рукописи, требующих исправления, но делает это так, что всегда заставляет меня улыбнуться. Спасибо за то, что ты всегда меня поддерживаешь.

Благодарю моего редактора Лиз Стайн за то, что она влюбилась в эту историю и захотела ее опубликовать. Твой талант и настойчивость помогли придать роману его нынешний вид. И я благодарна всем сотрудникам издательства «МИРА Букс», которые поддерживали меня.

Хочу сказать спасибо Лауре Дрейк, первому читателю и критику этого романа, а также другим людям, которые прочитали его одними из первых, — это Карин Майерс, Карин Окли и Александр Рэтклиф. Андрэа Пескинд Катц, вы были правы. Вы были превосходным читателем второй версии романа, и ваша инициатива мне очень

помогла.

Благодарю Скотта Мастерсона, чей голос звучал у меня в голове, когда я писала реплики Эвана. Спасибо за то, что вы отвечали на мои глупые вопросы и за то, что предложили одни из лучших вариантов высказываний Эвана.

Моя огромная благодарность прекрасным дамам из «Алтитьюд», которые были одними из первых моих читателей и группой поддержки: Нэнси Джвис, Маркетт Дрешь, Анджелик Килкели, Джона Робинсон, Аманда Сапра и Трейси Уиллоуби. Встреча с вами, девочки, превращает любой день в лучший день месяца.

Также благодарю моих родителей, Диану и Боба Малески, за их бесконечную поддержку и мудрые советы. Я надеюсь, вы будете гордиться этой книгой.

И наконец, мои самые любимые люди на планете. Изабелла, ты мастерски придумываешь закрученные сюжеты. Ты уверена, что сама не хочешь быть писателем? Эвуд и Эван, спасибо вам за ваше терпение и поддержку, и простите за то, что еду приходилось заказывать в ресторане. Мое сердце принадлежит вам троим.